

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт научной информации
по общественным наукам**

**ИРАКСКИЙ КРИЗИС
И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ**

Сборник обзоров и рефератов

**Москва
2004**

ББК 63.3(0)64
И 77

Серия
«Глобальные проблемы современности»

*Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем*

Ответственный редактор — *Л.Д.Капранова*

Редактор — *Е.Л.Ушкова*

И 77   Иракский кризис и его последствия: Сб. обзоров и
рефератов / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед.
глобал. и регион. пробл. Отд. глобал. пробл. — М., 2004. —
200 с. — (Сер.: Глобал. пробл. современности).
ISBN 5-248-00207-9

Сборник включает аналитические и реферативные материалы, содержащие анализ непосредственных событий и последствий иракского кризиса, связанного с военной кампанией войск коалиции против режима Саддама Хусейна.

The book contains the collection of articles representing the analysis of different aspects of the events in Iraq arose due to the military campaign of the coalition forces.

ББК 63.3(0)64

ISBN 5-248-00207-9

©ИНИОН РАН, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

Раздел 1. Международная ситуация и военная операция против режима С.Хусейна

Война в Ираке: Борьба против терроризма или утверждение гегемонии США. (Сводный реферат)	9
Европейские интеллектуалы о событиях вокруг Ирака (По материалам информационных изданий ФРГ). (Реферативный обзор).....	18
<i>Снайдер Р.С.</i> Миф о преимущественном праве: Больше, чем война против Ирака.....	51
<i>Али Т.</i> Реколонизация Ирака	57

Раздел 2. Силовое решение международных проблем

Война в Ираке: Внешняя политика Великобритании и последствия войны для Соединенного Королевства. (Аналитический обзор)	60
Современный терроризм в цивилизационном контексте. (Реферативный обзор).....	85
«Аль-Каида» и ее потенциальные возможности. (Сводный реферат).....	101
Мировая экономика: Послевоенная неопределенность	109
<i>Деба А.</i> Полет над гнездом ястреба.....	115
<i>Капчан Ч.</i> Европа – США: Большой раскол.....	126

<i>Вэйс Ж.</i> Новая международная политика США	131
<i>Энсель Фр., Гез О.</i> Отношения между Вашингтоном и Москвой и иракский кризис	138
<i>Эйсбур Ф.</i> Опасность всемогущества	143
<i>Кюш П.</i> Ирак: А вдруг Франция ошиблась?	153

Раздел 3. Ирак после войны: Перспективы строительства нового общества

<i>Баймен Л.Л.</i> Строительство нового Ирака: Роль сил коалиции.....	158
<i>Виммер А.</i> Демократия и этнорелигиозный конфликт в Ираке.....	166
<i>Халсмэн Дж., Филипс Дж.</i> Послевоеенное политическое урегулирование в Ираке.....	170
<i>Накаш И.</i> Шииты и будущее Ирака	174
<i>Шаин Й., Ахрам А.И.</i> Границы лояльности: Действительно ли они изменяются?	179
От победы к успеху. Послевоеенная политика в Ираке. (Специальный доклад Фонда Карнеги).....	185

ПРЕДИСЛОВИЕ

Война против режима С.Хусейна обусловила поворот исторического масштаба, последствия которого не ограничатся умиротворением Ирака. Эта война поставила вопрос о соотношении права силы и силы права, о возможности подмены коллективных действий односторонними инициативами. Основные международные организации, призванные обеспечивать глобальную безопасность, оказались не готовыми к разработке ответов на вызов терроризма. Война в Ираке поставила под сомнение дееспособность Организации Объединенных Наций как системы и ее отдельных институтов, адекватность ее действий сложившейся ситуации. Это касается не только ООН, но также НАТО и ЕС. В современном динамично развивающемся мире необходимы переоценка системы действующих международных институтов и развитие новых форм сотрудничества, которые позволят обеспечивать относительную стабильность и предсказуемость мирового развития.

Неизбежным следствием войны в Ираке стал рост антиамериканских настроений в мире в целом и на европейском континенте в частности. Часть западного общества осудила, однако другая — поддержала начало военных действий, несмотря на то что эта война противоречила нормам международного права. Европа оказалась расколотой. Так, руководство восточноевропейских стран, в отличие от руководства Франции и Германии, заняло линию поддержки военных действий американцев и англичан в Ираке.

Одновременно в Лондоне, Риме, Мадриде, Барселоне, Берлине состоялись демонстрации протестующих против военных действий коалиции в Ираке. Насущная задача европейской политики — сдерживание агрессивных антиамериканских настроений, которые могут

быть использованы для дестабилизации политической ситуации в любой стране.

Для современного этапа актуальным является создание новых организационных форм мирового сообщества, способных адекватно реагировать на качественно новые вызовы. И если, как свидетельствуют события, развивающиеся вокруг Ирака, старые правила игры больше не действуют, то следует договариваться о новых. Иначе в мировой политике доминантой будет неопределенность, переходящая в хаотичность, выгодная определенным силам, в том числе авторитарным режимам, международным террористическим группировкам, в первую очередь религиозно-идеологическим. Большую угрозу представляет оружие массового поражения (ОМП) и практически неограниченные возможности его получения в условиях глобализации.

Дестабилизирующим фактором на всем Ближнем Востоке является вопрос о государственных границах в регионе. Лидеры большинства арабских стран полагают, что весь регион находится на стадии серьезных изменений, которые являются следствием процессов глобализации, а также политических устремлений лидеров Запада, прежде всего США. Так, военные действия против Ирана могут привести к непредсказуемым последствиям, например, спонтанно распространиться на территорию соседних государств, выйти из-под контроля. Опасным представляется расширение практики насильственной «демократизации» на другие государства помимо Ирака. Могут обостриться взаимоотношения многочисленных этнических группировок, под вопрос будет поставлена неизменность границ Иордании, Сирии, Ирана, монархий Залива.

Весьма актуальными остаются вопросы сохранения целостности Ирака, создания на его территории эффективных механизмов управления, учета послевоенного баланса сил, в том числе и с точки зрения этноконфессиональных особенностей страны, а также учета того, до какой степени иракский режим может демократизироваться даже при поддержке США.

Сам ход военных действий закладывает основы антиамериканского и террористического движения, направленного против США и Запада в целом. Подавление антиамериканских выступлений, жертвы среди мирных жителей усиливают опасность превращения США (в глазах арабов) в оккупационную державу, степень прогрессивности

которой в глазах местного населения уже не играет никакой роли. Представители стран — участниц коалиции в глазах местного населения остаются прежде всего оккупантами, хотя и являются «прогрессивными оккупантами».

Парадоксально, но в исламском мире эффективной преградой на пути создания экстремистских группировок являются авторитарные режимы (Сирия, Ливия, Египет), поэтому разгром саддамовского режима может привести не к демократизации, а к исламизации страны, к появлению международных террористических исламистских группировок. Деятельность террористов облегчается действующей в Европе практикой легитимизации групп, ведущих национально-освободительную борьбу (Чечня, Балканы).

Иракский кризис ставит перед мировым сообществом трудноразрешимые проблемы, которые касаются не только политических особенностей развития страны, но и вопросов дальнейшего экономического развития. Следствиями войны явились разрушение инфраструктуры Ирака, многомиллиардный экономический ущерб, который нанесен не только Ираку, но и мировой экономике в целом. Это связано с коллапсом системы торговых отношений с Сирией, Иорданией и Турцией; разрушением дорог, трубопроводов, капиталоемких объектов, построенных при участии зарубежного капитала, в том числе западноевропейского и российского; невозвратом долгов, срывом обязательств по выполнению контрактов на поставки углеводородного сырья, потерей активов в виде соглашений о разделе продукции по совместному освоению сырья на территории Ирака. Помимо экономического ущерба и его последствий для Ирака и других стран, окружающей среде нанесен значительный ущерб от выбросов в атмосферу значительного объема продуктов сгорания углеводородов. Применение современного оружия в условиях нестабильного геологического строения земной коры в регионе провоцирует землетрясения, разрушение подземных и наземных водных источников, водоносных пластов, обеспечивающих пресной водой Ирак и соседние с ним страны.

Невосполнимые потери несут и культурно-исторические ценности, являющиеся наследием всего человечества.

По мнению ряда исследователей, начав войну в Ираке, американцы и англичане дискредитировали саму идею создания международной антитеррористической коалиции. Никто не спорит:

опасность международного терроризма велика, она грозит в будущем разрушить современную цивилизацию. Отвечать на этот вызов надо обязательно и безотлагательно. Однако методы военной интервенции не работают против сетевой негосударственной структуры терроризма. Здесь нужны согласованные экономические, дипломатические и полицейские действия всех стран. И в свете этой задачи Организация Объединенных Наций должна быть серьезно реформирована (а не списана со счетов), но ведь именно ее американцы считали главным тормозом своей антитеррористической активности.

В настоящее время ситуация в Ираке чрезвычайно сложная. События развиваются по наихудшему сценарию: страна на пороге гражданской войны. США не в состоянии поддерживать порядок в Ираке; другие страны вряд ли станут наращивать свое присутствие в этой стране. Более того, Испания после террористических актов на своей территории и смены правительства решила досрочно вывести свой контингент из Ирака.

Статистика свидетельствует, что обеспечение безопасности имеет тенденцию превращаться в проблему как раз после тех войн, которые заканчивались с наименьшими потерями. Как правило, чем быстрее и бескровнее достигалась военная победа, тем сложнее становится постконфликтная реабилитация. Американцы, убежденные в том, что западная демократия является подарком сама по себе, просто не поняли, что для иракцев программа «Нефть в обмен на демократию» выглядит нелепостью и надувательством. Для строительства демократии необходимы титанические усилия.

Угроза террора в мире не уменьшилась, она резко возросла. Глобальное противостояние по линии Север—Юг усилилось. Ближневосточный конфликт еще дальше от своего разрешения, чем это было до Иракского кризиса. Очевидным стал тот факт, что на современном этапе ни одна держава, даже такая мощная, как США, не в состоянии решить проблемы международного терроризма и распространения ОМП. Необходимы усилия всего мирового сообщества.

* * *

Редакция сборника выражает благодарность Фр.Барри, любезно предоставившей ряд французских материалов.

Л.Д.Капранова

Раздел 1

МЕЖДУНАРОДНАЯ СИТУАЦИЯ И ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ ПРОТИВ РЕЖИМА С.ХУСЕЙНА

ВОЙНА В ИРАКЕ: БОРЬБА ПРОТИВ ТЕРРОРИЗМА ИЛИ УТВЕРЖДЕНИЕ ГЕГЕМОНИИ США (Сводный реферат)

1. BUHLER P. La guerre d'Irak: paysage après la bataille // Critique intern. – P., 2003. – N 19. – P.6–16.
2. ARNAUD de FOÏARD P. Irak: urgences d'après-guerre // Défense nat. – P., 2003. – N 7. – P.21–28.
3. AWWAD E. «Remodelage» difficile du Proche-Orient // Ibid. – P.51–61.
4. LUIZARD P.-J. Irak: du premier au second mandat // Débat. – P., 2003. – N 126. – P.61–88.

П.Бюлер (1) (Институт политических исследований, Париж) отмечает, что о скрытых мотивах войны в Ираке сказано и написано все или почти все: желание довести до конца незаконченную операцию в Заливе, которую проводил Буш-старший; месть за террористическую акцию 11 сентября 2001 г.; стремление отвлечь внимание общественности от провала операции по поимке Бен Ладена; обеспечение контроля над нефтяными источниками в Ираке. Согласно арабской прессе, дело идет о сионистском заговоре небольшой группы неоконсервативных идеологов, которые хотят переписать политическую карту Ближнего Востока в пользу Израиля, а также о христианском Крестовом походе против ислама, о неокOLONIALной, имперской операции.

Согласно автору, генеалогия войны в Ираке неразрывно связана с двумя событиями в новейшей политической истории США: избранием в 2000 г. неоконсервативного республиканца Дж.Буша-младшего президентом США и терактом 11 сентября 2001 г. Последний был

воспринят как объявление войны Вашингтону. Эти события укрепили позиции группы из руководства Пентагона, которая предлагала еще президенту Клинтону осуществить вооруженную интервенцию в Ирак. Эту группу возглавляют нынешний министр обороны Д.Рамсфелд, его заместитель по оборонной политике П.Вулфовиц и президент консультативного совета по оборонной политике Р.Перл.

Идеологом новой внешней политики США является П.Вулфовиц. Еще в 1992 г. по заданию конгресса он разработал и представил Руководство по планированию обороны (Defence planning guidance), в котором сформулировал стратегическую доктрину для периода после окончания «холодной войны». В основе ее лежал принцип американской гегемонии: США должны сохранить свое превосходство, возникшее после распада СССР, они также должны применять превентивные действия против государств, которые стремятся обзавестись оружием массового поражения. В качестве первого такого объекта указывался Ирак. Однако в то время эти предложения не получили официальной поддержки.

Новая внешнеполитическая стратегия администрации Дж.Буша была обнародована 17 сентября 2002 г. в документе «Стратегия национальной безопасности». Ее основные пункты:

1. Американские ценности имеют универсальное значение. Некоторые из них — «неотъемлемые атрибуты человеческого достоинства: верховенство права, ограничение власти государства, свобода слова и вероисповедания, справедливое правосудие, уважение прав женщин, религиозная терпимость и уважение права частной собственности» (1, с. 8). Хотя в этот перечень не включены такие понятия, как демократия и свобода торговли, но они также отнесены к приоритетным ценностям. США осуждают нарушения этих базовых прав, где бы они ни происходили. Пропаганда этих принципов должна быть идейной основой борьбы против терроризма.

2. Массовый терроризм представляет угрозу для США и всего мира. Террористы открыто стремятся завладеть оружием массового поражения. Методы действий террористов (в частности, скрытность, использование смертников, отсутствие определенной территории базирования) не укладываются в классическую логику сдерживания, основанную на инстинкте самосохранения.

3. Политика терроризма свойственна небольшому числу «государств-изгоев» (rogue states), стремящихся к обладанию оружием массового поражения.

4. Характер и серьезность этой опасности оправдывают пересмотр существующего в международном праве понятия самообороны: нужно учитывать степень нависающей угрозы и менять систему доказательств. «Промедление и бездействие, — заявляет Вулфовиц, — могут обойтись весьма дорого» (с. 9).

5. Характер угрозы оправдывает превентивные действия.

6. В своих превентивных действиях США будут искать поддержки международного сообщества, но оставляют за собой право действовать самостоятельно.

Хотя сам термин «гегемония» не используется в документе, все его содержание говорит о твердом намерении установить амери-канскую гегемонию в мире (1, с. 8–9). Идеи Вулфовица, отвергнутые в 1992 г., спустя десять лет стали основой внешней политики США. Провозглашенную США доктрину превентивных ударов следует принимать всерьез. «Для нас стало привычным, что администрация Буша говорит то, что делает, и делает то, что говорит. Интервенция в Ирак — первое тому полномасштабное доказательство» (1, с. 10). Еще в апреле 2002 г. Буш объявил о своей цели «изменить режим в Багдаде». Год спустя он приступил к выполнению поставленной цели. Военное поражение Ирака — это лишь первый этап. Второй этап — политический — призван учредить в Ираке первую арабскую демократию. Насколько это удастся — покажет время.

Уже можно сделать первые важные выводы о влиянии новой американской стратегии на международные отношения.

Во-первых, она означает глубокое изменение существующего международного порядка, закрепленного уставом ООН, ключевым принципом которого является отказ от применения силы. Един-ственное исключение — это право на самооборону и санкция Совета Безопасности ООН. США и Великобритания утверждают, что право начать военные действия против Ирака дают им уже принятые резолюции ООН по Ираку. Огромное большинство юристов-международников отрицают этот тезис. Профессор А.Пелле, неоспоримый авторитет по международному праву, квалифицировал военную акцию США как «военную агрессию» (1, с. 11). Из американских юристов только Т.Франк, почетный профессор Международного Нью-Йоркского

университета и бывший президент Американского общества юристов-международников, открыто и публично осудил войну США в Ираке, заявив, что «устав ООН стал клочком бумаги» (1, с. 11). Остальные американские юристы либо отмалчиваются, либо занимают уклончивую позицию. Однако в частных беседах они признают незаконность американской интервенции в Ираке. Нынешний президент Американского общества юристов-международников Энн-Мари Слотер заявила в газете «Нью-Йорк таймс», что американская военная акция хотя и «незаконна, но легитимна», так как в случае последующего обнаружения оружия массового поражения в Ираке ООН признает законность этой акции.

Интервенция в Ираке подрывает международное право, подчеркивая приоритетную роль силового фактора в межгосударственных отношениях. Некоторые американские юристы говорят об устарелости ООН и ее правовых принципов. Так, Э.К.Арендт, директор Института международного права при Джорджтаунском университете, заявил, что «на практике устав ООН мертв, поэтому доктрина Буша о праве превентивного и первого удара не нарушает международное право, поскольку на практике устав ООН не соблюдается государствами» (1, с. 12). Подмена права силой отрицательно скажется на состоянии международных отношений. Хаос в мире может возрасти, если региональные державы возьмут на вооружение доктрину превентивного удара.

Во-вторых, в нынешнюю американскую внешнеполитическую стратегию включается «демократическая инженерия», которая рассматривается как инструмент борьбы против терроризма. Американские эксперты утверждают, что отсутствие демократических институтов в большей мере, чем бедность, служит питательной почвой для терроризма. В первую очередь это относится к Ближнему Востоку, где абсолютистские, диктаторские, коррумпированные режимы создают условия для терроризма. Администрация верит в успех экспорта демократии в мусульманский мир, ссылаясь при этом на успешный опыт таких азиатских стран, как Япония, Южная Корея, Филиппины. Вера в универсальность американских ценностей вообще характерна для американской внешней политики XX в.

Поскольку утверждение демократии проектируется не мягким, а силовым методом, то, как замечает Бюлер, это безусловно имперский проект. Успех операции «демократическая инженерия» отнюдь не

гарантирован, но, если она удастся в Ираке, то США на этом не остановятся.

В-третьих, что касается роли государств, участвующих в американской имперской миссии, то США открыто подчеркивают, что в будущем «имперском правлении» она не будет равноправной. В международных организациях уже обнаруживается оппозиция новому имперскому проекту, в котором некоторые видят больше рисков, чем преимуществ. В наиболее сложном положении оказалась ООН. После иракской войны ей предстоит вновь определить свою миссию, роль и статус. Спор о «жизненно важной» роли ООН в интерпретации США и Великобритании или «центральной» роли, чего добиваются Франция, Россия и Германия, не является чисто терминологическим. Без сомнения, ООН уже давно переживает кризис. Но, как замечает Д.Малоун, директор Международной академии мира, на этот раз «США нанесли, вероятно, смертельный удар центральной роли Совета Безопасности по вопросу о применении силы в мире, однако они продолжают считать его роль полезной в улаживании тех конфликтов, в разрешении которых они заинтересованы, но не хотят играть международную роль» (1, с. 15). В любом случае жесткий стиль администрации Буша и открыто афишируемое презрение к принципу многополюсности будут еще более отягощать и без того нелегкую задачу реорганизации ООН.

Генерал П.Арно де Фойяр (2), признавая наличие угрозы миру, исходящей от диктаторского режима С.Хусейна, осуждает избранный США метод действий. Открыто пренебрегая мнением ООН и мировой общественности, США «заменили силу права правом силы» и развязали войну. Сомнительность объявленных целей заставляет предположить, что в действительности «речь может идти о захвате иракских нефтяных источников (вторых по объему в мире) и установлении контроля над мировым рынком черного золота. Вполне правдоподобным кажется и предположение, что США стремятся реализовать более широкий проект: реорганизовать в соответствии со своими гегемонистскими амбициями все геостратегическое пространство Ближнего Востока» (2, с. 22).

Арно де Фойяр подчеркивает необходимость восстановления роли ООН в решении проблем Ирака и всего Ближневосточного региона. Одна держава, сколь бы могущественна она ни была, не может

справиться с этой задачей. «США снова совершают серьезную ошибку, продолжая игнорировать ООН» (2, с. 24).

Другой важный вывод, который делает Арно де Фойяр, – это слабое влияние Европейского Союза (ЕС) ввиду отсутствия у ЕС собственных современных вооруженных сил, включая ядерные средства. Особенно последние должны находиться в распоряжении не отдельных европейских стран (Англии и Франции), а всего ЕС (с. 25). Это «послужило бы препятствием гегемонистским устремлениям США. Для США организация европейской обороны приемлема лишь в рамках НАТО, а не как собственная автономная структура. Сохранение НАТО ныне не имеет другой цели, кроме поддержания контроля США над Европейским Союзом, поскольку международные условия, вызвавшие необходимость создания НАТО, ныне отсутствуют» (2, с. 26).

Наконец, необходимо учитывать, что иракский конфликт может резко активизировать антизападные настроения в исламском мире и раздуть большой пожар, что представляет непосредственную угрозу для ЕС.

Кроме того, постоянно расширяющаяся пропасть между богатыми и бедными странами создает взрывоопасную ситуацию. Основная причина такого положения – «вирус неконтролируемого капитализма, который выдвигает прибыль в качестве приоритетной мотивации и стремится превратить мир в огромный рынок, управляемый свободной дикой конкуренцией» (2, с. 28). В этих условиях, считает Арно де Фойяр, ЕС должен сыграть заглавную роль в построении мира, основанного на идеях человечности.

Эмад Аввад (3) характеризует план Буша по «демократическому переустройству» Ближнего Востока. «Освобожденный Ирак, – заявил Дж. Буш 26 февраля 2003 г., – сможет продемонстрировать, как свобода преобразует этот регион... Для других государств региона новый режим в Ираке послужит впечатляющим примером свободы» (3, с. 52). В то же время ближайшее окружение Буша подчеркивает роль силового фактора в достижении американских целей в регионе. Министр обороны США Д. Рамсфелд любит повторять: «Вы достигнете большего добрым словом вместе с винтовкой, чем только добрым словом» (с. 54). По замыслу американских ястребов, демонстрация силы послужит катализатором изменений в регионе, иракский «урок» должен навсегда запечатлеться в сознании правителей региона.

Однако реакция населения и правительств региона на американскую военную акцию в Ираке была не той, на которую рассчитывали США. В арабском мире резко усиливаются антиамериканские и антизападные настроения. На чрезвычайной конференции министров иностранных дел соседних с Ираком стран, состоявшейся 18–19 апреля 2003 г. в Эр-Рияде, американские войска в Ираке квалифицировались как «оккупационные силы». Глава принимающей страны принц Сауд ал-Фейсал заявил: «Если оккупационные силы действительно пришли освободить Ирак, они должны как можно скорее предоставить Ираку право сформировать свое собственное правительство... Если оккупация будет продолжаться, наша позиция и оценка ситуации изменятся» (3, с.56).

Одним из условий успеха «переустройства» региона является наличие внутренних сил, желающих изменения. Но даже если бы такие существовали, «наивно было бы рассчитывать на народную поддержку иностранных интервентов, тем более американских» (3, с.61). Чтобы завоевать доверие населения региона, США должны прежде всего добиться прекращения на справедливой основе арабо-израильского противостояния (а не только палестино-израильского конфликта).

П.-Ж.Люизар (4) сопоставляет ситуацию в Ираке в период британского мандата и нынешнюю. Теракт 11 сентября 2001 г. вовлек Америку в войну против терроризма, резко усилив позиции неоконсерваторов в США. Превентивная война стала официальной доктриной США со всеми ее разрушительными последствиями для международного права и международного сообщества, которое, будучи не способно противостоять США, делало вид, что принимает за чистую монету угрозы со стороны Ирака (обладание оружием массового поражения и связь иракского правящего режима с «Аль-Каидой»), «хотя в их реальность никто не верит, а ссылки на них США и Великобритании были, по общему мнению, сфабрикованы» (4, с.72).

Послевоенные события показали, что США не имеют ясного плана как переустроить Ирак. Американцы, как и в свое время британцы, сталкиваются с нежеланием населения признать оккупационный режим. Автор считает, что установившийся в стране хаос — это «сознательная политика американцев, стремящихся отсрочить политическую реконструкцию Ирака» (4, с.66).

В отличие от британцев, искавших социальную опору среди арабо-суннитской элиты и племенных шейхов, американцы делают

ставку на шиитское большинство (52–54% населения), находившееся в оппозиции суннитскому режиму Саддама Хусейна, и курдов, всегда противостоявших правящим режимам Ирака. Они также используют единственную ныне реальную силу — местные базовые объединения: этнические, конфессиональные, племенные, соседские. Только они могут заполнить возникший вакуум власти. Американцы поддерживают процесс «ливанизации» политической арены Ирака, при которой противоречивые коммуналистские требования различных групп населения препятствуют созданию политических партий.

Проводя политику «ливанизации» и обещая шиитам руководящую роль в будущем политическом режиме, американцы рассчитывают сделать их своими привилегированными союзниками и в своей региональной политике, противопоставив их иранским шиитам, талибам и суннитским фундаменталистам.

Эти планы, считает Люизар, не учитывают исторического опыта. Несмотря на то, что шииты были дискриминируемым большинством, они оставались наиболее последовательными борцами против западного господства. «Трудно вообразить, что шииты станут таким же послушным клиентом, каким была арабо-суннитская элита в период британского мандата... Кажется неизбежным столкновение американских интересов с желанием шиитского большинства создать новый суверенный и независимый Ирак» (4, с. 74).

Создание нового иракского государства в условиях западной оккупации воспринимается шиитами как повторение истории, в частности британского мандата 20-х годов, и неприемлемо для них. Как и в 20-е годы, некоторые шиитские религиозные лидеры публикуют фетвы, запрещающие участие в любых выборах или в политических органах под американским патронажем. Они напоминают иракцам, что произошло, когда они голосовали за Конституцию в 1924 г., предупреждают иракцев и предсказывают, что, проголосовав за американский проект, они увековечат американское господство. Другие шиитские лидеры, вернувшиеся из эмиграции, ведут диалог с американцами, также настаивая на скорейшей передаче самим иракцам права решать свою судьбу.

Затягивая решение о будущем политическом устройстве Ирака, американцы порождают вооруженное сопротивление. Когда политическая реконструкция Ирака затронет такие базовые вопросы, как степень независимости Ирака, статус нефтяных запасов и

отношения с Израилем, тогда те, кто избрал путь диалога, по всей видимости, присоединятся к тем, кто сделал своим выбором вооруженную борьбу.

Ю.И.Комар

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ О СОБЫТИЯХ ВОКРУГ ИРАКА (По материалам информационных изданий ФРГ) (Реферативный обзор)

К тому времени, когда американцы весной 2003 г. развернули свои боевые действия в Ираке, автор этого обзора находился в германском городе Мюнстере, где в местном университете читал лекции и вел семинарские занятия. В силу этого обстоятельства представилась возможность наблюдать за реакцией немецкой общественности на события в Ираке, за развернувшейся дискуссией в средствах массовой информации.

Кроме телевидения, основными центрами дискуссии стали авторитетная газета либерально-консервативного направления «Франкфуртер альгемайне цайтунг», популярная во всей Германии баварская газета «Зюддойче цайтунг», леволиберальный еженедельник «Цайт», который уже десятилетия слывет главной трибуной европейских интеллектуалов. За публикациями в этих изданиях автор следил в первую очередь.

Почему выбор остановился на интеллектуалах и кого автор данного обзора причисляет к ним. Европейские интеллектуалы — это те, кто определяющим образом влияет на формирование духовной и культурной жизни континента и опосредованно — на политическую жизнь. К ним можно отнести писателей, ученых, представителей искусства. Эти люди не отгорожены от политики глухой стеной. Более того, иные интеллектуалы считают своим нравственным долгом участвовать в политике, не отдавая ее на откуп мало просвещенным и ограниченным в своих интересах политикам. Наглядный тому пример

— немецкий писатель Гюнтер Грасс или французский философ Анри Глюксман. Точно также и некоторых политиков можно причислять к интеллектуалам. К примеру, бывший канцлер ФРГ, а ныне один из издателей еженедельника «Цайт» Хельмут Шмидт.

Может возникнуть вопрос — а чем, собственно, отличается европейский интеллектуал от российского интеллигента? Если очень коротко, категория людей, которых стали называть интеллигентами, появилась в России в первые десятилетия XIX в., когда в условиях царистско-полицейского режима в обществе стала возрастать потребность в нравственном осмыслении происходящего и в поисках решения проблем, тесно связанных с положением крепостных крестьян. Не имея возможности влиять на происходящее политическими средствами, поскольку в стране отсутствовали конституция, парламент, политические партии, профсоюзы, эти люди выражали свои взгляды в художественной литературе, в публицистике, в «хождении в народ». И поскольку в последующий период ситуация в политической жизни мало менялась или менялась в худшую сторону, то за российской интеллигенцией и по сей день сохранилось тяжкое бремя быть совестью общества.

В странах Европы политическая жизнь развивалась по иному сценарию. К концу XX века в Европе установилась устойчивая демократия, позволяющая обществу и входящим в него социальным группам выражать свои интересы средствами, присущими демократическому обществу. При этом определенная часть общества берет на себя интеллектуальное осмысление происходящего. О взглядах и представлениях этих людей и пойдет речь ниже.

Энценсбергер contra Хабермас

Дискуссия в ФРГ вокруг событий в Ираке обрела контуры интеллектуального противостояния особенно после того, как известный немецкий поэт Ханс Магнус Энценсбергер, по степени политизированности чем-то напоминающий российского поэта Евгения Евтушенко, опубликовал в газете «Франкфуртер альгемайне цайтунг» (далее «ФАЦ») статью, в которой приветствовал военные действия американцев в Ираке. Его позицию в данном вопросе отражал заголовок статьи «Триумфальное ликование по поводу свержения режима Саддама» (7). Буквально на следующий день «ФАЦ» публикует статью

франкфуртского философа Юргена Хабермаса, знаковой фигуры в леволиберальном истеблишменте. Его позиция также точно отображена в названии статьи «Непоколебимый авторитет Америки разрушен».

Интеллектуальная дуэль двух известных немецких деятелей литературы, культуры и науки оказалась в центре внимания СМИ. В этом смысле показательна статья Гёдарта Пальма (13) «Энценсбергер, Хабермас по поводу власти, морали и права и войны в Ираке».

Г.Пальм отмечает, что еще во время первой войны в Персидском заливе Энценсбергер сравнивал Саддама с Гитлером. И, соответственно, для него выдворение тирана из Багдада военными средствами есть проявление акта свободы. Энценсбергер в этой связи вспоминает освобождение немцев союзниками и полагает, что военные действия, связанные с этим освобождением, были вполне оправданы. При этом Энценсбергер замечает: потерпели полное фиаско те, кто предостерегал от войны, полагая, что она будет связана с большими жертвами. По Энценсбергеру, война такого масштаба еще не сопровождалась столь малым числом жертв. Такого рода войны против тиранов с минимальным числом жертв Энценсбергер называет «гуманитарным средством борьбы» с почти нулевыми потерями.

В этой связи Г.Пальм приводит слова американского писателя Джулиана Барнеса, который иначе оценил военные действия в Ираке: «Эта война не стоила и пальца ребенка».

Далее Г.Пальм воспроизводит позицию Хабермаса, для которого «линии фронта» в дискуссии проходят иначе. Правда, Хабермас уважает моральные чувства друзей свободы. Но ведение войны, вступающей в противоречие с нормами международного права, далеко не оправдано. Свобода и право не являются предме-тами экспорта, они проявляются в самоопределении общества. «Освобождение» вовсе не ведет автоматически к освобождению и к демократизации общества. Свобода должна быть вплетена в культурные ценности конкретного общества. Свержение статуи Хусейна в Багдаде происходило силами американских солдат. Население осталось в стороне. Из всего этого Хабермас делает вывод, что непоколебимый авторитет США разрушен.

Хабермасу не кажутся убедительными и исторические сравнения. Региональный потенциал Хусейна несравним с потен-циалом Гитлера, который мечтал о мировом господстве. Несравнимы контуры общества послевоенной Германии с этническими и религиозными структурами Ирака. «Не капитулирует ли мораль свободы против тиранов мира,

которой вооружен Энценсбергер, перед особенностями отдельных стран и проживающих там людей?» — задается вопросом Хабермас. Происходящее в столице Афганистана Кабуле наводит его на грустные мысли.

Г.Пальм резюмирует: «На вопросы, поставленные Энценсбергером и Хабермасом, которые затрагивают самые жгучие и частично не сформировавшиеся позиции сторонников и противников войны, могут быть даны ответы лишь дальнейшим ходом истории. Сила власти и право по-прежнему остаются тесно связанными друг с другом при формировании будущих обществ. При всех обстоятельствах и при разной оценке линия поведения президента США Буша, его глобально сформулированная миссия свободы, проводимая в собственных национальных интересах, вызовет к жизни новые международные силовые группировки, более сильную в политическом плане Европу и более могущественную ООН.

Манифест европейских интеллектуалов

Еще продолжались споры вокруг позиций, занятых Хабер-масом и Энценсбергером, как возникли новые темы для дискуссий. Они были связаны с позицией ряда руководителей восточно-европейских стран, которые, в отличие от руководства Франции и Германии, заняли линию поддержки военных действий американцев и англичан в Ираке. Получалось так, что в столь важном и принципиальном вопросе, как соблюдение норм международного права, Европа оказалась расколотой. И это в преддверии важного события — в мае 2004 г. предполагалось вступление в Европейский Союз десяти стран Восточной Европы. Что будет все это означать с точки зрения воссоздания единого правового, культурного и духовного пространства в объединенной Европе? С инициативой интеллектуального осмысления происходящего вновь выступил Хабермас. 31 мая 2003 г. он опубликовал в «ФАЦ» документ, носящий характер манифеста. В нем он выступил с обоснованием тезиса о существовании «европейского ядра» («Кернецгора»), которое является центром европейских традиций во всех областях жизни. В «ФАЦ» этот документ опубликован за подписями Хабермаса и французского философа Жака Дерриды под названием «Обновление после войны. Возрождение Европы» (6). Остановимся на нем подробнее.

В кратком вступлении Деррида подчеркивает, что текст написан Хабермасом, но он разделяет его взгляды и поэтому ставит под Манифестом свою подпись. Далее Деррида поясняет, почему он так поступил. Ему кажется, что с учетом разных подходов, которые разделяли в прошлом французских и немецких философов, очень важно, что они в настоящее время выступают «единым голосом». Деррида полагает, что возникла острая необходимость в подтверждении и одновременно в эффективном упрочении международного права и его институтов, в особенности Организации Объединенных Наций, в разработке новой концепции и новой практики разделения властей в духе кантианских традиций. Деррида упоминает возможную публикацию через несколько дней в США книги, в которой помещены беседы между ним и Хабермасом в Нью-Йорке после 11 сентября 2001 г.

Хабермас начинает документ с упоминания двух дат. Во-первых, глава правительства Испании за спиной других коллег по ЕС принял у себя «настроенные на войну европейские правительства» из стран Восточной Европы. Во-вторых, 15 февраля 2003 г. одновременно состоялись демонстрации в Лондоне, Риме, Мадриде, Барселоне, Берлине и Париже с протестом против военных действий американцев в Ираке. По мнению Хабермаса, эти мероприятия, крупнейшие по масштабам с момента окончания Второй мировой войны, являются важными в европейском общественном движении.

С учетом разных представлений на будущее европейской конституции, пишет далее Хабермас, не может быть места сепаратизму. «Авангардистская Европа, составляющая ее ядро, не должна согласиться на роль малой Европы, она должна стать локомотивом». При этом Европа обязана в рамках ООН воспользоваться своим влиянием, чтобы сбалансировать односторонний подход Соединенных Штатов.

Привлекательное и даже захватывающее «видение» будущего Европы, подчеркивает Хабермас, не свалится с неба. Сегодня такое видение может появиться только из озабоченности относительно отсутствия подходов к решению проблем. И если эта тема до сих пор не превратилась в конкретную программу действий, то это значит, что мы, интеллектуалы, оказались к этому не способны.

При этом Европе не следует забывать, что она на себе испытала давление тоталитарных режимов XX столетия и ужас Холокоста. Все крупнейшие государства Европы в прошлом были колониальными

державами. Критическое отношение к этому прошлому позволит освободиться от европоцентризма и проникнуться кантианской идеей о возможности осуществления внутренней политики в масштабах всей планеты.

«Франкфуртер альгемайне» отмечает в том же номере, что наряду с Манифестом Хабермаса и Дерриды опубликованы статьи об идентичности Европы в связи с войной в Ираке в следующих изданиях: Umberto Eco — «La Repubblica»; Adolf Muschg — «Neue Züricher Zeitung»; Richard Rorty — «Süddeutsche Zeitung»; Fernando Savater — «El Pais»; Gianni Vattimo — «La Stampa». Еженедельник «Цайт» откликнулся на Манифест Хабермаса и Дерриды статьей Ричарда Херцингера с весьма многозначительным названием «Беспомощный континент. Европа — куда? Европейские интеллектуалы уходят от наболевших вопросов» (8).

Можно лишь приветствовать инициативу европейских интеллектуалов, пишет Херцингер. Проблемы, связанные с объединением, требуют серьезного обсуждения. Но в результате конфликта, связанного с Ираком, выявилось самым драматическим образом, что политические и духовные основы европейского единения нуждаются в существенной проработке с точки зрения создания потенциальной европейской государственности. Из дискуссий европейских интеллектуалов становится очевидным, что внутренние европейские противоречия обсуждаются на высоком уровне, однако когда речь заходит о том, как это должно решаться на уровне политики, дело ограничивается «культурно-историческими абстракциями». Хабермас, к примеру, обходит стороной все актуальные проблемы, начиная с продажи оружия массового уничтожения диктаторским режимам и заканчивая терроризмом, не носящим государственный характер. Но именно эту проблему должна решать Европа, подчеркивает Херцингер, если она хочет стать реальным субъектом мировой политики.

Хабермас критикует письмо восьми глав правительств восточно-европейских стран в поддержку военных акций США в Ираке, упрекая их в том, что они действуют за спиной других коллег по ЕС. «Но разве Шрёдер спрашивал других членов ЕС, когда он высказался категорически против войны в Ираке? И кто уполномочил Францию выступать от имени всей Европы», — замечает Херцингер.

Хабермас перечисляет традиции и ценности, присущие Европе. Но такие же ценности присущи Америке, замечает Херцингер. Именно на этот опыт опирались американско-британские силы при нападении на

Ирак, по праву или нет — другое дело. И Америка бросает упрек «старым европейцам» как раз за то, что они предают это наследие.

Вывод Херцингера: «Спор не разрешается не потому, что боевые петухи столь разные, а по той причине, что они сталкиваются с новыми вызовами, на которые можно найти ответ только совместно». Реальность глобализируемого мира такова, что на самом деле зависимость между Америкой и Европой возрастает. Парадоксальным образом Европа станет собой лишь в том случае, если она не сосредоточится на своей самобытности.

После того, как во «Франкфуртер альгемайне» был опубликован Манифест Хабермаса и Дерриды, в газете «Зюддойче цайтунг» появилась статья американского философа Ричарда Рорти, который выражает солидарность с европейскими интеллектуалами. Название его статьи наглядно отражает позицию американского философа: «Унижение или солидарность. Для Америки было бы трагедией, если Европа не смогла бы самоутвердиться против Вашингтона» (15).

Рорти приводит высказывание Кондолизы Райс — советника президента США по национальной безопасности — о позиции европейских стран по отношению к событиям в Ираке: «Россию следует простить, Германию проигнорировать, а Францию наказать». Рорти, который знаком с Райс еще по временам, когда она была ректором университета, где он преподает, высокого мнения о ней, считая ее весьма образованной и тонко мыслящей. Он сомневается, что она могла так упрощенно высказаться о европейских правительствах, но ее позиция, согласно которой следует установить абсолютный контроль Америки в международных делах, пере-кликается с этим высказыванием. По-видимому, она думает, что «для того чтобы обеспечить стабильный мировой порядок, следует публично унижить таких людей, как Йошка Фишер и Доминик де Вильпен (министры иностранных дел в ФРГ и Франции. — Б.О.), даже если оба они не являются ни дураками, ни подлецами».

Рорти полагает, что «тем европейским правительствам, которые в недавнем прошлом десятилетиями находились в состоянии зависимости, трудно освободиться от этой привычки. Но если они и дальше так будут поступать по отношению к Вашингтону, то ему будет легко установить контакты с ними как «учителя с учениками».

Если же граждане «европейского ядра» будут поступать так, как на это рассчитывают Хабермас и Деррида, замечает Рорти, то

Вашингтон, в свою очередь, использует любую возможность вести себя так, как это устраивает США.

Рорти воспроизводит оценку Хабермаса и Дерриды, которую они дали массовой европейской демонстрации 15 февраля 2003 г. Если это действительно зарождение нового европейского сознания, то такой взлет новой идеалистической самоидентификации мог бы вызвать эхо во всем мире, в Соединенных Штатах и Китае, точно так же, как в России и Бразилии. «Это позволило бы нам выбраться из тупика, в котором мы в настоящее время находимся. Это, насколько я в состоянии оценить, в сущности единственное, что могло бы стать действенной силой», — полагает американский философ.

Апологеты Буша в американских масс-медиа, видимо, расценят призыв Хабермаса и Дерриды как еще одно проявление антиамериканизма, замечает Рорти. На самом деле оба этих человека, многократно посещая нашу страну, высоко оценивают ее роль в укреплении демократии и ее помощь Европе после Второй мировой войны. Они просто полагают, что однополярные амбиции Буша представляют собой ошибку. Становление Европы в качестве субъекта мировой политики будет рассматриваться многими американцами не как проявление антиамериканизма, а как необходимая реакция на ту опасность, которую сегодня представляет современное направление американской внешней политики, заключает американский философ.

В вышеприведенной статье Херцингера дается оценка суждениям Рорти в «Зюддойче цайтунг»: «Рорти аргументирует, прибегая к эмоциям леволиберального американского интеллектуала, которому хотелось бы, чтобы Европа обуздала бы его консервативное правительство, что не в состоянии осуществить левая оппозиция в собственной стране» (8).

К обсуждению Манифеста, но с других позиций, чем Рорти, подключился и Харольд Джеймс — американский историк, преподающий в Принстонском университете. Он опубликовал статью под названием «Неправильно воспринятая внешняя политика. Европа молчит в замешательстве» (9) в «Зюддойче цайтунг». Джеймс находит странным, что два известных европейских интеллектуала пытаются заново сформировать европейскую внешнюю политику как внутреннюю политику для всего мира. В своем поиске нового мирового порядка Хабермас и Деррида смешали внутривнутриполитическое и внешнеполитическое мышление. Они выступают за то, чтобы Европа была противовесом американской гегемонистской политике.

«На первый взгляд, — размышляет Джеймс, — кажется обоснованным стремление заново осмыслить мир, исходя из европейской перспективы развития. И в самом деле, существует опасность, что США испытывают искушение игнорировать остальной мир. У будущей Европы в этой связи, конечно же, должна быть собственная концепция. Однако следует продумать, насколько далеко должны идти интеграция Европы и ее исключительность».

Хабермас и Деррида правы, заявляя, что в дискуссиях о Европе до сих пор нет ясных представлений о ее предназначении, поскольку нет оснований исключать из процесса интеграции такие страны, как Россия или Турция. Многие интеллектуалы и политики обращаются к рискованным гипотезам о культурных различиях, которые при ближайшем рассмотрении подводят к принятию концепции культурного превосходства. «Из такой позиции проглядывает глубокая историческая слепота. Почему же Россия или Турция еще не созрели для демократии? В конце концов прообраз Европейского Союза был основан странами, которые всего лишь 13 лет перед этим пережили страшный опыт диктатур, коллаборационизма и унижительных компромиссов», — замечает Джеймс.

Постепенная эрозия национальных государств, начавшаяся после 1945 г. или после 1958 г., привела в замешательство европейцев, которые привыкли жить в условиях национальных государств. Но это привело в замешательство также и философов, которые пытаются придумать что-то новое взамен национальных государств, подчеркивает Джеймс. Философы рассматривают традиционную внешнюю политику как агрессивную и склонную к мышлению категориями войны. Они хотели бы политику старого стиля заменить новой, нацеленной на то, чтобы взять под контроль опасности глобального капитализма. У европейцев преувеличенные представления о возможностях политиков. «Многие европейские интеллектуалы позволяют себе руководствоваться идеалистическими представлениями, когда они считают возможным с помощью политики улучшать общества и живущих в них граждан».

«Развивать внутреннюю политику до такого уровня, чтобы она могла проводиться в мировом масштабе, создавать универсальную внутреннюю политику — это было бы трудной задачей», — замечает Джеймс. Обеспечение закона и порядка — это хорошо, но каким способом? Отсутствие права в международной сфере, наличие государств-коллаборационистов ставят мир перед проблемами, которые

могут быть разрешены только с помощью длительных военных интервенций, которые столь решительно отклоняют Деррида и Хабермас. Европейцам самим пришлось испытать тяжесть наследия военных преступников. Они должны понимать, что аргументы для военной операции США в Ираке кроются в бесчеловечности баасистского режима, многие стороны которого только сейчас становятся известными.

Далее Джеймс рассматривает призыв Хабермаса и Дерриды контролировать капитализм в мировом масштабе и «посадить на цепь бестию глобализации». «Почему это должно быть желательным?» — задается он вопросом. Конечно же, все мы заботимся о смягчении бедности в мировом масштабе. Но как раз этим и занимается мировой капитализм, и при этом со скоростью, еще невиданной в истории. Да и там, где существуют относительно надежные законодательные рамки, даже в бедных и относительно коррумпированных странах, таких как Китай или Индия, и там наблюдается быстрый экономический рост.

За последние 50 лет европейцы достигли впечатляющего благосостояния. Поэтому они считают, что следует оставить мир таким, какой он есть сегодня. «На самом же деле, это сугубо европейский угол зрения. Это как раз тот тип европоцентризма, против которого выступают Хабермас и Деррида, полагая, что Европа его преодолет или переведет в какое-то другое состояние. Это весьма ограниченная точка зрения», — замечает Джеймс.

Американский ученый считает неудивительным, что многие страны «новой Европы» считают для себя приемлемым поддержать американское видение событий, включающее изменения и реформы, что более удобно для них с позиции невмешательства.

«Каковы были бы последствия новой философской попытки создать обновленное сообщество, опирающееся на протест в мировых масштабах, если такую попытку воспринимать всерьез?» — задается вопросом Джеймс. Европа, выступающая против рыночной экономики (и благосостояния), в то время как преобладающая часть мира движется в противоположном направлении. Европа, которая станет более бедной. Европа, которая потеряет часть своего населения, поскольку многие мигрируют в более динамично развивающиеся и либеральные регионы мира. И Европа, которая будет играть маргинальную роль в мировой политике.

На самом деле, заключает Джеймс, если будет предпринята философски обоснованная попытка разработать альтернативу ценностям Соединенных Штатов, то такая Европа разрушит ценности, на которых основывается все современное общество. Это будет Европа, которая вернется к тому «антикапиталистическому томлению», которое в прошлом наделало много плохих дел. И не только в Европе, но и во всем мире.

Наконец, следует привести высказывания по поводу Мани-феста Хабермаса и Дерриды интеллектуалов в странах Восточной Европы. В немецких изданиях публикаций на эту тему было немного. Одна из таких реакций со стороны интеллектуалов Восточной Европы – выступление венгерского интеллектуала Имре Кертеса на праздновании воссоединения Германии в Магдебурге 3 октября 2003 г., т.е. через полгода после событий в Ираке (3).

Кертес исходит из того, что европейский национализм снова возрождается. Он следующим образом обосновывает свою позицию. Национализм возродился к новой жизни. Европа как будто вернулась к старым структурам. Снова возник альянс континентальных держав – на этот раз в Германии и Франции – против англосаксонских государств – Англии и Америки.

И далее Кертес задается вопросом: «А что стало с декларированным перед лицом террористической опасности после 11 сентября 2001 года принципом “безграничной солидарности”? Как могло получиться, что иракский диктатор, этот запоздалый ученик Гитлера и Сталина, в ходе массового пацифистского движения стал Европе чуть ли не ближе, чем избираемый демократическим путем каждые четыре года президент Соединенных Штатов? Как дошло до того, что люди вдруг забыли, кто им враг, а кто союзник?» (3, с.19–20).

Кертес скептически оценивает ход дискуссии европейских интеллектуалов, подразумевая косвенно, в первую очередь, Манифест Хабермаса и Дерриды. Он считает, что возникла ситуация, когда Соединенные Штаты поделили Европу на «старую» и «новую», а в немецких философских кругах родилась идея о так называемом «европейском ядре» (3, с.21). По мнению Кертеса, эта идея носит высокомерный характер. Но, в конечном счете, «дело в том, что Западная Европа с трудом отказалась от парадоксальной привычной для нее ситуации равновесия двух сверхдержав эпохи “холодной войны”» (3, с.21).

Точно так же, по мнению Кертеса, «критика политики израильского правительства кажется иногда лишь прикрытием для антисемитских высказываний» (3, с. 21).

Кертес задается вопросом, что его, человека, который был заключенным немецкого концлагеря, заставило придти на праздник воссоединения Германии? И отвечает: уверенность в том, что все мы делаем общее дело, стараясь при этом понять особенность сложившейся ситуации. Ее суть: «В современном или в пост-модернистском мире границы проходят не столько между отдельными народами, нациями и конфессиями, сколько между мировоззрениями, между разумом и фанатизмом, толерантностью и истерией, между созидательностью и разрушительной жадой власти» (3, с.21). Наши представления обо всем этом различны. И они останутся предметом споров до тех пор, пока мы снова не выработаем определенную систему ценностей общей для нас культуры, делает вывод венгерский интеллектуал Имре Кертес.

Критика с берегов Сены

В развернувшейся дискуссии наиболее жесткую позицию по отношению к США заняли многие французские интеллектуалы. Наглядный тому пример — суждения французского историка Эммануэля Тодда. Они опубликованы в еженедельнике «Цайт» в виде интервью в апрельском номере за 2003 г. Заголовок наглядно отражает позицию автора: «Слабость победителей. Америка дегенерирует. Европа — держава будущего» (17).

Тодд представлен как ученый, который 25 лет назад предсказал закат Советского Союза. Ученый исходит из того, что до недавнего времени США были самым важным фактором международного порядка. Теперь США стали фактором нестабильности, что, по его мнению, и демонстрирует война в Ираке. «Сегодня США остаются ведущей страной в военных делах, а в большинстве других областей они уступают европейцам». Это показали и события в Ираке, где американцы уже не выступают с демократической миссией. «Мы уже не можем больше говорить о США как о великой демократии», — полагает Тодд. Избирательная система в кризисе. Неравенство внутри страны растет. Богатого американца уже больше нельзя сравнивать с богатым европейцем. Возникла новая плутократия, наносящая вред американской мечте. После скандалов в американской экономике утрачена вера в свободный рынок, как в свое время вера в коммунизм. В результате Америка оказалась в большом духовном кризисе. При этом возник новый религиозный фундаментализм. Свою внутреннюю дезинтеграцию США проецируют на мир.

«Вы относитесь к скептикам по отношению к США», — заметил сотрудник еженедельника «Цайт». «Да, нет, — возразил Тодд, — я далек от того антиамериканизма, который глубоко сидит во многих французах. Мой дед был австрийским евреем и американским гражданином. Моя мать во время Второй мировой войны бежала в США. У меня в целом позитивная позиция по отношению к США. Но теперь приходится осмысливать, как получилось, что из гаранта мира, порядка и свободы США стали фактором беспорядка и войны».

«Вы хотите разрыва с США?» — последовал вопрос. Ответ Тодда: «Нет, я ближе к англосаксонской культуре, чем к русской. Но мы нуждаемся в установлении противовеса Соединенным Штатам. Речь идет не о разрыве, а об автономии. Для того, чтобы избежать

антагонистической позиции к США, очень важно возвращение (в Европу) Великобритании. При этом Англия вовсе не должна занимать антиамериканскую позицию. Скорее опасность состоит в том, что сами США займут антагонистическую и антиевропейскую позицию». При этом, по мнению Тодда, следует учитывать следующие обстоятельства. ЕС и ООН сильны, а НАТО как организация стала бесполезной. Сегодня Россия куда более важный гарант европейской безопасности.

Но не все интеллектуалы думают во Франции столь кате-горично, как Э.Тодд. Воспроизведем иную точку зрения. Она принадлежит Жану Франсуа Ревелю, который еще до событий в Ираке в 2002 г. опубликовал книгу, точно обозначив в ее названии свою позицию: «Одержимость антиамериканизмом. Ее влияние, причины и неэффективность» (14). «Можно ли считать политику США источником проблем завершившегося столетия?» — задается вопросом Ревель и отвечает: «Отнюдь нет. Напротив, именно европейцы сделали XX век наиболее черным в истории человечества, включая сферы политики и морали. Это они спровоцировали две мировые войны-катаклизма, равных которым не знала история. Это они изобрели и воплотили в жизнь два режима, самых криминальных из тех, которые когда-либо формировались в человеческом обществе... Это в Европе следует искать ответственных, по крайней мере, частично, за тупики и конвульсии медленно развивающегося остального мира» (14, с.115).

В отличие от Тодда Ревель полагает, что американское общество вполне жизнеспособно и, кроме того, зиждется на фундаментальных принципах западной цивилизации. Отличаясь от общества европейского, оно не менее совершенно, и в XX веке именно Америка сыграла важную и позитивную цивилизационную роль. По мнению французского ученого, европейская версия антиамериканизма в значительной мере порождена идеологическими и политическими факторами, специфичными для самих европейских стран. И по сей день, замечает Ревель, «во многих государствах антиамериканизм служит оправданием несостоятельности правительств, несовершенства идеологии и преступной бесхозяйственности» (14, с.153).

Антиамериканизм, замешанный на антисемитизме

Французский историк Ревель обозначил причины существования антиамериканизма в Европе.

Летом 2003 г. Европейская комиссия по собственной инициативе провела опрос среди 7500 европейцев. В числе вопросов был и вопрос о том, кто представляет наибольшую опасность в современном мире. Оказалось, что для большинства опрошенных такую опасность представляет Израиль. На первый взгляд, этот результат был неожиданным. Но при более внимательном анализе выявилось, что антисемитизм в скрытой форме продолжает существовать в европейской среде, при этом он косвенным образом связан с проявлениями антиамериканизма, что стало очевидным и после террористических актов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, и после начала военных действий США и Великобритании в Ираке.

В ходе дискуссий европейские интеллектуалы крайне редко обращаются к этой теме, ссылаясь в том числе и на политкорректность. Но время от времени в СМИ появляются достаточно объективные и откровенные суждения на этот счет. К числу таких публикаций относится статья известного голландского публициста Леона де Винтера, опубликованная перед самым Рождеством 2003 г. в еженедельнике «Цайт» под названием «Старый яд в новой Европе» (19).

Голландский публицист в своей статье так охарактеризовал ситуацию в Европе: «Шок от разрушения двух башен, казалось, еще крепче сплотил Америку и Европу. Но уже через несколько месяцев стали появляться первые трещины, и в общественной дискуссии в Европе появились как бы первые признаки сочувствия и вместе с тем радостного удовлетворения относительно столь позорной кончины помпезных, казалось бы неразрушаемых нью-йоркских башен. Тот, кто следил за репортажами и комментариями в европейских СМИ в течение последних двух лет, констатировал наличие возрастающего скепсиса относительно роли Америки в мире, постепенно переходящего в ненависть к Америке».

Более того, в Европе время от времени появлялась информация, согласно которой за разрушение нью-йоркских башен ответственность несут секретные службы США и Израиля. Одновременно на эту же тему появились книги и фильмы.

«При чем тут Израиль? Почему опасность исходит из страны, которая по величине равна Бельгии, и из 6 млн. ее жителей 5 млн. — евреи?» — задается вопросом де Винтер. И приходит к выводу, что после 50 лет табу на агрессивность, высокомерие, моральное давление по отношению к евреям снова всплыли на поверхность. Американская внешняя политика отождествляется с присутствием в ней евреев, и прежде всего таких, как Ричард Перл или Пол Вулфовиц. Консервативные группировки в США и Израиле воспринимаются как нечто целостное — Шарон и Буш. От них и исходит угроза миру.

Де Винтер иронизирует по этому поводу: осуществилась мечта Бен Ладена — расколоть Запад. В Европе куда большее значение придается израильско-палестинскому конфликту, чем боевым действиям в Чечне или гражданской войне в Судане.

Де Винтер приводит в этой связи такие цифры. В Чечне за период боевых действий погибло 100 тыс. человек, в Судане — 2 млн. человек, в столкновениях племен хуту и тутси — миллионы людей. Вместе с тем с декабря 1987 г. по июнь 2003 г. в ходе двух интифад погибло 3 544 человека. Куда больше людей погибло во Франции жарким летом 2003 г. в домах для престарелых, замечает де Винтер.

Голландский публицист напоминает: 11 сентября 2001 г. Бен Ладен и его сторонники-исламисты объявили войну Западу — стране крестоносцев и евреям. Создается впечатление, что Европа в панике старается пацифистски объяснить, что не Европа, а Америка — страна крестоносцев, и что в Европе хорошо знают о подлинной злостной натуре евреев.

Де Винтер приводит при этом факт, получивший широкую огласку в ФРГ. Депутат от ХДС Мартин Хоман, выступая 3 октября 2003 г. в своем избирательном округе, заявил, что евреи тоже несут свою долю ответственности в прошлом. Именно евреи способствовали развязыванию большевистского террора в СССР. Демократические круги ФРГ осудили высказывание Хомана. Он исключен из ХДС, но продолжает сохранять свой пост депутата в германском парламенте.

После публикации статьи де Винтера в еженедельнике «Цайт» и других выступлений в СМИ особое внимание привлечено к протесту палестинцев против незаконного строительства защитной стены между Израилем и Палестиной, обращенному к Между-народному суду в Гааге. В третьей декаде февраля 2004 г. суд приступил к рассмотрению протеста, поддержанного рядом стран — членов ООН. Возле стен суда

разгораются словесные столкновения между сторонниками той и другой стороны. Европейские интел-лектуалы поставлены перед необходимостью занять определенную позицию и в данном вопросе.

Концептуальные подходы американских участников дискуссии

Между тем, в европейской дискуссии продолжают участвовать американские интеллектуалы. Остановимся на некоторых публикациях, в которых содержатся концептуальные подходы.

Концепция «нового империализма». В конце августа 2003 г. в еженедельнике «Цайт» была опубликована статья Яна Росса «Новый империализм. Интеллектуалы спорят о том, как можно спасти мировую экономику. В состоянии ли Америка гарантировать будущий (мировой) порядок?» (16).

Росс так обосновывает причины, побудившие написать эту статью. «Ни один ответственный политик, даже такой, как Дональд Рамсфелд, не стесняющийся в выражениях, не будет употреблять слово “империализм”, точно так же, как менее одиозное “Rax Americana”. Но в интеллектуальных журналах можно обнаружить пространные рассуждения о Риме на берегах Потомака или о десяти правилах, с помощью которых можно править мировым рейхом».

Специфика Соединенных Штатов, полагает Росс, заключается в том, что у этой страны нет колониального прошлого. Он приводит высказывание американского консерватора Роберта Кагана из его книги «Сила и бессилие. Америка и Европа в новом мировом порядке», к которой часто обращаются и европейские участники дискуссии. Каган сравнивает США с планетой Марс как символом волевого решения проблем, а Европу с Венерой как символом мягкости, нерешительности. Каган высказывает своеобразным образом и свое понимание сути империализма. То, что похоже на утку и крикает, как утка, – это и есть утка. Это же касается и признаков, присущих империи. Империя не совместима ни с демократией, ни с правами человека. Отсюда вывод Кагана: «США по определению не являются империей».

Тем не менее, Росс пытается дать характеристику «нового империализма». «Это модель устройства с попыткой овладеть хаосом нарастающих децентралистских тенденций и управлять этим процессом». «Новый империализм должен обеспечить американскую

безопасность в условиях глобальной победы западных ценностей и принципов. Это, — замечает Росс, — своего рода миссионерский американизм».

Росс отмечает, что далеко не все согласны с точкой зрения Кагана. Он упоминает дискуссию в Вашингтоне, где один из ее участников, Найл Фергуссон, закончил свое полемическое выступление следующей фразой: «Империя — это то, что происходит, когда вторгаются в Афганистан. Англичане это делали в 1840-е годы, русские — в 1979 г. А теперь вот на очереди американцы».

Свою статью Росс заканчивает вопросом: неизбежно и бесперспективно — в этом ли заключается парадоксальная истина нового империализма?

Многополярный мировой порядок. Последствия войны в Ираке по-своему оценивает исследователь Чарльз Капчан в своей статье в том же еженедельнике «Цайт» под названием «Америка против остальной части мира. Европа ставит границы влиянию Соединенных Штатов» (11). Он пытается представить себе перспективы мирового порядка в том случае, если США откажутся от нынешней стратегии, основанной на одностороннем подходе. С его точки зрения, «война в Ираке — это только симптом, а не причина пропасти, которая возникает сегодня между Америкой и большей частью остального мира». Многие страны дистанцируются по отношению к США и тем самым способствуют переходу мирового сообщества к состоянию, когда будут существовать несколько центров силы. Это обстоятельство, полагает Капчан, привело бы к тому, что в мультиполярном политическом мире вновь пробудились бы инстинкты к конкуренции. «Главный вызов для мирового сообщества состоит в том, чтобы подготовиться к этому перелому в ситуации». Тем более что в условиях нового мирового порядка происходят кардинальные, необратимые изменения».

Что касается Европы, то, по мнению Капчана, она становится альтернативным центром власти, и не только в области экономики. Идет процесс политической консолидации. При этом новые члены ЕС не хотели бы превратиться в контригрок Соединенных Штатов. Но они со временем убедятся, замечает Капчан, что в их интересах усилить ЕС.

Капчан анализирует особенности современного американского одностороннего подхода. Он считает, что эта политика связана не только с политикой Буша-младшего. Существуют более глубокие причины. «Односторонность — устойчивая составная часть амери-

канской культуры с ее установкой на свободу и самоопределение. После окончания “холодной войны” со всеми ее опасностями, в результате чего Америка была связана со своими союзниками и международными организациями, — эта традиция вновь дает о себе знать в ее популистском варианте. И, кроме того, после событий 11 сентября соотношение сил в США на многие годы вперед сдвинулось в правую сторону. Ныне стало опасно выступать против ястребов в политике».

Капчан полагает, что геополитическое развитие в этом десятилетии (2001—2010), по всей видимости, будет состоять в отдалении друг от друга Европы и США, что приведет к внутреннему расколу Запада. Маловероятно, что при роспуске Атлантического союза США и Европа станут друг для друга врагами, но совершенно точно они станут ярко выраженными конкурентами. Из-за военной слабости Европы не возникнет биполярного мира. Но он перестанет быть однополярным, поскольку Европа намерена решительно утвердить себя. Из этого Капчан делает вывод, что к началу второго десятилетия этого столетия, по всей видимости, геополитическая ось сместится в сторону Тихого океана.

Капчан считает, что Китай будет продолжать развиваться и превратится в мировую державу. Япония выйдет из состояния рецессии, что будет способствовать подъему Азии. «Это столетие не будет принадлежать ни Америке, ни Европе, ни Азии. Никому». Мир вступает в эпоху геостратегического перелома. Вопрос заключается в том, как возникающие проблемы решать мирными средствами.

Стратегия такого мирного подхода должна учитывать три обстоятельства, считает Капчан. Во-первых, Америка должна убедиться, что в политике мультиполярности для нее существуют положительные моменты. Если этого не произойдет, то между США и Европой возникнут противоречия. Во-вторых, возросшая роль Европы на мировой арене. Уже сейчас она достаточно сильна, чтобы не быть вассалом США, но недостаточно сильна, чтобы быть эффективным партнером и контригрокком США. В-третьих, следует совместными усилиями вовлекать Китай и другие регионы в глобальные рынки и институты, что открывает дорогу в мультиполярный мир. «Лишь в этом случае Китай станет согласовывать свои интересы и действия с Америкой и Европой, вместо того, чтобы направить свою силу против них. Это не в последнюю очередь позволит смягчить те отношения, в ходе которых возникают нестабильность, возрастают объемы торговли

оружием и терроризм». «Это чрезвычайно тяжелая задача, — заканчивает свою статью Капчан, — но как раз это обстоятельство еще раз подчеркивает, как настоятельно необходимы свободная Америка и сплоченная Европа».

Глобальный контроль над глобальными процессами. Примечательно выступление Бенджамена Барбера, профессора университета штата Мериленд, на конгрессе «Философия и политика», проходившем 31 октября 2003 г. в Доме Вилли Брандта в Берлине. Текст выступления опубликован в журнале «Нойе гезельшафт» под заголовком «Конец демократии. Приватизация коррумпирует *res publica*» в январском номере за 2004 г. (5).

Б.Барбер оценивает происходящее в мире и роль в нем Соединенных Штатов и высказывает свое понимание сущности глобализации. Он полагает, что в экономике произошла существенная перемена от производства конкретных товаров к экономике информационного общества. Все это сопровождается нарастанием приватизации и снижением значения общности. Происходит целенаправленная коммерциализация частного сектора, в результате чего традиционно плюралистический, дифференцированный частный сектор превращается «в гомогенный, упрощенный, тоталистский сектор» (5, с.6). При этом наблюдается новое явление: если в XIX в. обмен товарами способствовал укреплению национальных границ, то теперь новые товары в виде технологий, информации, знаний, идей разрывают эти границы. «Кому сегодня принадлежит Интернет?» — задается вопросом Барбер.

При этом глобализация с ее новыми видами товаров и услуг разрушает синергетику (обратную энергетическую связь. — Б.О.) между капитализмом и демократией, ибо капитализм высвобожден из-под контроля демократических институтов, гражданского общества. «Мы глобализировали не только капитализм, но и многие пороки, обусловленные анархической природой рынка. Мы глобализировали преступность, торговлю женщинами и детьми, торговлю оружием» (5, с.7—8).

То же касается и терроризма, подчеркивает Барбер. Терроризм, с его точки зрения, это не есть проявление национально-государственной системы, это проявление глобальной системы, в которой отсутствует глобальный контроль. Террористов можно охарактеризовать как «враждебные неправительственные организации». Они действуют не

внутри государств, а используют щели, возникшие между этими государствами. В этом, собственно, причина, почему в ходе войн в Ираке и Афганистане невозможно остановить терроризм. Если удастся свергнуть какой-либо тиранический режим, то террористы просто передвигаются дальше. «Террористы это паразиты подобно тем, которые паразитируют на животных. И когда уничтожается тело, питающее этих паразитов, то паразиты просто уходят. И в этом тоже одно из проявлений глобализации» (5, с.8).

Барбер подробно рассматривает процесс коммерциализации, которая практически оставляет мало возможностей для выбора. Конечно, замечает он, на наших руках нет наручников, и мы можем покупать все, что нам вздумается. Но не оказываемся ли мы в своего рода тюрьмах, как в свое время люди были в тюрьмах в тоталитарных государствах? В каком-то смысле сегодня не ощущается состояние принудительной «тюрьмы». Но в другом смысле это куда опаснее, поскольку «новые тюрьмы» создают иллюзию свободы.

В этом, полагает Барбер, одна из причин, по которой люди в остальной части мира столь двойственно оценивают Запад, его капитализм, его товары и его благосостояние. Конечно, этого им тоже хочется, и они тоже хотят попасть туда. Но вместе с тем, у них возникает опасение, что будет с их детьми, когда они попадут туда.

Дж.Буш-младший, продолжает Барбер, думает, что эти люди ненавидят нас, поскольку они ненавидят нашу свободу и боятся нашей демократии. Частично это, наверное, так. «Но я полагаю, что они опасаются не нашей публичной свободы, а нашей частной свободы и ее последствий. Они страшатся не той ситуации, в которой существуют возможности выбора, а той, в которой такой выбор осуществить невозможно. Я говорю не о террористах, но о значительно большем числе людей, которые иногда полагают, что Усама бен Ладен их представляет лучше, чем Дж.Буш-младший. Мы поставили людей в положение, в котором им ничего не остается, как полагать, что у них существует только такой выбор» (5, с.11).

Барбер вновь подчеркивает, что подлинная демократия подразумевает не гомогенную коммерциализацию, а подлинный плюрализм, при котором мы можем жить в соответствии с нашими ценностями и при котором возможно свободное вероисповедание. «Я знаю, что ведутся споры о Европе и конституции и что следует ли при этом говорить о христианской Европе или о Европе с христианскими

ценностями. Но ведь это очевидный факт, что религия представляет собой глубоко укорененную часть каждой культуры. И все равно, будет ли она упомянута в нашей конституции или нет, она живет в душах людей» (5, с.11).

Барбер предостерегает от нарастания враждебности по отношению к иностранцам. «Боюсь, что левые видят только две возможности — либо остановить (приток иностранцев. — *Б.О.*), либо сдаваться... В этом вопросе встречаются левый и правый популизм. Враг — это рабочий из-за рубежа, враг — это иммигрант, враг — это третий мир» (5, с.11). Но не означает ли все это, что мы терпим поражение и отдаем себя на милость глобализации. Точка зрения самого Барбера: «Нет, существует третья возможность: если экономика убегает из-под крыла демократии, то возникающий отсюда вызов состоит в следующем — глобализовать демократию, глобализовать гражданское общество, глобализовать права граждан» (5, с.11).

Нам следует, заканчивает свое выступление Барбер, восстановить мир плюрализма, в котором предпринимательство является важной составной частью. Но только важной частью, и не более того.

Вперед, к Иммануилу Канту!

В дискуссии европейских и американских интеллектуалов вокруг событий в Ираке часто затрагивались положения известной работы Иммануила Канта «К вечному миру». Для этого был и формальный повод. В 2004 г. исполняется 200 лет со дня смерти Канта, чему немецкие СМИ уделяли большое внимание. Можно и так сказать, что идеи «вечного мира» представлены в дискуссии как идейная база, опираясь на которую, большинство европейских интеллектуалов оценивали происходящее в мировой политике в связи с действиями США в Ираке.

В этом смысле показательна позиция Кристофа Цёпеля в его статье «Западные ценности и исторический опыт по ту и эту сторону Атлантики», опубликованной в журнале «Интернационале политик унд гезельшафт» (21). Обращая внимание на внутреннюю связь между демократией и миром, он обращается к «Вечному миру» Канта и цитирует первые две статьи этого трактата. Первая статья: «Гражданская конституция в каждом государстве должна быть республиканской». Статья вторая: «Международное право должно

основываться на федерализме свободных государств». Отталкиваясь от этих положений Канта, Цёпель делает вывод, что вопросы внешней политики должны рассматриваться дипломатами в тесной взаимосвязи с вопросами демократического волеизъявления. В качестве примера такой политики Цёпель называет бывшего президента США Дж.Картера и руководителя оппозиционной партии ХДС Ангелу Меркель. Взгляды Канта Цёпель сравнивает с установками Макиавелли. Макиавелли полагал, что лишь с позиции силы можно проводить успешную внешнюю политику. Идеалист Кант, замечает Цёпель, был реалистом в том смысле, что в конечном счете именно ценностно-ориентированная политика обнаруживает свою правоту. «И, вне всякого сомнения, в иракском конфликте именно реалисты оказались в состоянии правоты» (21, с.165). Власть можно удержать только в том случае, если она находится под воздействием власти, отраженной в деятельности федерации государств, регулирующих внутри себя отношения на основе разделения властей. По этой причине возможна априори и демократическая политика в глобальном масштабе. Такая политика нуждается во взаимном контроле властей, в разделении властей между государствами, регионами, одним словом, в мультиполярном мировом порядке. То, что возможно априори, должно выражаться в политическом желании. Но такое политическое волеизъявление подчинено определенным ценностям. И такая политическая оценка, ориентирующаяся на ценности, означает: однополярный мир по своей сути недемократичен, он находится в противоречии с «западными ценностями» (21, с.165).

Эти мысли Цёпель развивает в другой своей статье «Державы мира в многонациональном мировом порядке», опубликованной в январском номере за 2004 г. журнала «Нойе гезельшафт» (20).

Цёпель полагает, что в процессе европейского объединения находят воплощение идеи немецкого философа Канта, сформулированные в самом конце XVIII в. Цёпель оценивает потенциал расширенного сообщества. К 373 миллионам присоединяются еще 75 млн. человек. Уступая по численности населения Китаю и Индии, ЕС будет превосходить США с их 288 млн. человек (20, с.35).

Расширится и военный потенциал ЕС. Военные силы ЕС в совокупности насчитывают 1,5 млн. солдат (Китай – 2,3 млн., США – 1,2 млн.). Военные расходы ЕС – 311 млрд. евро, и это больше,

чем военные расходы Китая, Японии, России и Индии вместе взятых (20, с. 39).

Цёпель считает необходимым подчеркнуть: «По крайней мере, в начале XXI столетия европейская интеграция протекает в духе эпохи Просвещения, а не как предварительная ступень к глобальной политической интеграции. Она представляет собой вклад в формирование мультиполярной системы» (20, с.38).

ЕС будет расширяться. В дальнейшем предусмотрено членство Албании, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Македонии, Черногории. После вступления в ЕС этих пяти государств, а также Румынии и Болгарии, Европейский Союз будет насчитывать 505 млн. жителей (20, с.38).

При этом обеспечение безопасности будет рассматриваться как совместная внутренняя безопасность. Она будет обеспечена не военными, а полицейскими силами. В этой независимости Европы наверняка заложено ядро конфликта с США, замечает Цёпель (20, с.38).

Объединение всех вышеназванных стран не будет означать завершение некоего процесса, пишет далее Цёпель. ЕС будет развивать отношения со своими соседями на Востоке и на Юге. Возникнут новые сложности, связанные с культурным и историческим прошлым. Будут давать о себе знать историческая роль Турции в Юго-Восточной Европе, а также различия между христианством и исламом. Европа не собирается быть религиозным сообществом, она будет сообществом в духе эпохи Просвещения.

В XXI в. будет играть роль фактор территориального расширения, которое со всей вероятностью распространится до Владивостока (20, с.39).

Возрастет и экономический потенциал. По валовому национальному продукту ЕС следует за США и впереди Японии. Китай производит лишь одну шестую ВВП Европейского Союза, Россия – одну двадцатую (20, с.39).

Но в целом, заключает Цёпель, в процессе интеграции Европе придется столкнуться не столько с экономическими, сколько с культурными и историческими проблемами.

Культурным аспектам интеграции уделяет внимание известный немецкий публицист Герт Вайсскирхен, член фракции СДПГ в Бундестаге, ответственный за вопросы культуры (18).

Вайсскирхен обращает внимание на трудности, которые будут сопутствовать процессу объединения. Они наглядно проявились в ходе принятия конституции ЕС, когда Польша и Испания возражали против неравного представительства отдельных стран в руководящих органах ЕС. Трудности связаны с осмыслением прошлого. Из Европы исходили Крестовые походы. Колониальная политика также проводилась странами Европы. И для того, чтобы извлечь уроки из всего этого, Европа нуждается в сохранении общих ценностей.

В этой новой Европе по иному будет рассматриваться проблема национального суверенитета. «Мы на пути к созданию постнационального суверенитета, — подчеркивает Вайсскирхен. Сообщество граждан Союза создает чувство совместной принадлежности. Они интегрированы в расширенный европейский ансамбль. Новое гражданство в ЕС становится возможным, поскольку в странах ЕС существуют демократические права, которые позволяют формировать единые институты ЕС» (18, с.42).

Тем самым создаются абсолютно новые возможности принятия политических решений для создания качественно новой демократии ЕС, которые позволяют развивать демократии в отдельных странах.

Шаги к сближению

Трудности, с которыми столкнулись американцы и англичане при установлении мирного порядка в Ираке, продолжающиеся террористические акты со стороны сторонников Хусейна, отсутствие массово выраженного желания населения к усвоению демократических процедур — эти и другие обстоятельства как бы подтверждают один из главных выводов европейских интеллектуалов о том, что демократию насилием навязать невозможно, тем более в обществах с другими религиозными и культурными ценностями и традициями. Но вместе с тем становится очевидным, что продолжающаяся нестабильность в Ираке затрагивает и Европу, и общую ситуацию в мире. В европейской дискуссии все громче стала звучать тема об «общей ответственности».

Одним из подтверждений этому является статья Маттиаса Насса в еженедельнике «Цайт», опубликованная в октябре 2003 г. под заголовком «Победа без победителей. Если Америка потерпит поражение в Ираке, то пострадает и Европа» (12).

Насс начинает свою статью со следующих рассуждений: потерпит ли Америка провал в Ираке? И что означал бы такой провал для европейцев? Ироничным замечанием, это, мол, «война Буша», не отделаешься. Война началась на ошибочных основаниях, и у нее нет никакой международно-правовой легитимности. И все же уход американцев означал бы ухудшение ситуации. Ирак погрузился бы в состояние анархии и развала.

Насс комментирует поведение сторонников Хусейна. Его и других европейцев поразило то, что террористы не остановились перед уничтожением помещения Международного Красного Креста — организации, которая прибыла в Ирак с добрыми намерениями. И отсюда вывод Насса: «Часы нельзя переставить назад. Америка не должна потерпеть поражение — прежде всего в интересах самих иракцев. Поэтому основной идеей для европейцев должно стать следующее: помощь вместо насмешки. Да, это была война Буша. Но выходить из этой войны придется вместе и американцам, и европейцам».

Как видим, совершенно другая тональность. И она сохранялась в еженедельнике «Цайт» в последующем. Подтверждение тому — еще одна статья на эту же тему. Ее автор Иосиф Иоффе. Показательно название статьи: «Сближение интересов. Европа и Америка находят точки соприкосновения в Ираке» (10).

Исходный тезис Иоффе: Европа не смогла воспрепятствовать войне в Ираке. Америка в одиночку не в состоянии одержать победу. Автор видит трудности, которые были на пути восстановления взаимопонимания. Он пишет: обе стороны активно пытаются начать новый этап во взаимоотношениях. Что толкает страны к установлению новых отношений? По мнению Иоффе, в интересах европейцев не допустить того, чтобы Ирак погрузился в состояние террора и гражданской войны.

Иоффе поясняет далее: либеральные демократы нутром почувствовали, что их остров благополучия не выживет, если вовне будут свирепствовать СПИД и бедность, диктатура и коллаборационизм, религиозная одержимость и геноцид. Асимметричное ведение войны под названием «террор» входит в норму отношений, рушатся идеалы, за которыми скрывался Запад. В этой связи Иоффе приводит высказывание министра обороны ФРГ Петера Штрука: Германию надо защищать на дальних подступах, в горах Гиндукуша.

Более определенно высказывается по этой проблеме один из старейших историков Германии Арнульф Баринг. Название статьи достаточно полно раскрывает его позицию: «Без США для Германии нет будущего» (2).

«Не будет преувеличением сказать, — обосновывает свою точку зрения Баринг, — что и сегодня, и в обозримом будущем никакой мировой порядок не может быть установлен без участия или в противовес США. Это, впрочем, не означает, что отныне мы должны терпеть господство США в течение столетий. Очевидно, что до сих пор в Афганистане, а также в Ираке американцы добились только частичных успехов. Ничто не свидетельствует в пользу того, что они станут системообразующей силой, сравнимой с Римской империей... Однако их роль имеет и будет иметь решающее значение. Их военная сила впечатляет. До сих пор в Германии недостаточно осознали причины столь быстрой победы в Ираке» (2, с.88–89).

Сотрудничество с США тем более важно, полагает Баринг, что Европа в интеграционном процессе будет сталкиваться с нарастающими трудностями. Его вывод пессимистичен: «Чем больше разрастается сообщество, тем разнороднее, инертнее оно будет, тем меньше внутренних стимулов оно найдет в себе» (2, с.89).

Свой анализ событий вокруг Ирака дал Йюшка Фишер, которого по праву можно причислить к наиболее интеллектуальным политикам современной Европы. 19 ноября 2003 г. он выступил в Принстонском университете (США) с докладом «Европа и будущее трансатлантических отношений» (4). К достоинствам его анализа следует отнести то обстоятельство, что он называет вещи своими именами и вскрывает причины международного терроризма, от чего уходят многие современные политики. С его точки зрения, безопасность в XXI в. не может быть определена в традиционных категориях XX в. «Новый тоталитаризм, исламистский терроризм с его человеконенавистнической идеологией джихада угрожает миру и стабильности как в региональном, так и в глобальном масштабе» (4, с.102–103).

Фишер подчеркивает, что угроза исходит не от какого-то государства, а скорее от нового тоталитарного движения. Оно направлено на то, чтобы подорвать моральный дух США и Запада и вызвать реакцию, которая не ослабила бы, а усилила поддержку исламистского тоталитаризма. Ответ на этот вызов должен быть масштабным. В этой связи Фишер употребляет термин «позитивная

глобализация». В чем ее суть? «Эта позитивная глобализация в политическом плане должна привести к перестройке международной системы государств, к “новому мировому порядку”, в рамках которого будет обеспечено мирное и дружественное сосуществование более чем шести миллиардов людей, более 190 государств, много-численных регионов и культур. В его основе — мультиполярность» (4, с.103).

По мнению Фишера, один из любимых «жутких» вопросов нынешней политической публицистики звучит так: пришел ли конец Западу? «Я отвечаю на это четко и ясно: нет, не пришел. Конец Западу придет лишь тогда, когда трансатлантический альянс лишится перспективы из-за отсутствия общих интересов, когда Европа и Америка пойдут разными путями» (4, с.104).

В отличие от Баринга Фишер смотрит с оптимизмом на будущее Европы. «Удастся ли Европе преодолеть главное противоречие между национально-государственным суверенитетом и полной политической интеграцией Союза? Сможет ли Европа стать державой XXI века? От ответов на эти вопросы для Европы зависит многое — даже, может быть, все» (4, с.105).

Понимание того, что мир един и необходимо взаимодействие для предотвращения различных угроз, было продемонстрировано на международной конференции, которая вот уже какой год традиционно проводится в Мюнхене. Корреспондент «Известий» Светлана Бабаева так описывает атмосферу, царившую на этой конференции: «За неделю до Дня святого Валентина произошло первое и явное замирение Америки и Европы после большого иракского “барьерного рифа”. В минувшие выходные (14–15 февраля 2004 г.) в цитадели европейского пацифизма — Германии — сторонники и противники военной силы обсуждали, как совместно противостоять угрозам, идущим с Ближнего и Среднего Востока. Год назад те же участники в том же Мюнхене ссорились так, что все предрекали скорый крах НАТО» (1).

Будем иметь в виду, что при этом речь шла о политическом замирении. Те противоречия, которые обсуждались в ходе дискуссии европейских и американских интеллектуалов, во многом сохранились. И это дал понять министр иностранных дел ФРГ Йошка Фишер, когда его на той же конференции спросили, прошло ли взаимное раздражение США, с одной стороны, и Германии и Франции — с другой. Вывод: почти прошло, хотя стороны во многом остались на своих позициях. «Нас не убедили принципы, которые привели к войне, —

подчеркнул Фишер. — Но сегодня необходимо, — добавил он, — чтобы старания сил коалиции завершились успехом, провал привел бы к поражению».

Некоторые выводы

В дискуссии европейских интеллектуалов по поводу событий в Ираке, к которой подключились и интеллектуалы из США, не было какого-то заранее задуманного сценария. Дискуссия определялась самим ходом событий и непосредственной реакцией на них. В данном обзоре воспроизведена лишь часть этой дискуссии, при этом на основании публикаций в немецких изданиях — СМИ и Интернете.

У русских, как, видимо, и у других народов, есть пословица: «Нет худа без добра». Распад Советского Союза, прекращение идеологического противоборства между политическими и военными лагерями поставили страны Запада перед новыми проблемами. Это, прежде всего, касалось Западной Европы, которая под военным крылом американских защитников целые полвека довольно успешно устраивала свои дела, не очень-то представляя, как вести себя в новых условиях, обретя статус самостоятельности на мировой арене и практически не будучи готова к этому.

Процесс приспособления к новым условиям продолжался примерно с начала 90-х годов и до начала нового, XXI века. То есть всего каких-то 10–12 лет. За этот, по историческим меркам, небольшой период Европа совершенствовала интеграционные процессы и, не спеша, прикидывала, каков будет в новых условиях ее военный потенциал, как он будет выглядеть и для чего предназначен. Развертывание американцами военных действий в Ираке заставило европейцев — политиков и интеллектуалов — задуматься над тем, что время неспешных действий прошло, надо срочно выстраивать реалистическую картину своих отношений с Соединенными Штатами, оказавшимися в силу сложившихся обстоятельств ведущей мировой державой, заново осмысливать картину мирового устройства, определять степень новых угроз, складывающихся по новой оси религиозно-национальных противоречий, уяснить свое место в нарастающем процессе

глобализации. Развернувшаяся дискуссия представляет собой попытку обсудить все эти вопросы.

Анализ содержания дискуссии показывает, что между ее участниками существуют различия, причем порой весьма существенные. При этом расхождения не дают возможности обозначить четкие группировки: с одной стороны – американцы, а с другой – европейцы. Мы наблюдаем более сложную картину. У леволиберальных интеллектуалов по обе стороны Атлантики много схожего, к примеру, у европейца Хабермаса и американцев Рорти и Барнета. И вместе с тем налицо определенная поддержка со стороны восточноевропейского истеблишмента политики Буша-младшего и стоящих за ним неоконсерваторов. Вместе с тем трудно причислить к какому-то лагерю известного европейского поэта Магнуса Энцен-сбергера и политика-интеллектуала Йошку Фишера. Наблюдается своеобразное интеллектуальное «движение».

И все же проглядывают некие обобщенные позиции, обусловленные как культурно-историческими традициями, так и политико-экономическим весом в современном мире. Европейцы – за безусловное соблюдение установившихся международно-правовых норм с применением гибкой тактики без резких движений, что связано со складывавшейся веками политической культурой консенсуса, компромисса. У американцев за их сравнительно короткий период существования сложилась культура реализма, политического прагматизма, желания решать возникающие проблемы «здесь и сейчас». К тому же к началу XXI в. выясилось, что США оказались самой мощной в экономическом и военном отношении страной, заинтересованной в сохранении стабильности в этом беспокойном и плохо прогнозируемом мире. Террористические акты 2001 г. поставили США перед принципиально новой проблемой – оказывается, даже эта сверхмощная страна не может защитить себя от террористических актов методами, сложившимися в мировой практике. И перед американцами возникла дилемма – либо гоняться за группировками террористов по всему миру, либо влиять на международные отношения таким образом, чтобы было как можно меньше стран, идеология которых созвучна идеологии террористов, и, следовательно, как можно меньше очагов потенциальной опасности. Американцы пытаются делать и то, и другое. Как показывает практика, с переменным успехом. Европейцы, которые пока что не затронуты широкомасштабным террором со стороны

сторонников исламистского фундаментализма, наблюдают за ситуацией как бы со стороны, давая американцам, как им кажется, мудрые советы в отношении взвешенности и осторожности. Отсюда несколько разная оценка сложившейся ситуации.

Но и те, и другие поставлены перед необходимостью осмыслить принципиально новую ситуацию в международно-правовой практике, сложившуюся после Вестфальского мира и просуществовавшую более трех столетий. Новая реальность такова: уважение суверенитета отдельных стран и при этом соблюдение прав человека. Как относиться к странам, где эти права нарушаются систематически и самым грубым образом? Давать руководителям этих стран надлежащие советы, призывать к благоразумию или же прибегать к прямому давлению, вмешательству методами «гуманитарной интервенции», как это имело место в бывшей Югославии, а теперь в Афганистане и Ираке? У европейцев и американцев разное видение такой стратегии.

В ходе европейско-американской интеллектуальной дискуссии, продолжавшейся почти весь 2003 и перешедшей на 2004 год, выявилась еще одна тема для обсуждения — осмысление глобальных процессов, прежде всего в области экономики, и глобальных методов влияния на эти процессы. Критика «нарастающей коммерциализации», вступающей в противоречие с ценностями демократии в процессе создания широкого движения массового протеста (Манифест Хабермаса) или строительства международного гражданского общества (выступление Барнета в Доме Вилли Брандта в Берлине), — это одна линия поведения, созвучная леволиберальным, социал-демократическим представлениям. Поощрение глобальной экономической активности в условиях законных рамок с целью решения острейших социальных проблем — другая линия поведения, присущая в первую очередь американским неоконсерваторам.

Если учесть, что эта дискуссия, обусловленная военными действиями США и Великобритании в Ираке, началась в апреле 2003 г. и далека от завершения, то можно ожидать появления новых подходов, новых точек зрения. И прежде всего со стороны восточноевропейцев, которые пока что отмалчивались. Будем при этом иметь в виду, что речь идет именно о дискуссии интеллектуалов, которые не связаны какими-либо дипломатическими ограничениями, что позволяет им выражать свое мнение откровенно и вслух и говорить о том, что волнует живущих по обе стороны Атлантического океана. С этой точки зрения, анализ такой дискуссии плодотворен, ибо он позволяет выявлять в интенсивном

интеллектуальном осмыслении «болевые точки» планетарного сосуществования.

Список литературы

1. Бабаева С. Европа мирится с Америкой. Где будет место России? // Известия – М., 2004. – 15 февр.
2. Баринг А. Одинокая держава средней величины. Без США для Германии нет будущего // Intern. Politik. – Бонн; Москва, 2003. – Т.6. – С.83–89. – На рус. яз.
3. Керрес И. Речь на праздновании воссоединения Германии // Kulturchronik. – Bonn, 2003. – N 6. – С.18–21.
4. Фишер Й. Европа и будущее трансатлантических отношений. Речь Федерального министра иностранных дел Йошки Фишера в Принстонском университете 19 ноября 2003 г. // Intern.Politik. – Бонн; Москва, 2003, Т.6. – С.102–111. – На рус.яз.
5. Barber B.R. End of Democracy? Privatisierung korrumpiert die respublica // Neue Ges. / Frankfurter Hefte. – Bonn, 2004. – Jg. N I. – S.6–12.
6. Derrida J., Habermas J. Unsere Erneuerung. Nach dem Krieg: die Wiedergeburt Europas // Frankfurter Allg. Ztg. – 2003 – 31. Mai. – S. 33.
7. Enzensberger: Triumfale Freude über Saddam-Sturz // Ibid. – 2003. – 14. Apr.
8. Hertzunger R. Der ratlose Kontinent. Europa-wohin? Die konzertierte Intellektuelle-Aktion in europäischen Medien scheut die schmerzhaften Fragen // Zeit – Hamburg, 2003. – N 23.
9. James H. Aussenpolitik missverstanden. Europa schweigt in gefährlicher Sehnsucht // Süddt. Ztg. – München, 2003. – 3. Juni.
10. Joffe J. Europa uns Amerika entdecken im Irak wieder ihre gemeinsamen Interessen // Zeit. – Hamburg, 2004. – N 5. – 22. Jan.
11. Kupchan Ch.A. Nicht nur einer wird gewinnen. Amerika gegen den Rest der Welt-das kann nicht gut gehen. Europa setzt dem Einfluss der Vereinigten Staaten Grenzen // Zeit. – Hamburg, 2003. – N 22.
12. Nass M. Wenn Amerika im Irak scheitert, verliert auch Europa // Zeit. – Hamburg, 2003. – N 45. – 30. Okt.

13. Palm G. Normative Trümmer und solche aus Stein. Enzensberger, Haber, mas und der Irak-Krieg: Zum komplexen Geflecht von Macht, Moral und Recht. // 2003-19. April – <http://www.heise.de/bin/tp/issue/dl-ar...Inr=14640&rub-ordner=inhalt&mode=print>.
14. Revel J.F. L'obsession anti-américaine: Son fonctionnement, ses causes, ses conséquences. – P.: Plon, 2002. – 303 p.
15. Rorty R. Demütigung oder Solidarität. Für Amerika wäre es eine Tragödie, wenn Europa sich nicht gegen Washington behaupten würde // Süddt. Ztg. – München, 2003. – 31. Mai.
16. Ross J. Der neue Imperialismus. Intellektuelle diskutieren, wie die globale Weltwirtschaft vor dem Zerfall gerettet werden kann. Ist Amerika in der Lage eine zukünftige Ordnung zu garantieren? // Zeit. – Hamburg, 2003. – N 36. – 28. Aug. – S.39.
17. Todd E. Die Schwäche der Sieger. Amerika degeneriert, Europa ist die kommende Macht. Der französische Historiker Emmanuel Todd über die Zukunft der transatlantischen Beziehungen // Zeit. – Hamburg, 2003. – N 18. – 24. Apr.
18. Weisskirchen G. Nutzt Europa seine Chance? // Neue Ges. / Frankfurter Hefte. – Bonn, 2004. – N 1. – S.39–42.
19. Winter de L. Altes Gift im neuen Europa // Zeit. – Hamburg, 2003. – N 51. – II. Dez.
20. Zöpel Ch. Friedensmacht in einer multipolaren Welt // Neue Ges. / Frankfurter Hefte. – Bonn, 2004. – N 1. – S.34–38.
21. Zöpel Ch. Westliche Werte und historische Erfahrungen diesseits und jenseits des Atlantiks // Intern. Politik u. Ges. – Bonn, 2003. – N 3. – S.156–165.

Б.С.Орлов

**СНАЙДЕР Р.С.
МИФ О ПРЕИМУЩЕСТВЕННОМ ПРАВЕ:
БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВОЙНА ПРОТИВ ИРАКА
SNYDER R.S.**

The myth of preemption: More than a war against Iraq // Orbis. – Philadelphia, 2003. – Vol.47, N4. – P.653–660.

Профессор Р.С.Снайдер (Юго-Западный университет, США) считает, что проблема администрации Буша состояла не только в том, чтобы найти повод для войны с Ираком, но и в неспособности убедить большинство стран мира в необходимости этой войны. Именно для сохранения лица она ложно охарактеризовала свою политику, назвав ее «преимущественное право» («preemption»), тогда как уместнее термин «превентивный удар» («prevention»). Администрация утверждает, что старая политика сдерживания больше не соответствует проблемам сохранения безопасности в XXI в. В ответ многие «радикальные» критики внешней политики США объявили, что американские амбиции в Ираке были фактически имперскими.

Администрация Буша не сумела найти приемлемого повода для войны с Ираком, во многом потому, что она не признавала истинных причин войны, которые не ограничивались Ираком. Администрация Буша не сумела выдвинуть достаточно очевидные аргументы в пользу войны.

Реальным основанием для войны стали три цели, первые две из которых были достигнуты:

(1) наказать большой арабский мир за то, что он создал условия для появления Усамы бен Ладена, и за симпатию к нему после 11 сентября;

(2) демонстрация американской силы и решимости, дабы сдержать террористов и «государства-изгои», которые могли бы дать террористам оружие массового поражения (ОМП);

(3) установление демократического режима в Багдаде, который стал бы моделью либерализма для других стран Ближнего Востока (с.654).

Идея администрации относительно войны, основанной на преимущественном праве, вносит серьезную сумятицу в основные понятия безопасности. Преимущественное право государства существует в условиях необходимости предотвращения удара другого государства, даже если этот удар не представляет непосредственной угрозы, но в принципе возможен. А поскольку Саддам Хусейн не собирался нападать на США, американской администрации пришлось переименовать свою политику предотвращения в нечто другое.

Для того, чтобы сдерживание работало, нужны два условия: лидеры того государства, на которое направлена акция, должны быть рациональны и поверить, что «сдерживатель» имеет достаточно решимости и силы осуществить задуманное. Саддам явно был рационален, что доказывает его долгое пребывание у власти, а его провалы (война с Ираном, вторжение в Кувейт) вовсе не свидетельства нерациональности. Акция против Ирана началась в период максимального ослабления Ирана и самых острых его противоречий с США. Что касается Кувейта, то Саддам, возможно, поверил смутным сигналам из Вашингтона, что США не встанут на его защиту.

Кроме того, он полагал, что США используют только небольшую военную силу, чтобы выбить иракские войска из Кувейта, и что последние могут одержать победу. Иначе говоря, война в Персидском заливе станет для американцев второй партизанской войной, аналогичной той, что они проиграли во Вьетнаме. Обеспокоенность США возможностью передачи Ираком ОМП террористам была очень слабо аргументирована.

Эти провалы администрации Буша спровоцировали критиков выдвинуть такие объяснения, которые ошибочно игнорируют действительные соображения безопасности, лежащие в основе политики США. Самое популярное объяснение – это война за нефть. Если бы США было нужно больше нефти, то давно уже следовало снять санкции на продажу иракской нефти. Кроме того, один из самых весомых уроков войны в Персидском заливе (1991) таков: американские нефтяные

компании не получили никаких концессий от Кувейта после войны. Второе вводящее в заблуждение объяснение — США превращаются в империю. Однако, считает автор, война против Ирака проявила скорее односторонний эгоизм США, чем империализм. Классический империалист стремится управлять территорией и ресурсами; односторонний эгоист всего лишь не стесняет свое поведение международными соглашениями, вроде уважения суверенитета других государств. Недавний отказ Буша от Киотского протокола был одним из проявлений одностороннего эгоизма.

Популярный среди арабов аргумент гласит, что администрация США активна в ближневосточной политике главным образом из-за желания обезопасить регион для Израиля. Возможно, президент Буш проводит самую активную произраильскую политику по сравнению с предыдущими американскими президентами. Впрочем, все американские президенты стремились сделать Ближний Восток более безопасным для Израиля, и Буш здесь не исключение.

События 11 сентября стали определяющим мотивом действий администрации и массовой поддержки военных действий. Этот день нанес удар по представлениям о национальной безопасности, защищенной двумя океанами, по обязательствам поддерживать свободу открытого для иммиграции общества. В свою очередь американское нападение на Ирак в 2003 г. лучше всего представляется «наказанием» Америкой всех арабов, поддерживающих Бен Ладена. Война же в Афганистане не могла бы соответствовать тяжести преступления или успокоить оскорбленные чувства американцев. Есть мнение, что ни американское правительство, ни американский народ не поняли сложность Ближнего Востока и видели в Ираке легкую цель. Автор полагает, что самое простое и хорошее объяснение причин войны — США напали на Ирак в наказание за то, что Бен Ладен был продуктом политики арабского мира, арабы сочувствовали ему.

Соответственно, американское ниспровержение суверенного режима Ирака было жестом, воспринятым всеми иракскими арабами и нацеленным на них: заставить всех арабов почувствовать «нечто сопоставимое с той болью, которую Америка испытала 11 сентября» (с.657).

Противостоять террористам в принципе трудно. Упреждение, завладение инициативой, преимущественное право — вот тот способ, с помощью которого перехватывают наступательное преимущество

террористов. За последние годы в мире сложилась ситуация, при которой государства-изгой могут снабдить террористов ОМП с тем, чтобы безнаказанно и тайно ударить по США. Весьма сложно выступать против неизвестного врага, если имеется множество потенциальных источников поставки ОМП. Понимая всю трудность вооруженного отпора, упреждения и превентивного удара, США выдвинули политику общего сдерживания относительно государств-изгоев и террористов. Затеяв войну в Ираке, США, по сути, лишили Багдад возможности дать ОМП террористам. Но эта война стала также и сигналом сдерживания для всех как реальных, так и потенциальных изгоев — США имеют силу и решимость наказать их. Так, США использовали Ирак в качестве наглядного примера для всех остальных. «Конечно, следуя логике предотвращения, США следовало бы показать решимость в отношении более сильной и более опасной Северной Кореи, ибо Ирак был не самым первым кандидатом в поставщики ОМП террористам. Но, учитывая логику общего сдерживания, администрации Буша оказалось удобным напасть на Ирак» (с.658).

Об этом говорили и вице-президент Чейни, и помощник министра обороны Вулфовиц, и министр обороны Рамсфелд. Почему же многие в администрации США были «зациклены» на Ираке? Больше всего сказались сожаления по поводу того, что Саддам не был отстранен от власти в ходе войны в Персидском заливе. Однако действия администрации в Ираке следует рассматривать и как часть более масштабного проекта по распространению глобального американского влияния. После всего этого Иран должен крепко подумать, прежде чем прибегать к помощи международного терроризма; сирийцам придется переоценить свои связи с «Хизбаллах»; Пакистану следует быть уверенным, что его ученые-ядерщики не связаны с «Аль-Каидой»; саудовцам необходимо контролировать своих боевиков-ваххабитов. США не могут быть «справедливы» или «разумны», если они снова подвергнутся нападению (с.659).

Наконец, третья причина войны в Ираке: после 11 сентября администрация стала продвигать либерализм как элемент национальной безопасности с тем, чтобы способствовать более мирным международным отношениям. Эта политика основана на «тезисах о демократических международных отношениях и на роли внешней политики в продвижении демократического мира» (с.659). Утверждается, что демократические государства миролюбивы в

отношении друг друга и, возможно, даже менее воинственны вообще. Поэтому, чем больше демократических режимов в мире, тем меньше проблем национальной безопасности. Кроме того, внешние силы могут помочь в установлении демократии повсюду. Так, США, например, создавали демократический порядок в Западной Германии и Японии после Второй мировой войны, устраняя таким образом главные угрозы своей безопасности со стороны этих государств.

Администрация США явно надеялась установить либеральный порядок в Багдаде, который мог бы вызвать эффект домино по всему Ближнему Востоку. «Государства Ближнего Востока сами неспособны мобилизовать внутренние силы, необходимые для продвижения демократии» (с.659). И здесь могла бы стать полезной внешняя сила. Ирак в центре арабского мира, его население высокообразованно, урбанизировано и не столь клерикально, как в других странах региона. Поэтому есть надежда на то, что, устанавливая либеральный режим в Ираке, США уменьшат долгосрочные угрозы своей безопасности, исходящие с Ближнего Востока.

Если счесть войну лишь наказанием арабов и использованием Ирака в качестве примера для других государств-изгоев, то это может легко привести к еще большему взрыву арабского гнева и исламского терроризма. А попытка установить демократию в Ираке может привести к хаосу, как в самом Ираке, так и во всем регионе. Несмотря на немалый демократический потенциал Ирака, здесь ситуация иная, чем в Западной Германии и Японии после Второй мировой войны: к власти могут прийти воинственные сектантские группы, абсолютно не поддерживающие либерального устройства.

Может создаться впечатление, что война, обоснованная идеей преимущественного права, представляет радикальный отход от реалистических и либеральных основ американской внешней политики. Но сегодня самая большая угроза безопасности для Соединенных Штатов — государства-изгои и международные террористы с ОМП. Война против Ирака не означала разрыва с прошлым, а основывалась на «наступательном реализме» (с.660). Война, безусловно, нарушила иракский суверенитет, но угроза межнационального терроризма с его прямыми связями с государствами-изгоями может сделать устаревшей святость суверенитета для всех государств.

Ю.В. Чайников

АЛИ Т.
РЕКОЛОНИЗАЦИЯ ИРАКА
ALI T.
Re-colonizing Iraq // New left rev. — L., 2003. —
N 3. — P.5–19.

15 февраля 2003 г., пишет Т.Али, член редколлегии «New Left Review», 8 млн. человек пяти континентов вышли на улицы крупнейших городов мира (Лондона, Парижа, Рима, Мадрида, Брюсселя, Афин, Стамбула, Нью-Йорка, Сан-Франциско, Лос-Анджелеса, Чикаго, Монреаля, Мельбурна и др.), протестуя против готовящейся агрессии США и их союзников в Ираке. Несмотря на эту первую в истории подлинно глобальную манифестацию, 21 марта английские и американские войска оккупировали Ирак. Республиканская администрация использовала события 11 сентября, чтобы реализовать свой имперский план, первый пункт в котором — оккупация Ирака. Воплощаемая ныне программа была впервые обнародована в 1997 г. под названием «Проект нового американского столетия». Под ней стоят подписи известных политиков (Р.Чейни, Д.Рамсфелда, П.Вулфовица, Д.Буша, З.Хализаде, Э.Абрамса, Д.Куэйла) и интеллектуалов (Ф.Фукуямы, М.Дектера, Л.Либби, Н.Подгореца). В связи с этим Т.Али вспоминает вдохновителя вашингтонского консенсуса, неолИБерала Ф.Хайека, приветствовавшего бомбардировки Ирана в 1979 г. и действия англичан против Аргентины в 1982 г.

Главная мысль «Проекта» проста: Америка не может позволить себе самодовольно почивать на лаврах после окончания «холодной войны»; ей необходимы военная мощь и сохранение мировой гегемонии; ради этих целей Америка должна применять силу — всегда и везде (с.8).

Уже на следующий день после теракта 11 сентября 2001 г. в Белом доме в Совете безопасности США обсуждали вопрос: по кому наносить удар — по Ираку или по Афганистану. Операция в Багдаде была запланирована на сентябрь 2002 г. Стать жертвой Ираку «помог» целый ряд обстоятельств. У Ирака — вторые в мире запасы дешевой нефти; в 2000 г. Багдад перешел с долларов на евро в расчетах за экспорт. Существование режима Саддама «раздражало» израильских военных. Наконец, блицкриг должен был преподать урок другим странам Ближнего и Дальнего Востока.

Англо-американская агрессия расколола Европу впервые после окончания «холодной войны», и это приняло форму внутризатпадного скандала (с.16). В то время как правые режимы Аснара в Испании и Берлускони в Италии поддержали США, французские и немецкие социалисты выступили против. Впрочем, времена искреннего антиамериканизма европейцев в духе де Голля давно в прошлом, и вскоре Ширак и Блэр помирятся, а немцы будут делать вид, что не понимают истинной роли Англии в Евросоюзе — «трянского мула» США (с.17). На Ближнем Востоке, пишет Т.Али, возникла ситуация лицемерия и сговора. Мубарак дал свободно пройти американским кораблям через Суэцкий канал, Саудовская Аравия и Турция позволили разместить на своей территории ракеты, мелкие государства Персидского залива вообще выступили пешками в игре Вашингтона, Сирия и Иран попытались сохранить хорошую мину при плохой игре. «Лига арабских государств превзошла саму себя в качестве коллективного выражения позора; она осудила войну, — ту самую, в которой большинство ее членов принимали участие на стороне США» (с.12).

Реальность «международного сообщества», которое в действительности означает американскую глобальную гегемонию, никогда не была столь ясной, как в ситуации с Ираком. Мало кто рискнул открыто выступить против США. Но исключения все же были. Единственным политическим органом, который действительно пытался остановить войну, был турецкий парламент, выступивший как против США, так и против своего правительства. В Индонезии Мегавати призвала к созыву чрезвычайного заседания Совета Безопасности ООН (которая, по словам автора, теперь больше похожа на Организацию Американских Наций), чтобы заклеить на нем США. Президент Малайзии Махатхир потребовал отставки Кофи Аннана. И это, пожалуй, все.

Сегодня, замечает Т.Али, нет Советского Союза, который, как во время Суэцкого кризиса 1956 г., одним-единственным заявлением мог охладить наступательный пыл Запада (с.17).

Война в Ираке планировалась по типу войн в Югославии и Афганистане. Политики и генералы в Вашингтоне и Лондоне рассчитывали на полное повторение косово-кабульской модели — массированные бомбардировки плюс фактический отказ от помощи своим «клиентам» бывших стран-патронов (Россия, Пакистан). С Ираком так не получилось. К тому же, иракская армия не развалилась при первом же выстреле, как ожидалось. Действия американцев превратили их в глазах большинства арабов в «новых крестоносцев», а Саддама Хусейна — в героя арабского мира. Шииты вовсе не встретили оккупантов с распростертыми объятиями. Единственно приемлемая для американцев интерпретация этой ситуации — Саддам оставил больное общество и теперь приходится иметь дело с его наследием. Как заявил один американский капрал, «иракцы — больной народ, а мы — химиотерапия» (с.14–15).

Ни Европа, ни Россия, ни Китай не помогут Ираку. Страна и регион в целом должны надеяться на самих себя. «Если существует хотя бы один регион, где клише, согласно которому классические революции принадлежат прошлому, продемонстрировало свою несостоятельность, то это арабский мир. В тот день, когда Мубарак, Хашимиты, Асад и другие династии будут сметены народным гневом, с американским и израильским высокомерием в регионе и по отношению к нему будет покончено» (с.17–18).

Разумеется, в этом арабским народам должно помочь глобальное антиимпериалистическое движение. Оно должно не только протестовать, но и разоблачать любые попытки реколо-низации Ирака в духе нового издания мандата Лиги Наций 1920-х. Именно такую трактовку реколонизации пропагандируют телеканалы Мердока, Би-би-си и Си-эн-эн в стремлении объединить Запад. Единственным ответом на такие попытки Али считает лозунг, с которым в феврале 2003 г. протестовали против американской агрессии в Ираке демонстранты в Сан-Франциско: «Ни вашей войны, ни вашего мира» (с.19).

А.И.Фурсов

Раздел 2 СИЛОВОЕ РЕШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОБЛЕМ

ВОЙНА В ИРАКЕ: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ ДЛЯ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА (Аналитический обзор)

С приходом к власти в Великобритании в 1997 г. «новых лейбористов» начался новый этап истории Соединенного Королевства. Правительство Тони Блэра приступило к решению широкого круга проблем, стоящих перед страной, — политических, экономических, социальных. Новый британский премьер-министр определил «большую стратегию» преодоления этих трудностей. Он провозгласил курс на широкомасштабную модернизацию британского общества и государства. И далеко не последнее место в «большой стратегии» занимала внешняя политика. Одной из основных задач, заявленных Т.Блэром в этой сфере, стало построение новых отношений с Европой. По мнению «новых лейбористов», Соединенное Королевство вполне может стать одним из лидеров интеграционных процессов, занять прочное положение в Европе и в политическом, и в экономическом смысле. И при всем при том ставилась цель сохранить и укрепить «особые отношения» с США.

Усилия Блэра могли считаться успешными до тех пор, пока иракский кризис не привел Париж и Берлин к оппозиции Вашингтону. Этот кризис, казалось, подорвал краеугольный камень большой стратегии Тони Блэра, согласно которой Великобритания могла выступать в роли «моста» через Атлантику. Он нанес ущерб новым взаимоотношениям с Францией, которые начали выстраиваться с 1998 г. Кризис поднял вопросы «особых отношений» с США. И даже поставил под угрозу сохранение Тони Блэром поста премьер-министра. Хотя период активных военных действий в Ираке уже позади, неясна

перспектива выполнения проектов Блэра, а также трансатлантических взаимоотношений, будущего Великобритании и Европы в мировой политике.

Эволюция основных направлений внешней политики Великобритании

Центральной внешнеполитической проблемой Великобритании являлся поиск нового баланса во взаимоотношениях с США и Европой. Со времен Второй мировой войны главным приоритетом британской внешней политики были «особые отношения» с Соединенными Штатами. Причем этот постоянный союз нехарактерен для британской истории. В течение столетий британцы использовали дипломатию баланса сил и избегали долговременных альянсов. В отличие от других западноевропейских стран, Соединенное Королевство и Франция претендовали на значимую роль в сфере глобальной безопасности, но они выбрали для этого противоположные меры. После Суэцкого кризиса Франция решила развивать собственные автономные ядерные средства для того, чтобы сохранять независимость и статус великой державы. В Соединенном Королевстве всегда действовали с оглядкой на США. Если Великобритания хотела оставаться влиятельным участником международных отношений и играть значительную роль в сфере международной безопасности, она не могла предпочесть Европу Америке, так как большинство европейских стран не имели ни сил, ни желания поддерживать потенциал, позволяющий действовать в глобальных масштабах.

В Великобритании быстро поняли, что возможно советоваться и сотрудничать с США с выгодой для себя, хотя бы и на их условиях. В «особых отношениях» осталась возможность влиять (или, по крайней мере, надеяться на влияние) на политику Америки. Как сказал Тони Блэр: «Цена влияния заключается в том, что мы не оставляем США в одиночку справляться со сложными проблемами»¹. Приверженность Британии союзу с США наглядно проявилась, когда Соединенное Королевство приняло участие в бомбардировках Ирака в 1998 и 1999 гг.,

---

¹ Цит. по: Kramer S. Blair's Britain after Iraq // Foreign affairs. — L., 2003. — Vol. 82, № 4. — P.91.

в операции в Косово в 1999 г., в акции в Афганистане после событий 11 сентября.

Однако ослабление позиций Соединенного Королевства и относительная изоляция страны от континента уменьшили ее вес в «особых отношениях» и, вместе с тем, ее влияние. Поэтому, наряду с постоянной политической и военной поддержкой США, Блэр решил сблизиться с Европой, считая, что, более тесно сотрудничая с европейскими странами, Лондон может усилить свои позиции в «особых отношениях» с Вашингтоном.

Правительство «новых лейбористов» нацелилось на гораздо более тесное и конструктивное сотрудничество с ЕС в целом. Лейбористы решили вынести на референдум вопрос о вступлении Британии в зону евро. Кроме того, сразу после победы на выборах лейбористы подписали Европейскую социальную хартию, которую игнорировали консерваторы. Правительство предприняло серьезные усилия для активизации общеевропейской политики в области занятости и улучшения ситуации на рынке труда¹.

Один из важнейших шагов навстречу Европе был сделан в сфере безопасности и обороны. В начале и середине 90-х годов Соединенное Королевство действовало как проводник политики США в Североатлантическом альянсе, выступая против европейской идентичности в сфере безопасности и обороны. Позиция Лондона по этому вопросу расходилась с точкой зрения Парижа и, в меньшей степени, с позицией, которую занял Берлин. Ситуация изменилась с приходом к власти правительства лейбористов во главе с Тони Блэром.

Центральным событием здесь стал франко-британский саммит в Сен-Мало, который состоялся 3–4 декабря 1998 г. Была признана возможность европейских стран проводить автономные военные операции в тех случаях, когда не задействуется НАТО в целом. И, явившись одним из инициаторов процесса формирования Общей европейской политики в сфере безопасности и обороны (ОЕПБО), Соединенное Королевство фактически стало его лидером.

Только Великобритания и Франция из всех европейских стран — членов НАТО имеют современные вооруженные силы, полностью комплектуемые на профессиональной основе. А также независимые возможности управления войсками и политическую волю

---

¹ Перегудов С.П. Тони Блэр / РАН. ИНИОН. — М., 2000. — С.47.

использовать военную силу на глобальном уровне. Различия в подходах Британии и Франции отразились в долгих дебатах по вопросу о степени связи НАТО и ЕС. Целью Соединенного Королевства была консолидация НАТО, то есть укрепление трансатлантических отношений, пусть даже путем создания ОЕПБО. Франция же добивалась развития и консолидации европейских сил, пусть даже с использованием трансатлантического института — НАТО. Франция считала ЕС самостоятельной структурой, которая должна участвовать в диалоге с Атлантическим альянсом на равных, чтобы гарантировать совместимость двух организаций. Позиция Великобритании менее «европоцентрична». Она рассматривала автономию с прагматичной точки зрения: автономные военные операции могут понадобиться в отдельных случаях, поэтому необходимо создать соответствующую структуру; приоритетной же все равно остается НАТО. Заседание Совета ЕС в Португалии в июне 2000 г. продемонстрировало превалирование английской позиции. Но так как участие Британии было необходимо для успешного формирования ОЕПБО, у Франции не осталось выбора. Парижу пришлось оставить надежды на полную независимость европейской военной структуры от НАТО и, соответственно, от США.

Именно с помощью ОЕПБО Британия рассчитывала добиться упрочения своих позиций в Европе. Ведь в других сферах — экономической и политической — роль лидера для Соединенного Королевства пока недоступна. Причем Тони Блэр был твердо убежден в том, что сближение с Европой полностью совместимо с сохранением «особых отношений» с США — в этом состоит один из главных аспектов изменений во внешнеполитическом курсе Соединенного Королевства.

Тони Блэр и начало войны в Ираке

Настоящей проверкой нового курса Тони Блэра стала война в Ираке. Задолго до начала сухопутной операции в Ираке, в Соединенном Королевстве среди политической элиты и в обществе мало кто полагал, что война против терроризма логически и неизбежно приведет к насильственной смене режима. Другими словами, мало кто связывал терроризм непосредственно с именем Саддама Хусейна и диктатурой в Ираке. В октябре 2001 г. Тони Блэр заявил, что перед тем, как двинуть войска в Ирак, необходимо быть полностью уверенным в том, что Ирак

сотрудничает с «Аль-Каидой». Практически повсеместно в Европе придерживались мнения, что любая интервенция должна осуществляться только с санкции Совета Безопасности ООН.

В позиции Соединенного Королевства на этом этапе были и свои отличия от точки зрения других европейских стран. Великобритания не только на словах поддерживала США, но и выражала готовность участвовать в военных действиях. Блэр никогда не высказывался против использования силы, если это будет необходимо для уничтожения оружия массового поражения, которым, как заявляли в США, обладает Саддам Хусейн. К примеру, Великобритания участвовала в операции «Лис в пустыне» в 1998 г. Однако позиция Блэра отличалась и от позиции США. Британский премьер-министр ясно давал понять, что главной задачей должно быть именно уничтожение оружия массового уничтожения, а не смена режима. Блэр действительно пытался повлиять на США, с тем чтобы администрация Буша действовала бы через ООН. Он также призывал к активной работе в деле примирения Израиля и Палестины, чтобы уничтожить главную, по его мнению, причину ненависти арабов к западным странам.

Вместе с тем, необходимо отметить, что готовность Британии участвовать в военной операции против Ирака не вытекала напрямую из «особых отношений», а также не была неизбежным следствием давления Вашингтона. Уместно вспомнить, что премьер-министр Гарольд Вильсон успешно противостоял давлению Америки, когда та настаивала на участии британских войск в войне во Вьетнаме. Таким образом, Великобритания вполне могла отказать в военной помощи США, ограничившись политической поддержкой. В свете укрепления отношений с Францией в частности и с Европой в целом и учитывая негативное отношение Франции и Германии к войне, это было бы вполне в интересах дальнейшего сближения с этими странами. Либо Соединенное Королевство могло оказать Америке лишь символическую военную помощь. Но Блэр пошел по другому пути. Таким образом, военное участие Британии стало его политическим выбором. Другой вопрос — почему был сделан именно такой выбор.

Один из факторов, хотя и не определяющий, — направленность британской политики в отношении Ирака в предшествовавшие годы. Со времен первой войны в Персидском заливе Лондон и Вашингтон постоянно настаивали на ужесточении резолюций ООН, касающихся инспекций в Ираке. Британия участвовала в патрулировании свободных

от полетов зон на севере и юге иракской территории. В среднем Королевские военно-воздушные силы совершали 2 тыс. самолетовылетов в год. Великобритания участвовала и в операции «Лис в пустыне», ее ракеты атаковали объекты на иракской территории.

И все-таки, считает американский исследователь Стивен Крамер, главная причина поддержки Тони Блэром позиции США была связана с уникальной моральной стороной защиты демократических ценностей и прав человека¹. Выступая в Чикагском Экономическом клубе 22 апреля 1999 г., Блэр заявил: «Многие из наших проблем были порождены двумя опасными и жестокими людьми: Саддамом Хусейном и Слободаном Милошевичем. Оба готовились вести жестокие кампании против части нашего собственного сообщества. Своей деструктивной политикой оба принесли бедствия собственным народам... Одна из причин, из-за которой так важно выиграть конфликт, — необходимость гарантировать, что другие не совершат подобных ошибок в будущем»². Премьер-министр также сказал, что международные отношения в наше время должны быть основаны на «идее сообщества»³. Те заявления Блэра перекликались с его будущим выбором — он фактически поставил на одну доску Милошевича и Хусейна.

В то время, когда у власти в США находился Билл Клинтон, Тони Блэр рассматривал Америку как страну, которая не имеет «мечты о завоевании мира» и даже «не видит необходимости быть вовлеченной в дела остального мира». Бомбардировки Ирака и операцию в Косово британский премьер считал выполнением международного долга, защитой общечеловеческих ценностей, а не просто вмешательством США в дела других стран. Он говорил, что «если мы хотим видеть мир, которым управляют закон и международное сотрудничество, мы должны рассматривать ООН в качестве его центральной опоры. Но мы также должны найти новый путь, чтобы сделать ООН и Совет Безопасности работающими, чтобы не вернуться к тупику времен “холодной войны”, когда Совет Безопасности не мог действовать эффективно»⁴. Однако, когда во время дискуссий в ООН по вопросу Косово компромисс не был найден, Великобритания согласилась с позицией США, и НАТО начала действовать без санкции Совета Безопасности. То есть в конкретной

---

¹ Kramer S. Blair's Britain after Iraq. P.98.

² Цит. по: Kramer S. Blair's Britain after Iraq. P.98.

³ Там же.

⁴ Цит. по: Kramer S. Blair's Britain after Iraq. P.98.

ситуации британский премьер принял решение, что защита демократических ценностей в Югославии важнее, чем поиск «нового пути» в ООН. И здесь явное противоречие в его позиции. 18 марта 2003 г., в день начала кампании в Ираке, речь Блэра в палате общин имела фактически тот же смысл, что весной 1999 г.

Дебаты вокруг проблемы Ирака в преддверии войны стали причиной серьезного раскола среди британских политиков, в том числе и внутри лейбористской партии. С критикой позиции США выступили люди, наиболее близкие Блэру. Например, Питер Мандельсон, который, начиная с 1995 г., занимался подготовкой предвыборной кампании Тони Блэра, реорганизацией лейбористской партии, разработкой ее новой политической платформы, новой редакции ее устава, новых принципов внутрипартийной демократии. В 1997 г. он был руководителем предвыборного штаба, а позднее — министром по делам Северной Ирландии. И хотя в 2001 г. Мандельсон ушел в отставку, он оставался ближайшим соратником премьер-министра, считался идеологом «нового лейборизма». В августе 2002 г. на страницах «Гардиан» он заявил: «Мы не признаем систему, при которой одно государство считает себя вправе изменить политический строй другого или готовить восстание на чужой территории — это приведет только к еще большему сползанию в хаос»¹. Питер Мандельсон оговорился, правда, что, если Саддам Хусейн продолжит игнорировать резолюции ООН, то военная акция может стать неизбежной. И все же, отмечала газета, впервые столь близкий к британскому премьеру политик выступил с такой резкой критикой позиции Вашингтона.

С еще более критическими выступлениями приходилось сталкиваться самому Тони Блэру, причем исходили они зачастую от членов его же собственной лейбористской партии. «Индепендент» писала, что все больше депутатов-лейбористов высказываются против войны с Ираком. Газета цитировала Дональда Андерсона, главу парламентского комитета по внешней политике, который выразил недовольство стандартным ответом Тони Блэра по поводу возможной акции против Багдада. Каждый раз, когда ему во время парламентских дебатов задают этот вопрос, британский премьер кратко отвечает, что «пока еще не принято никакого решения по этому поводу». «В свете

---

¹ Watt N., Aglionby J., Norton-Taylor R. Blair losing influence on US over Iraq//http://www.guardian.co.uk/uk_news/story/0,3604,783244,00.html/ 30 August 2002

очевидных военных приготовлений Вашингтона такой ответ не выдерживает никакой критики», — считал Дональд Андерсон¹.

Тем не менее, за три недели до начала войны британские парламентарии приняли решение поддержать позицию премьер-министра, который намеревался оказать помощь США в проведении военной операции против Ирака. Законодатели высказались в поддержку Блэра — 434 голоса против 124, однако этому предшествовал раскол в партии лейбористов, традиционно принимающей решения подавляющим большинством голосов. Группа лейбористов во главе с бывшим министром культуры Крисом Смитом выразили несогласие с партийным руководством, считая, что причин для начала войны пока не появилось. Правительство выступило на стороне Блэра. Тем не менее, министр иностранных дел Джек Стро не исключил, что в случае усиления недовольства позицией большинства в парламенте может быть проведено повторное голосование по данному вопросу.

Оно состоялось 18 марта. Палата общин парламента Великобритании вновь поддержала позицию правительства и премьер-министра по иракскому вопросу, правда, с меньшим перевесом, но цифры изменились незначительно — 412 голосов «за» и 149 «против». Голосованию предшествовали девять с половиной часов бурных дебатов, в ходе которых Блэр настаивал на том, что Хусейн станет силен «сверх всякой меры», если мировое сообщество не сможет его разоружить.

И хотя позицию Блэра поддерживали парламентарии, в оппозиции премьер-министру оказались крупные фигуры лейбористского лагеря. Робин Кук, спикер палаты общин и экс-министр иностранных дел, подал в отставку. Подала в отставку и министр по международному развитию Клэр Шорт. Правда, она решила остаться в правительстве и ушла из него только в мае. По словам Робина Кука, причиной его просьбы об отставке стало то, что действия Блэра нарушали фундаментальные принципы внешней политики лейбористской партии. По его мнению, не следовало игнорировать международное сообщество и объединяющие его правила, даже если результаты деятельности международных организаций кого-то не устраивают. Он заявил, что война не получила ни международного одобрения, ни поддержки внутри страны. Робин Кук приветствовал упорные усилия премьер-министра и министра

---

¹ Цит. по: С. Закин. Британия продолжает думать об Ираке // http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/press/newsid_2224000/2224798.stm/ 29 August 2002

иностранных дел добиться принятия второй резолюции СБ ООН, которая дала бы санкцию на начало военных действий. И, по его мнению, если этого не удалось сделать, нельзя было делать вид, что мандат ООН не имел никакого значения.

По словам Робина Кука, Британия – не супердержава. И ее интересы лучше защищать не односторонними акциями, а многосторонними соглашениями и на базе мирового порядка, основанного на праве. А кризис вокруг Ирака ослабил важную для Великобритании структуру международного партнерства – привел к расколу в ЕС¹. Робин Кук как экс-министр иностранных дел, во время пребывания которого в должности Британия двигалась в сторону Европы, не мог не сожалеть об этом. Рушились те отношения, в создании которых он принимал самое активное участие. Кук так охарактеризовал общественное мнение, сложившееся на тот момент: «Я думаю, что в настроениях британцев сейчас превалирует благоразумие. У них нет никаких сомнений, что Саддам Хусейн является жестоким диктатором. Но они не убеждены, что Хусейн – прямая и явная угроза для Британии. Они хотят дать шанс инспекторам. И они подозревают, что американская администрация поспешно вовлекает их в конфликт, преследуя свои собственные интересы. А главное, им не нравится, что Британия принимает участие в военной авантюре, причем в условиях, когда не создано более широкой международной коалиции и учитывая, что к этой авантюре многие наши традиционные союзники относятся враждебно»². Слова Робина Кука подтверждали данные социологических опросов, проведенных, в частности, изданием «Гардиан». Большинство населения Британии выступает против войны в Ираке без санкции Совета Безопасности ООН³. В среднем, по различным оценкам, в марте 2003 г. войну одобряли только 20% британцев⁴.

Клэр Шорт, представитель левого крыла лейбористов в правительстве, также выступила с резкой критикой в адрес Тони Блэра.

---

¹ Cook R. Why I had to leave the cabinet// <http://www.guardian.co.uk/comment/story/0,3604,916318,00.html/> 18 March 2003

² Cook R. Why I had to leave the cabinet // <http://www.guardian.co.uk/comment/story/0,3604,916318,00.html/> 18 March 2003

³ Блэр: «Аль-Каида» ударит по Британии// http://news.bbc.co.uk/hi/russian/uk/newsid_2679000/2679701.stm/ 21 января 2003

⁴ Климентов Д. Великобритания пойдет на компромисс?// http://www.konflikt.ru/index.php?top=2&status=show1news&news_id=5897&searchword=/12 марта 2003

Она назвала его позицию «опасной для всего мира, для его собственного будущего и для его места в истории»¹. В своем прошении об отставке, адресованном премьер-министру, Клэр Шорт написала: «Я согласилась остаться в правительстве, чтобы помочь восстановлению Ирака. Я боюсь, что обещания, которые Вы мне дали относительно создания легитимного иракского правительства в рамках мандата ООН, оказались невыполненными»².

И, тем не менее, несмотря на раскол среди руководства лейбористов, палата общин поддержала Тони Блэра. За начало войны выступил лидер консервативной оппозиции Иан Дункан Смит, заявивший, что тори не поддадутся искушению проголосовать против правительства, поскольку премьер-министр действует в национальных интересах Соединенного Королевства. Речь Тони Блэра неоднократно прерывалось возгласами одобрения со стороны правых депутатов и гулом недовольства с лейбористских скамей. Большинство консерваторов отдали свои голоса правительству. Причем убежденных сторонников войны без санкции ООН в парламенте было не так уж много. По моему мнению, члены палаты общин, скорее всего, понимали, что война все равно неизбежна. 11 марта министр обороны США Дональд Рамсфелд заявил, что Америка может начать войну и без Соединенного Королевства. Выбора не было. Великобритания, уже вступившая на путь конфронтации с европейскими странами и, в первую очередь, с Францией и Германией, решила не отступать. Правительство Соединенного Королевства начало открыто осуждать позицию Франции, которая, можно сказать, взяла на себя функции лидера антивоенного лагеря в Европе. 13 марта в органе лейбористской партии «Гардиан» вышла статья с заголовком — «Британские министры открыли сезон охоты на французов». Как было заявлено в статье, в отместку за угрозу Франции наложить вето на предлагаемую Британией резолюцию Организации Объединенных Наций по Ираку, «верховная власть» разрешила министрам «навалиться на французов». Тони Блэр после долгих недель сдержанности открыто критиковал Францию в палате общин, как, впрочем, и другие министры его правительства. В частности, Блэр, помощники которого неоднократно отказывались от

---

¹ Болтански К. Британский министр Клэр Шорт, выступавшая против войны, ушла в отставку // <http://www.inopressa.ru/press.html?press=42/>

² Там же.

предложений осудить поведение французов, в отведенное ему как премьер-министру время для вопросов и ответов позволил себе откровенное выражение недовольства французским президентом Жаком Шираком. Он заявил, что сам «изо всех сил» старается найти в рамках ООН решение «на основе компромисса»¹. Но достижение этой цели осложняется, когда некая страна говорит, что, каковы бы ни были обстоятельства, она наложит вето на вторую резолюцию, — очевидный выпад в адрес выступления Жака Ширака по телевидению 9 марта 2003 г.

Таким образом, отказ от участия в операции после долгой дискуссии, призывов к Европе и довольно жестких заявлений в адрес французского лидера означал бы, что Соединенное Королевство, уже «рассорившееся» с Европой, отвернулось бы и от США, что на тот момент означало бы еще и отказ от более или менее весомой роли в международной политике.

К 19 марта 2003 г. у границ Ирака было сосредоточено 40 тыс. британских солдат. Они составляли без малого одну шестую часть всей группировки коалиции — всего участвовать в операции готовились 255 тыс. человек. В 03:00 утра 20 марта истек срок ультиматума, предъявленного Вашингтоном Багдаду. По его условиям, к этому времени Саддам Хусейн должен был сложить полномочия и вместе с сыновьями покинуть страну. Однако распоряжение о начале операции президент США Джордж Буш подписал между 01:30 и 02:00. В 05:15 Буш, выступая по национальному телевидению, объявил, что американские вооруженные силы «приступили к первоначальной стадии военной операции для разоружения Ирака». Были нанесены бомбовые удары по иракской территории. Вечером того же дня морской десант ВС США и штурмовой отряд ВМС Великобритании вошли на территорию Ирака из Кувейта.

Война в Ираке и «особые отношения»

Тони Блэр, несомненно, хотел получить мандат ООН на вторжение в Ирак. Это отвечало настроениям британской политической элиты. Резолюция, которая признала бы интервенцию

---

¹ Henley J., Walsh N., MacAskill E., White M. Ministers declare open season on French // <http://www.guardian.co.uk/guardianpolitics/story/0,3605,913082,00.html/> 13 March 2003

необходимой, сгладила бы напряженность, ликвидировала бы раскол в стане лейбористов. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1441 удовлетворяла и США, и противников войны, в частности, Францию, — она фактически могла интерпретироваться как оправдывающая интервенцию в случае несоблюдения Ираком взятых обязательств по международным инспекциям объектов на его территории. И, с другой стороны, она требовала для начала военных действий принятия второй резолюции, что сближало ее с позицией, которую, в частности, заняли Франция и Россия. И так как вероятность войны все возрастала и вместе с ней росли тревоги и сомнения в рядах лейбористов, вторая резолюция или, по крайней мере, серьезная попытка получить мандат ООН, пусть даже резолюция была бы заблокирована, казались политически необходимыми. Некоторое время и США разделяли такую позицию Блэра и понимали его настойчивость в вопросе получения мандата ООН. Два американо-британо-испанских проекта резолюции, разрешавшие применение силы в отношении Ирака, первый из которых был внесен 24 февраля, провалились. В проектах Багдаду объявлялся ультиматум сроком до 17 марта. Но, тем не менее, Тони Блэр не отступил. 14 марта Великобритания официально представила новый проект резолюции. Он увеличивал сроки ультиматума на десять дней, до 27 марта. Кроме того, новый проект содержал дополнение в виде шести детальных требований к Ираку, которые министр иностранных дел Соединенного Королевства Джек Стро огласил еще 12 марта. Во-первых, Саддам Хусейн в телевизионном выступлении должен был признать факт сокрытия оружия массового уничтожения. Во-вторых, иракским ученым следовало предоставить возможность ответить на вопросы инспекторов ООН за пределами Ирака. Третье условие состояло в передаче иракскими властями инспекторам ООН запасов бацилл сибирской язвы. Кроме того, Лондон потребовал от Багдада ликвидировать все ракеты, запрещенные ООН, представить список беспилотных самолетов, способных распылять химические вещества, и уничтожить все передвижные лаборатории по производству бактериологического оружия. Таким образом, Британия попыталась сформировать консенсус путем установления контрольных параметров разоружения, которые должен был принять Багдад. Лондон даже заявил, что готов отказаться от одного своего требования — чтобы Саддам Хусейн фактически признал наличие у него оружия массового

уничтожения (ОМУ) в выступлении по иракскому телевидению¹. Но эти инициативы Блэра результата не дали.

К примеру, Россия отклонила новый проект еще до его официального представления и настаивала на том, чтобы инспекторы по вооружениям после представления детальной рабочей программы могли продолжить свою работу, по меньшей мере, еще на протяжении трех месяцев. Так заявил в одном из своих интервью российский посол в ООН Сергей Лавров. Аналогичную российской позицию заняли также Франция и Китай. Три постоянных члена Совета Безопасности заявили, что будут блокировать любой проект резолюции, которая могла бы автоматически привести к развязыванию войны. Их поддержала и Германия. Правительство ФРГ не только посчитало слишком малыми сроки, предложенные Лондоном, но и решительно выступило против заключительных определений, которые содержали как новый, так и два прежних проекта резолюции.

Между тем, активные действия британского премьер-министра делали принятие второй резолюции гораздо более важным шагом. А это не устраивало администрацию Буша, так как она готовилась начать военные действия и без санкции ООН. Резолюция была желательна для Америки, но не более того. В результате деятельности Блэра провал в Совете Безопасности стал выглядеть более серьезным событием, чем того хотелось бы Соединенным Штатам.

Таким образом, предвоенные дебаты и начало войны, как это ни парадоксально, нанесли ущерб и «особым отношениям» с США. В Вашингтоне в действиях Блэра увидели и положительные, и негативные стороны. Из положительных, и это очевидно, — военное присутствие Великобритании в Ираке. Кроме того, что очень важно, без участия королевских войск США не могли бы даже говорить о какой-либо коалиции, по крайней мере, на первом этапе войны. Между тем, этот этап — развязывание войны, по сути, и являлся самым важным с политической точки зрения. Ведь в дальнейшем, в ходе боевых действий, США надеялись получить весомые доказательства производства Ираком оружия массового уничтожения, что послужило бы значимым

---

¹ Противостояние в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций // <http://www.inosmi.ru/translation/173690.html/> Оригинал: Stand-off at the Security Council The Financial Times, 14 March 2003

оправданием. Убеждение Блэра в необходимости войны морально и политически усиливало позицию США.

Но, с другой стороны, настойчивость Т.Блэра по вопросу получения мандата ООН оттолкнула от него тех должностных лиц в американской администрации, которые не рассматривали санкцию ООН как одно из условий начала войны и не хотели признавать за Советом Безопасности права остановить их действия. Они уже приняли решение о начале войны, а все попытки получить мандат только откладывали начало военных действий и увеличивали недовольство мирового сообщества. Фактически, они рассуждали так: «Раньше начнем – раньше закончим». И, в конце концов, 11 марта министр обороны США Дональд Рамсфелд заявил, что Америка может начать войну и без Соединенного Королевства.

Подобные настроения в администрации Буша только усилились, когда Т.Блэр заявил, что ООН должна играть важную роль в послевоенном переустройстве Ирака. Эта риторика премьер-министра была обращена и к британским кругам, выступавшим за получение мандата Совета Безопасности, и, конечно же, к Франции и Германии.

27 марта 2003 г. в резиденции президента США в Кэмп-Дэвиде состоялась встреча Джорджа Буша и Тони Блэра. Стороны выразили готовность продолжать войну в Ираке до победы. Между тем, точки зрения двух лидеров разошлись по вопросу о роли ООН в послевоенном управлении и восстановлении в Ираке. Британский премьер-министр выступил за сотрудничество Великобритании и США с ООН, другими союзниками и партнерами в целях обеспечения территориальной целостности Ирака и скорейшего оказания ему гуманитарной помощи путем принятия новой резолюции СБ ООН. Премьер-министр подчеркнул большую важность участия ООН в решении дел в Ираке после войны и заявил, что Великобритания надеется на создание в Ираке правительства, которое должно быть утверждено ООН. Джордж Буш не высказал никакого мнения по этому вопросу. Однако государственный секретарь США Колин Пауэлл 26 марта на слушаниях в палате представителей заявил, что после свержения Саддама Хусейна США не передадут ООН право контроля над Ираком, до создания нового иракского правительства коалиция во главе с США будет играть там руководящую роль.

«Особые отношения» могут подвергнуться и серьезному пересмотру с британской стороны. Общественное мнение в Соединенном

Королевстве по вопросу войны и необходимости принятия второй резолюции по Ираку было ближе к точке зрения большинства других западноевропейских стран, солидарных с Францией. Такие же взгляды разделяло большинство британской элиты. Поднимались вопросы о том, должно ли Соединенное Королевство связывать свою судьбу со страной, которая стремится к гегемонии, а не к совместным международным действиям.

Еще 10 марта на страницах «Гардиан» Питер Мандельсон заявил: «Это трагедия, что военная акция может быть осуществлена без поддержки ООН... Но будет такой же трагедией, если Америка станет сражаться в одиночку и победа будет на блюдечке преподнесена сторонникам одностороннего подхода в Вашингтоне. Это может иметь куда более широкие и долговременные последствия для будущего мира, чем судьба Саддама Хусейна»¹.

Итак, можно сказать, что для Британии «особые отношения», с одной стороны, стали, по сути, способом сдерживания Соединенных Штатов — позиция, во многом согласующаяся с точкой зрения Жака Ширака, если не в средствах, так в целях. Тони Блэр логически продолжил это направление британской внешней политики, которое существует уже более 50 лет, с тех пор как Соединенное Королевство стало «младшим» партнером США. Участие в войне в Ираке — это та «цена влияния» на Соединенные Штаты, о которой говорилось выше. Чтобы влиять на США, Британии необходимо быть вместе с США. И попытки Блэра добиться санкции ООН также логически вписываются в эту схему, не противоречат ей. Британский премьер-министр до последнего стремился оставить США в рамках международного права, удерживать от самостоятельных действий. И такой взгляд далек от веры в англо-американские ценности, на которой базировалась сама идея «особых отношений». С другой стороны, во время иракского кризиса путь в кильватере американской политики, пусть с небольшими отклонениями от курса, стал для Лондона единственным возможным способом сохранить свое влияние в международных отношениях в этот период.

Иракский кризис: Великобритания и ведущие

---

¹ Mandelson P. The day of reckoning has arrived. The UN must act // <http://www.guardian.co.uk/comment/story/0,3604,910899,00.html> / 10 March 2003

европейские страны

Говоря о линии европейских стран во время кризиса и их влиянии на политику Великобритании, в первую очередь важно рассмотреть позицию Франции, которая взяла на себя роль европейского лидера антивоенной коалиции. В течение 50 лет политика Франция была оппозиционной и биполярному, и однополярному миру. Де Голль желал восстановления статуса великой державы, хотя даже он понимал, что в одиночку Франции не достичь такого положения. Долговременной целью французской внешней политики стало создание сильной Европы, способной играть серьезную роль в мировой политике. В то же время Франция понимала реальную общность интересов с Соединенными Штатами. Таким образом, для французов вопрос заключался в следующем — будут ли США доминировать в разделенной Европе или появится объединенная европейская держава. Во время иракского кризиса Франция и США так и не смогли найти компромисса. Дискуссия, которая началась с различных точек зрения по вопросу, что делать с Ираком, привела к гораздо более серьезному результату: Жак Ширак фактически стал лидером коалиции, политически и дипломатически противостоящей Соединенным Штатам. Администрация Буша рассматривала это как дипломатическую войну.

Эта «война» велась Францией также и против Великобритании. Жак Ширак не без основания считал, что иракский кризис — определяющий момент для Европы, что Европа должна говорить единым голосом и что Франция выражает европейские интересы. Великобритания в его понимании встала на пути европейского единения. Т.Блэр участвовал в обращении восьми европейских лидеров от 30 января 2003 г., в котором они выражали поддержку позиции США по Ираку. Письмо, помимо Великобритании, подписали Испания, Италия, Португалия и Дания, а также Чехия, Венгрия и Польша. Как отмечала «Таймс», Франции и Германии «нанесли оскорбление» — им даже не предложили подписать послание. Письмо вызвало недовольство не только Франции и Германии, но и других европейских стран. Голландия, которая обычно занимает проамериканскую позицию, подписать письмо отказалась — премьер-министр Ян-Петер Балкененде посчитал, что оно «вбивает клин в европейское единство». Свою негативную оценку «письма восьми» выразила Греция. Между тем, представитель Франции отметил, что письмо подписали только восемь из 25 стран ЕС и стран —

кандидатов на вступление в ЕС, а это меньше одной трети. Письмо вряд ли стало дипломатической победой Буша и Блэра, оно только ярче высветило разногласия по проблеме Ирака. По мнению «Таймс», это письмо представляет собой «хорошо просчитанный грубый отказ», адресованный германскому канцлеру Герхарду Шрёдеру и французскому президенту Жаку Шираку. Стоит сказать, что это письмо появилось через неделю после того, как министр обороны США Дональд Рамсфельд выступил с заявлением о «старой Европе», к которой, по его мнению, относились Франция и Германия, и о том, что истинный центр гравитации Европы, входящей в состав НАТО, смещается на Восток. Жаку Шираку пришлось даже успокаивать французских политиков, среди которых наметился всплеск антиамериканских настроений. Пресс-секретарь Елисейского дворца Катрин Колонна передала пожелание главы республики политикам: «Президент напоминает, что полемика по Ираку должна проходить в серьезной и спокойной обстановке»; «Любые споры по этому вопросу недопустимы, и президент надеется, что каждый осознает это»¹. Ширак и Шрёдер расценили обращение восьми лидеров как атаку против своих стран.

Со своей стороны, Лондон чувствовал, что Жак Ширак пытается дестабилизировать положение Блэра. Как уже отмечалось, британский премьер открыто критиковал Францию в палате общин. В ведущих изданиях Соединенного Королевства отмечалось, что отношения между Великобританией и Францией не были столь плохими с 1963 г., когда де Голль наложил вето на прием Великобритании в Общий рынок². Правительство Соединенного Королевства считало, что, несмотря на то, что Франция в ноябре 2002 г. подписала резолюцию № 1441 по Ираку, все французские действия с той поры были направлены на срыв попыток оказать давление на Ирак³. Британское правительство выражало недовольство и позицией германского канцлера Герхарда Шрёдера, указывая на неуместный, по мнению Уайтхолла, пацифизм Германии. 18 марта в палате общин британский премьер-министр осудил Францию, которая мешала принятию второй резолюции по Ираку. Но между тем, как

---

¹ Frade C. La respuesta de Francia a Estados Unidos: «Merde» // <http://www.elmundo.es/papel/2003/01/24/mundo/1320198.html>/ 24 January 2003

² Henley J., Walsh N., MacAskill E., White M. Ministers declare open season on French // <http://www.guardian.co.uk/guardianpolitics/story/0,3605,913082,00.html>/ 13 March 2003

³ Henley J., Walsh N., MacAskill E., White M. Ministers declare open season on French // <http://www.guardian.co.uk/guardianpolitics/story/0,3605,913082,00.html>/ 13 March 2003

отмечалось выше, Тони Блэр до последнего пытался найти компромисс, удержаться между двумя берегами Атлантики и договориться с Францией и Германией. На это, в частности, были направлены его усилия добиться резолюции ООН, не столь уж необходимой Соединенным Штатам. И он долго воздерживался от критики в адрес ведущих европейских держав, в то время как американские издания писали, что президент Франции Жак Ширак и его министры обороны и иностранных дел используют иракский кризис, чтобы подорвать НАТО изнутри, чтобы заставить страны Центральной и Восточной Европы предпочесть французско-немецкое влияние американскому¹.

Иракский кризис привел к временному прекращению англо-французско-германского диалога. Жак Ширак воспользовался ситуацией, чтобы снизить влияние Великобритании в ЕС. В конце апреля 2003 г. состоялся Брюссельский саммит, посвященный вопросам европейской обороны и в частности созданию структуры, которая со временем могла бы стать основой единых Вооруженных сил ЕС. В нем участвовали главы Франции, Германии, Бельгии и Люксембурга. Британия не попала в список приглашенных. Это выглядело как маневр возглавляемой Францией «Старой Европы», нацеленный на изоляцию «проатлантической оси» во главе с Великобританией и Испанией. На саммите была согласована позиция по вопросу создания единого центра военного планирования, который предполагалось разместить в Тревурене в Бельгии.

Между тем, уже в сентябре 2003 г. состоялся берлинский саммит, в котором участвовали Великобритания, Франция и Германия. Он был призван сгладить серьезный урон, нанесенный иракским кризисом отношениям между тремя самыми влиятельными странами Европейского Союза. На пресс-конференции по итогам трехсторонней встречи в Берлине Г.Шрёдер сообщил, что, по мнению лидеров трех стран, «ЕС должен иметь способность к планированию и руководству военными действиями независимо от НАТО». Вместе с тем, лидеры «большой европейской тройки» вновь подтвердили, что наращивание самостоятельной оборонной мощи ЕС не противоречит НАТО. Они также согласились с тем, что некоторые страны в будущем могут создать

---

¹ Socor V. The Games France, Russia and Germany Play// <http://online.wsj.com/article/0,,SB1046992095979727560,00.html?mod=opinion%5Fеurope%5Ffeatured%5Fstories%5Fhs> / Оригинал -The Wall Street Journal, 7 March 2003

«авангардную группу», которая предпримет меры к усилению обороны ЕС. Заявление Шрёдера, из которого следовало, что Тони Блэр поддержал предложение четырех стран – участниц апрельского саммита в Брюсселе о создании единого европейского центра военного планирования, отдельного от НАТО, было достаточно неожиданным¹.

Было сделано заявление и по вопросам будущего Ирака. По общему мнению лидеров трех стран, иракское население должно быть как можно скорее восстановлено в суверенных правах, но насчет того, как достичь этой цели и насколько быстро это можно сделать, предстоит дальнейшее обсуждение. Заслуживает внимания и то, что по сравнению с прежними высказываниями в выступлениях лидеров ФРГ и Франции наметились изменения. Ж.Ширак даже заявил, что «в позициях ФРГ и Франции, США и Великобритании нет коренного различия», существуют лишь «незначительные разногласия» в отношении «графика» и «способов действия». Однако Франция и ФРГ по-прежнему настаивали на центральной роли ООН в восстановлении Ирака. Впрочем, за сотрудничество с ООН высказывался и Блэр во время встречи с Джорджем Бушем в Кэмп-Дэвиде.

Кроме того, на берлинской встрече Великобритания поддержала план инвестиций в транспорт, телекоммуникации, научные исследования и охрану окружающей среды с целью стимулирования развития европейской экономики, предложенный ФРГ и Францией. Предложение вызывало споры в связи с тем, что бюджетный дефицит трех стран уже превысил уровень, установленный ЕС. Поддержка со стороны Великобритании увеличила возможности воплощения этого плана в жизнь.

Шаг навстречу друг другу был сделан. Но, вместе с тем, Великобритания не отказалась от своей позиции по вопросу лидирующей роли НАТО в европейской безопасности. Блэр остался на позициях, зафиксированных в Сен-Мало, – планы европейской обороны не должны подрывать НАТО и быть полностью неза-висимыми от Североатлантического альянса. Документально свою позицию Британия отразила в «Белой книге». Лондон выступил против статей проекта европейской конституции, обязывающих страны ЕС оказывать «военную и другую помощь» любому члену Евросоюза, принявшему общую для всех

---

¹ Шашков В. Страсти вокруг штаба // http://www.eur.ru/em/38/eu34_06.htm
/Европа, №34 декабрь 2003

политику обороны. Великобритания уверена, что эти пункты противоречат пятой статье договора НАТО и могут нанести ущерб трансатлантическим связям ЕС и США. Кроме того, Лондон отказался от проведения согласованной политики в сфере налогообложения и настаивал на том, чтобы из Конституции ЕС было убрано положение об учреждении должности генерального прокурора Евросоюза. Британцы не захотели уступать часть своего суверенитета общеевропейским структурам.

Таким образом, Великобритания осталась верна себе. Соглашаясь по отдельным пунктам с Францией и Германией, Соединенное Королевство все равно действует с оглядкой на трансатлантические связи с США. И хотя диалог, прерванный иракским кризисом, восстановлен, существующие расхождения в точках зрения Блэра, с одной стороны, и Ширака и Шрёдера — с другой, продолжают сохраняться. Эти противоречия предстоит сглаживать, так как в долговременном плане ЕС может играть значительную роль в международных отношениях, только имея в своих рядах Соединенное Королевство.

Война в Ираке: Итоги

Последствия иракской войны во многом определяют внешнюю политику Великобритании и других европейских стран. И многое здесь будет зависеть от внешнеполитического курса Соединенных Штатов. Будет ли Америка действовать в рамках международной системы или, оставив ООН функцию совещательного органа, игнорируя ее решения и превращая таким образом в аналог Лиги Наций, станет проводить свою собственную политику. От этого во многом зависит степень лояльности Европы Америке.

Превосходство США значительно, и не только в военном отношении. По разные стороны Атлантики меньше согласия по вопросу сущности угроз, а в Европе меньше веры в бескорыстность американской политики. Альянс на основе общих ценностей и стремлений превращается в коалицию государств, не каждое из которых готово разделять взгляды другого. Влияние на США в европейских странах понимают по-разному. Великобритания пытается делать это с помощью тесного союза, Франция порой становится на путь конфронтации. И впервые против политики США подняла голос Германия.

«Большая стратегия» Тони Блэра, заявленная в 1997 г., была призвана найти баланс во взаимоотношениях Великобритании с США и Европой. Соединенное Королевство, согласно ей, должно было стать бесспорной частью Евросоюза. Во время дискуссий по вопросу Косово, британский премьер-министр действовал как лидер трансатлантического масштаба. Сен-Мало озаменовал сближение ведущих европейских держав. Поставленная цель — Великобритания должна стать «мостом» через Атлантику, казалось, была достижима. Проверкой для внешнеполитического курса «новых лейбористов», или, если быть точным, курса Тони Блэра, стал иракский кризис. И причем можно утверждать, что первой серьезной проверки эта политика не выдержала. Во многом не по вине британского премьер-министра, а жестких на тот момент позиций США и Франции.

Тони Блэр стал заложником собственного курса, призванного связать две стороны Атлантики. Его позиция по вопросу Ирака и вступление Британии в войну, если не разрушили, то на время приостановили процессы сближения с Европой и, в частности, с Францией. Хотя британский премьер-министр пытался сгладить разрыв, стараясь склонить на свою сторону Совет Безопасности, и все-таки получить мандат ООН на интервенцию. Но, с другой стороны, попытки Блэра придавали больший вес Совету Безопасности и необходимости получения мандата ООН и с этой точки зрения никак не устраивали США, которые считали, что вполне достаточно уже принятой резолюции № 1441. В результате администрация Буша не воспринимала Великобританию как безоговорочного союзника, готовясь начать войну в одиночку, во всяком случае, на словах.

«Мост через Атлантику» не только не выстоял, под угрозой оказалось политическое будущее Тони Блэра в связи с обвинениями в фальсификации данных о наличии в Ираке оружия массового поражения и загадочной смертью эксперта по вооружениям британского правительства Дэвида Келли. Корпорация «Би-би-си» признала, что он действительно был ее основным источником в деле о фальсификации разведданных. Как показали социологические опросы, проведенные летом 2003 г., 39% англичан считали, что Блэр должен уйти в отставку. Кроме того, по мнению исследователя А.А.Громыко, оказалась подорванной «с

большим трудом заработанная Блэром репутация политика общеевропейского масштаба»¹.

Есть еще один аспект, который определял политику Великобритании во время иракского кризиса. Это тот характерный феномен современной западной политики, который весьма ярко представляют «новые лейбористы»: приверженцы гуманистических идеалов становятся инициаторами силового решения проблем, причем зачастую вне рамок международного права. Пример из недалекого прошлого — Косовская операция. И с этой точки зрения, политика Блэра была последовательной. Но проблема Косово была европейской — и географически, и политически. По этой и другим причинам страны ЕС выступили тогда более единодушно и решали проблему силами НАТО. Ирак далек от Европы, и в европейских странах открыто обсуждался вопрос об истинных целях иници-ируванной Соединенными Штатами войны — контроле над иракской нефтью.

Не раз исследователи ставили вопрос — с кем будет Великобритания? Станет ли она безоговорочно «европейской» страной или ее внешнюю политику будут определять «особые отношения» в рамках англосаксонского мира? Иракская война показала, что Британия так и не сделала выбор в пользу одной из сторон Атлантики, принципиально не определила свою принадлежность, то, что Джон Ховорт назвал приоритетами действия и участия². Они связаны с практическими решениями, с факторами времени и средств и неизбежно имеют конкретное выражение. В ситуации с Ираком Британия с практической точки зрения была с Америкой, а с политической, учитывая попытки добиться принятия резолюции ООН и заявления о роли этой организации в послевоенном устройстве Ирака, — с Европой. В результате сложилась ситуация, когда ни европейские страны, ни США не могут считать Соединенное Королевство безоговорочным, на сто процентов лояльным союзником.

И Великобритания не стремится делать выбор в пользу одной из сторон. Сейчас, когда возобновился англо-французский диалог, она по-прежнему продолжает искать компромиссы. Соединенное Королевство

---

¹ Громыко А.А. Внешняя и оборонная политика Великобритании в свете иракского кризиса // Европейская безопасность: События, оценки, прогнозы / РАН. ИНИОН. — М., 2003. — Вып. 9. — С.16.

² Howart J. Britain, NATO and CEDSP: fixed strategy, changed tactics // *Europ. foreign affairs rev.* — L., 2000. — Vol. 5 — P.393.

играет в «свою игру» и сохраняет двойственную принадлежность. Кризис не заставил Лондон отступить от принятого курса — быть связующим звеном трансатлантических отношений между Европой и Америкой.

Список литературы

1. Блэр: «Аль-Каида» ударит по Британии // http://news.bbc.co.uk/hi/russian/uk/newsid_2679000/2679701.stm/ 21 января 2003.
2. Болтански К. Британский министр Клер Шорт, выступавшая против войны, ушла в отставку // <http://www.inopressa.ru/press.html?press=42/>
3. Громыко А.А. Внешняя и оборонная политика Великобритании в свете иракского кризиса // Европейская безопасность: События, оценки, прогнозы / РАН. ИНИОН. – М., 2003. – Вып.9. – С.15–16.
4. Закин С. Британия продолжает думать об Ираке // http://news.bbc.co.uk/hi/russian/press/newsid_2224000/2224798.stm/ 29 August 2002.
5. Климентов Д. Великобритания пойдет на компромисс?// http://www.konflikt.ru/index.php?top=2&status=show1news&news_id=5897&searchword=/ 12 марта 2003.
6. Перегудов С.П. Тони Блэр / РАН. ИНИОН. – М., 2000.
7. Противостояние в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций // <http://www.inosmi.ru/translation/173690.html/> Оригинал: Stand-off at the Security Council The Financial Times, 14 March 2003.
8. Современная Великобритания: Реф. сб./ РАН. ИНИОН. – М., 2002.
9. Пашков В. Страсти вокруг штаба // http://www.eur.ru/em/38/eu34_06.htm /Европа, №34, декабрь 2003.
10. Cook R. Why I had to leave the cabinet // <http://www.guardian.co.uk/comment/story/0,3604,916318,00.html/> 18 March 2003.
11. Frade C. La respuesta de Francia a Estados Unidos: «Merde»// <http://www.elmundo.es/papel/2003/01/24/mundo/1320198.html/> 24 January 2003.
12. Henley J., Walsh N., MacAskill E., White M. Ministers declare open season on French // <http://www.guardian.co.uk/guardianpolitics/story/0,3605,913082,00.html/> 13 March 2003.
13. Howort J. Britain, NATO and CEDSP: fixed strategy, changed tactics // Europ. foreign affairs rev. – L., 2000. – Vol. 5 – P.377–396.
14. Kramer S. Blair's Britain after Iraq // Foreign affairs. – L., 2003. – Vol. 82, № 4. – P.91–104.
15. Lambert R. Misunderstanding each other//Foreign affairs. – L., 2003. – Vol. 82, № 2. – P.62–72.
16. Mandelson P. The day of reckoning has arrived. The UN must act // <http://www.guardian.co.uk/comment/story/0,3604,910899,00.html/> 10 March 2003.
17. Socor V. The Games France, Russia and Germany Play// <http://online.wsj.com/article/0,,SB1046992095979727560,00.html?mod=opinion%5Fеurope%5Ffeatured%5Fstories%5Ffs> / Оригинал – The Wall Street Journal, 7 March 2003.

18. Stevenson J. How Europe and America defend themselves // Foreign affairs. – L., 2003. – Vol. 82, № 2. – P.75–90.
19. Wallander C. NATO's price: shape up or shape out // Foreign affairs. – L., 2003. – Vol. 81, № 6. – P.2–8.
20. Watt N., Aglionby J., Norton-Taylor R. Blair losing influence on US over Iraq//http://www.guardian.co.uk/uk_news/story/0,3604,783244,00.html/ 30 August 2002.

О.В. Кузин

СОВРЕМЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ (Реферативный обзор)

1. GUENIFFEY P. *Généalogie du terrorisme contemporain* // *Débat.* – P., 2003. – N. 126. – P.157–173.
2. BEHNAM D. *The Eastern perception of the West* // *Globalization and civilizations.* – L.; N.Y., 2002. – P.178–197.
3. INGLEHART R.F., NORRIS P. *Le véritable choc des civilisations* // *Débat.* – P., 2003. – N. 126. – P.76–84.
4. ОНИЛ Дж.Р., РАССЕТ Б. Подтверждает ли «война против терроризма» тезис о «столкновении цивилизаций»? // *Европа = Europa.* – Warszawa, 2002. – Т. 2, N. 4. – S.19–58.
5. FOX J. *Are religious minorities more militant than other ethnic minorities?* // *Alternatives.* – New Delhi, 2003. – Vol. 28, N. 1. – P.91–114.

Французский историк Генифе¹ (1) объясняет возникновение и специфику современного терроризма (СТ) особенностями вхождения мусульманского мира в современный цивилизационный процесс и указывает на прототипы в европейских революциях Нового времени.

Для Генифе СТ – политическая стратегия, использующая насилие, чтобы посеять страх «во имя достижения целей, которых террорист считает невозможным достичь другими способами» (1, с.159). От

---

¹ Патрис Генифе – историк Французской революции, автор монографии о революционном терроре (Gueniffey P. *La politique de la Terreur: Essai sur la violence révolutionnaire, 1789–1794.* P.: Fayard, 2000). Здесь и далее приводится по реф. источнику (1, с.157). Есть русский перевод: Генифе П. *Политика революционного террора 1789–1794.* М.: УРСС, 2003. – Прим. реф.

других видов политического насилия, например убийства государственного или общественного деятеля, СТ отличается видимой неразборчивостью и отсутствием логики в выборе жертв. Это — «царство всеобщего и беспредельного произвола, когда все могут стать жертвами», а для вынесения приговора не требуются «ни мотивы, ни доказательства вины» (1, с.160).

Не случайно жертвами нападения исламских террористов 11 сентября 2001 г. стало немало мусульман. СТ — это «слепое насилие» (1, с.160), и в такой неразборчивости заключена его логика. Рациональность терактов не зависит ни от реальных последствий, ни от цены, которую приходится платить. Главное то, что остается за кадром теракта. Важны не сами по себе страдание и смерть жертвы, а впечатление, которое они производят на общество.

Теракт для СТ — это «послание», адресованное обществу, избранному объектом воздействия, и потому СТ немислим без содействия СМИ, представляя в известной мере продукт технического прогресса в сфере массовой коммуникации. Именно современные СМИ усилили эффективность террора, и «формирование глобального информационного общества сыграло существенную роль в нынешней радикализации террористического насилия» (1, с.159). Современные СМИ создают необходимый элемент наглядности, заставляют переживать страдания жертв террора как личную и, в конечном счете, общую трагедию. Повинуясь собственной логике и преследуя собственные корпоративные цели, СМИ становятся как бы соучастниками террористов, «по меньшей мере, можно говорить о совпадении интересов» (1, с.159).

Не стоит смешивать СТ с чрезвычайными мерами властей, когда они действуют на основании принципа римского права «необходимость выше закона»¹ («la nécessité ignore la loi»). Даже если эти меры носят репрессивный характер, их цель — предупреждение хаоса в обществе, тогда как именно его добиваются террористы. Чрезвычайные меры направлены против определенных действий, тогда как СТ «поражает людей независимо от их поступков и мнений» (1, с.160).

Но есть исторический аспект, в котором СТ выступает «простой разновидностью государственного терроризма», когда тот оборачивается

---

¹ Генифе очевидно имеет в виду принцип «salus populi suprema lex», которым якобинцы оправдывали террористические меры. — Прим. реф.

против общества в целях его полного подчинения. Тогда целью становится «атомизация общества», разрушение социальных связей, превращающее его в «состояние стада». Из-за повального характера политических репрессий — аналогично неразборчивости современных террористов в выборе жертв — «каждый постоянно чувствует угрозу над собой», не зная, в чем состоит его вина и чем определяется его судьба. Именно такой страх лучше всего «парализует всякую волю» и лишает людей способности сопротивляться (1, с.160).

Существует сходство между СТ и гражданскими войнами или «тотальной войной» XX в., поскольку в этих случаях, в отличие от обычных войн между государствами, нет моральных ограничений в выборе средств борьбы. Вместе с тем современных террористов нельзя считать ни «воинами» («combattants»), ни «бойцами Сопротивления» («résistants»). Показательно отличие между французским Сопротивлением во время Второй мировой войны и некоторыми действиями ФНО в Алжирской войне. В первом случае гибель невинных во время диверсий против вермахта и коллаборационистов становилась несчастным случаем, даже если партизанское командование допускало заранее такую возможность. Напротив, ФНО Алжира осуществил в 1956—1957 гг. серию взрывов в общественных местах, направленную специально против невинных, а 30 мая 1957 г. вырезал целую кабилскую деревню с 315 жителями только за то, что там поддерживали соперников ФНО — «Алжирское национальное движение». В одном случае целью было «терроризировать французскую общину, чтобы заставить ее покинуть страну», а в другом — «терроризировать алжирское население, чтобы заставить его принять единоличное руководство ФНО» (1, с.161).

Представляет ли СТ «гипертерроризм»? Нет. Террор национально-освободительных движений приносил им победу только при «политической и моральной слабости противника». Политическая неэффективность терроризма становится очевидной, «когда он сталкивается с решительным противником и не находит поддержки в обществе за исключением небольшой его части» — так было во время выступлений крайне правых и крайне левых в Западной Европе в 1970—1980 гг. (1, с.162).

За СТ нет мощной организации. «Террористический интернационал представляет множество мелких групп без тесной связи и централизованного руководства». «Аль-Каида» играет роль «банкира

терроризма», но не штаба. Подобно антиглобалистскому движению, СТ — «чистый продукт Интернета»: веб-сайты, мобильные телефоны и электронная почта обеспечивают этим группам высокую мобилизационную способность, но не компенсируют их слабость. Показательно, что при очевидном «желании причинить максимально возможные разрушения» и «революции» в техническом оснащении терроризма, жертв оказывается не так уж много. Ни в какое сравнение с настоящей войной, например со Сталинградской битвой, действия современных террористов не идут. Сила СТ не в его собственной мощи, а в присущей современному демократическому обществу «гиперреакции» на насилие и жертвы. Без подобного контекста СТ был бы немислим, поэтому и следует считать его явлением «модерности», «составной частью современного мира» (1, с.163).

Захватив врасплох современные демократические общества, внеся законы войны в среду, где о войне оставались лишь воспоминания, СТ побуждает европейцев обратиться к своему военному опыту, а это лишает террористов шансов на победу. Военная память демократических обществ воскрешает не героизм (после 1914 г. его не было), а скорее фатализм¹. Теракты 1995 г. в Париже² потрясли французское общество, однако каждый продолжал заниматься привычным делом, представляя возможную гибель подобно несчастному случаю и не считая себя обреченным. Профсоюзы даже провели массовую забастовку, и, хотя это никак не вязалось с национальными интересами, сам факт стал обнаде-живающим. «То, что жизнь продолжала идти своим обычным — французским — путем, знаменовало поражение убийц» (1, с.164).

Начало СТ Генифе датирует акциями палестинских органи-заций в 1968–1972 гг. (нападение на израильских спортсменов во время Мюнхенской Олимпиады, затем на аэропорт в Израиле и захват самолетов) и связывает с поворотом в «холодной войне», вызванным ослаблением СССР, утратой его способности контро-лировать деятельность террористических организаций, которую он

---

¹ В качестве образца Генифе предлагает описание Л.Н.Толстым состояния Андрея Болконского на Бородинском поле (1, с.163–164).

² Серия взрывов была осуществлена летом 1995 г. алжирскими исламистами в знак протеста против поддержки Францией военного режима, аннулировавшего результаты выборов, на которых они одержали победу. От самого серьезного тогда теракта на станции метро «Сен-Мишель» (в Латинском квартале) погибли 8 и были ранены 150 человек. — Прим. реф.

противопоставлял Западу. Роль советских спецслужб перешла к Сирии и Ливии, затем Ирану, а с окончанием «холодной войны» в 1989 г. «терроризм освободился от всякой государственной опеки». Окончание подобного «спонсорства» знаменовало и утрату той рациональности, которую придавали ему государственные интересы (1, с.165).

Дополнительным фактором эскалации СТ явилась замена секулярных идеологий «псевдорелигиозными». Это не использование политических средств ради утверждения религиозного превосходства, а использование религии ради политических целей. Тем не менее, обращение к религии стало важнейшей предпосылкой радикализации терроризма. «Для того, кто обращается к религии, насилие превращается в священную заповедь, которая освобождает от всяких запретов, связанных с моралью или политической рациональностью»; все средства становятся хороши, раз целью оказывается достижение Абсолюта (1, с.165).

Особенно опасно обращение к такой религии, как ислам. Ни «Аум-Синрёке», ни разлиты, ни им подобные не могут рассчитывать на такое число последователей, как мусульманские террористы. При всей очевидности манипулирования с каноническим учением, нельзя полностью отрицать значение некоторых особенностей ислама, которые использует СТ. Это и ранняя история распространения ислама, неотделимая от завоевательных войн, и яростное отстаивание исламом своего превосходства и универсальности, в котором фундаменталисты черпают поддержку для «объявления войны западному миру», и постулат о возможности непосредственного общения верующего с Аллахом, который открывает дорогу самозванным толкователям Корана вроде того же Бен Ладена (1, с.166).

И все-таки СТ — это «не возвращение к истокам, не странное возрождение VII в. на рубеже XX и XXI вв., но пример современной революционной идеологии» (1, с.166). Как и весь «тьермондизм» с его «демократическим дискурсом» (критика социального неравенства в современном мире), исламский радикализм представляет перемещение западной революционности на Восток по мере его втягивания в современный цивилизационный процесс. Это «отнюдь не авангард революции, собирающийся возродить старинный халифат и распространить его на весь мир, а арьергард отступающей армии, стремящийся отсрочить наступление перемен, неизбежность которых он ощущает» (1, с.166).

Генератором СТ стала не религия ислама, а его история, сделавшаяся историей упадка и неудач в последние два века; современный исламский радикализм — новое выражение чувств «досады и унижения» (1, с.166), которые она вызывает. СТ свидетельствует не о силе, а о слабости мусульманского мира и прежде всего об отсутствии внутреннего единства. Вопреки С.Хантингтону и другим сторонникам концепции «столкновения цивилизаций», этот мир далеко не однороден. В нем происходит активное становление современных наций, и тунисцы, египтяне или сирийцы чувствуют себя в первую очередь представителями своих стран, а не мира ислама. Идея мусульманского единства вполне выявила свою утопичность во время вторжений США в Афганистан и Ирак. Исламская революция в Иране спустя два десятилетия «вступила в свой термидор» (1, с.168), и ее правители руководствуются не религиозными общеисламскими интересами, а стремлением утвердить политическую гегемонию в региональном масштабе. Чтобы вступить в глобальное столкновение с Западом, «Аль-Каиде» нужно прежде сокрушить правящие режимы мусульманского мира. Вполне очевидно, что и здесь религия разошлась с политикой, а это очевидный признак торжества цивилизационных установок, сформировавшихся на Западе.

Однако из того, что религиозная эсхатология исчерпала себя в современном мире, нельзя делать вывод о скором изживании СТ. Напротив, «именно из-за его глубоко современного характера возникает тенденция превращения этого насилия в постоянное явление» (1, с.168). Антизападная идеология совмещается у терро-ристов с западной культурой. Это «странная смесь Мухаммада и Хайдеггера», заповеди становятся обоснованием «радикального индивидуализма, очень далекого от Корана» (1, с.169). Обретая священный ореол мучеников после смерти, террористы пользуются всеми благами земной жизни. СТ — это «образ жизни», полной азарта приключений и наслаждения роскошью. Подобно другим современным сектам, мусульманский радикализм образует «общину избранных» (1, с.171).

Не случайно террористы вербуются из средних слоев богатых стран Ближнего Востока, среди людей, далеких от традиции и очень хорошо знакомых с западной культурой. Прототипом можно считать казненного в 1966 г. лидера «Братьев-мусульман» Саида Кутба, который вынес идеи антизападной революции во время своего пребывания в США в 1949—1951 гг. Теперь по этому пути идут представители мусульманской

диаспоры в таких странах, как Франция, и это заставляет поставить вопрос об опасности политики «мультикультурализма», которую два десятилетия проводят французские власти. Нужно освободить мигрантов из «того заключения, в котором они оказываются в силу происхождения и культурных особенностей», и дать «по крайней мере некоторым все шансы на успешную ассимиляцию». Иначе стране угрожает новое нашествие варваров, «но не с Севера и не с Черного моря; эти современные гунны, вандалы и готы живут среди нас» (1, с.170–171).

Поощрение исламизма стало общеевропейской болезнью, и, прежде всего, это касается Великобритании, ибо Лондон сделался настоящим «святилищем мусульманского экстремизма» (1, с.170). Объясняется подобная политика попустительства отчасти тем, что СТ напоминает европейцам явления их истории. В новой форме он возрождает в современном мире ту революционную страсть, которая сотрясала Запад в Новое время. Террористами руководит та же идея «сражения за счастье угнетенного человечества», которая оправдывала все жертвы, побуждала к самопожертвованию и делала революционера орудием Провидения. «Страсть к уничтожению», к превращению мира в «выжженную землю» для построения нового порядка – вот что сближает современных террористов с революционерами прошлого. «От Робеспьера до Бен Ладена это все тот же клич: “Да здравствует смерть!”». И точно так же это доказательство, что «современный мир проникает повсюду» (1, с.172–173).

Возникновение нового «восточного вопроса» не опровергает концепцию Фукуямы о неизбежности превращения демократии в универсальное явление. Напротив, именно «подрывная работа современного мира в обветшавшем здании Востока является источником переживаемой трагедии». Сколько она будет продолжаться, предсказать невозможно. Если поворот к демократии и стабильности в целом необратим, в среднесрочной и краткосрочной перспективах возможны попятные движения с увеличением разрыва между «относительно стабильными, процветающими и мирными обществами Запада и его последователями в Азии, с одной стороны, и остальной частью мира, нестабильной, нищей и готовой к насилию – с другой» (1, с.173).

Иранский ученый, работающий после «исламской революции» 1979 г. во Франции, Джамшид Бехнам (2), тоже связывает надежды на

будущее с модернизацией, однако он видит альтернативу в современном цивилизационном процессе: или «глобализация западной модерности» («modernity»), поглощающая культурное многообразие мира, или утверждение различных типов «модерности», позволяющее культурам Востока «найти свое место в процессе глобализации» (2, с.196).

Бехнам подчеркивает, что Фукуяма в концепции всеобщей либерализации мира по образцу западных обществ не учитывает возрастающего сопротивления такому сценарию, примером чего служит развитие Ближнего Востока в конце XX в. Трудности и неудачи развития здесь усугубляют кризис культурной идентичности, вызванный сложными проблемами формирования секулярной государственности, утверждения этических и эстетических ценностей современного гражданского общества.

Наблюдается тенденция к «экстернализации» этих проблем. Источником зла провозглашается Запад, модернизация объявляется «культурным вторжением Запада». На этой почве с 1960-х годов происходит подлинная «демонизация Запада» (2, с.190). Симптоматично название книги иранского литератора Джалала аль-Ахмада «Гхарбзадеги», что можно перевести как «западная отравка». Автор уподобляет западное влияние эпидемии, обвиняет Запад в создании смертельной угрозы для жизни иранцев (2, с.189). Особое неприятие фундаменталистов вызывает демократия, они называют ее «манией числа», «культом большинства» и доказывают несовместимость с исламом, сакральные принципы которого обеспечивают правильное решение всех проблем в общих интересах (2, с.191).

Но преобладание фундаменталистов отнюдь не является абсолютным. Прослеживается сложная динамика. Вестернизаторская политика 50–70-х годов вызвала в Иране широкое движение за возврат к ценностям ислама, а запретительная политика исламских властей страны после 1979 г. обернулась ростом популярности западной культуры. Фундаментализм встречает все большее противодействие. «Постисламские интеллигенты» (2, с.191) доказывают, что Запад нельзя отвергать в целостности, поскольку он представляет многообразное явление. Следовательно, вопрос заключается не в том, чтобы «подчиняться или обличать, а скорее в анализе и проверке» на пригодность для исламского мира того, что приходит с Запада.

«Постисламские интеллигенты» выступают за «культурный обмен и диалог между религиями»¹ (там же).

Характерная особенность иранских «постисламистов» — выступление против совмещения религии с политикой, поскольку это ведет к негативным последствиям для самой религии. Известное размежевание религии и политики отмечается и в Турции, где активизация исламизма и широкие дебаты относительно демократии, культурной идентичности и мусульманской морали свидетельствуют не о торжестве реакции, а об «усилении плюрализма»² (там же).

Проблема культурной идентичности в современном мусульманском мире — насущная реальность, которую усугубляет перспектива эрозии межгосударственных границ и ослабления регулирующей роли национальных государств, однако здесь кроется и серьезная опасность, так как чрезмерное отстаивание культурной идентичности может обернуться изоляционизмом. Между «столкновением культур», которое предвещает Хантингтон, с одной стороны, и их «растущим смешением» — с другой, должен быть найден искомый путь. Возможно, им станет «многоуровневая модерность» как общий, «современный подход» («contemporaneity») каждой культуры к своей собственной традиции³ (2, с.195–196).

Р.Инглхарт⁴ (Мичиганский университет, США) и П.Норрис (Гарвардский университет) (3)⁵ признают универсальность демократизации в современном мире, однако считают, что в мусульманских странах этот глобальный процесс встречает наибольшие трудности. Основанием для их выводов служат материалы международных

---

¹ Soroush A.K. Qui sommes-nous? // EurOrient. 1999. N. 3. (2, с.197).

² Kazancigil A. De la modernisation octroyée par l'Etat // Cemoti. — P., 1990. N. 4 (2, с.197).

³ Al-Jabri M.A. Introduction à la critique de la raison arabe. P.: La Découverte, 1995 (2, с.196).

⁴ Роналд Инглхарт — профессор Мичиганского университета, политолог, виднейший американский специалист в сравнительном изучении политических систем на основании сопоставления культурных ценностей и их изменения. Автор теории «постматериализма». С 1988 г. руководитель международного исследовательского проекта «Всемирные обзоры ценностей». — Прим. реф.

⁵ Перевод из Foreign policy. 2003. N. 135. См. также: Inglehart R.F., Norris P. Rising tide: Gender equality a. cultural change around the world. N.Y.: Cambridge univ. press, 2003. (3, с.76).

обследований реализации демократических ценностей, регулярно проводимых американской общественной организацией «Фридом Хаус».

Две трети из 192 стран мира имеют демократический институт выборов, из 47 стран с мусульманским большинством — лишь четверть (3, с.77). При этом политическая ценность демократии в опросах, как правило, допускается, и цивилизационный разрыв обнаруживается в культурной сфере, особенно в отношении сексуальной либерализации и допущения равенства полов. Можно сказать, «демократию признают на словах» (3, с.79), но нет той терпимости, которая составляет ее основу. Таковы суммарные результаты опросов в 22 странах Западной Европы, Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии (I), с одной стороны, и 11 странах с мусульманским большинством от Албании до Индонезии (II) — с другой.

Важный результат опросов — выявление относительно слабой динамики в отношении к равенству полов в мусульманском мире. Если на Западе терпимость людей, родившихся в 1977–1984 гг., превышает терпимость поколения, родившегося в начале века, почти на 20%, то в мусульманских странах рост не достигает и 10% (3, с.83).

Таблица 1 (3,с.80)*

Сопоставление ценностей в западных (I) и мусульманских (II) странах (%)

	I	II
Функционирование демократии (способность поддержания порядка)	68	68
Идеалы демократии (лучшая форма правления)	86	87
Предпочтительность сильных руководителей	61	61
Допустимость нерелигиозных руководителей	62	39
Равенство полов	82	55
Допустимость разводов	60	35
Допустимость аборт	48	25
Допустимость гомосексуализма	53	12

* По материалам обследований World values survey, 1995–2001 (3, с.83); Freedom in the world: The annual survey of political rights a. civil liberties. N.Y.: Freedom house, 1981–1998 (3, с.81).

Однако есть другие измерения, которые показывают исторический характер демократизации на глубинном культурном уровне. Фиксируется значение для интериоризации демократических ценностей показателей экономического развития (индустриализация) и длительности политической демократии. Например, на самом низком уровне терпимости к равенству полов заодно с Египтом и Иорданией оказываются Армения, Грузия и Белоруссия, тогда как на среднем уровне Турция несколько опережает Россию и Украину (3, с.81)¹.

Исторический характер, напоминают авторы, носила демократизация в отношении равенства полов и на Западе. В большинстве протестантских стран Западной Европы женщины получили право голоса лишь в межвоенный период, а в католических — после Второй мировой войны. Глобальность процесса утверждения политического равноправия полов нельзя отрицать. Если в 1945 г. только 3% парламентариев в мире были женщины, то в 1965 — 8, в 1985 — 12, в 2002 г. — 15% (3, с.84).

Статья американских политологов Дж.Онила и Б.Рассета (4) представляет перевод переработанной главы их книги². Авторы проверяют обоснованность концепции «столкновения цивилизаций» путем логистического регрессионного анализа данных о вооруженных конфликтах за 1950–1992 гг. Участвующие в конфликте пары оцениваются на принадлежность к восьми «цивилизациям», которые указал Хантингтон (западная, мусульманская, славянско-право-славянская, китайская, индуистская, африканская, латиноамериканская, буддистская). «Цивилизационный» критерий сопоставляется с другими факторами, сводимыми в две группы: «реалистические» (наличие общих границ, относительная военная мощь, союзнические отношения) и «либеральные»³ (демократическое устройство, торговые связи, участие в

---

¹ Существуют, очевидно, и традиционные предпосылки, поскольку к уровню Турции приближаются Индонезия и Бангладеш, которые нельзя считать даже «относительно развитыми», а вслед за Западом по показателю терпимости к равенству полов идут, как показывает та же таблица, целым блоком страны Латинской Америки, совместно с Японией, Тайванем, Индией и опережая такие католические страны, как Литва, Венгрия, Хорватия. — Прим. реф.

² Russett B., Oneal J.R. Triangulating peace: Democracy, interdependence a. international organisations. N.Y.: Norton, 2001 (4, с.57).

³ «Реалистические» факторы почерпнуты из «реалистических» теорий международных отношений, источником «либеральных» служит эссе И.Канта 1795 г. о «вечном мире», где философ определял три предпосылки мирных отношений:

международных организациях). Вывод — «любая из “реалистических” или кантовских переменных намного сильнее влияет на развитие межгосударственных конфликтов, чем столкновение цивилизаций» (4, с.40—41).

Не подтверждается и предположение, что межгосударственные конфликты внутри каждой из цивилизаций возникают реже, чем у пар, принадлежащих к разным цивилизациям. Действительно, в анализируемый период Запад и «православная цивилизация» оказались более «мирными»: конфликтность внутри них была соответственно на 74 и 71% ниже, чем для разноцивилизационных пар с идентичными переменными. Однако этим и исчерпывается внутрицивилизационная «миролюбивость», половина цивилизаций «была конфликтнее этой эталонной группы» (т.е. чаще воевали между собой, чем с представителями другой цивилизации), а две «отличались (статистически. — Реф.) выраженной конфликтностью». Это «китайская» и «буддистская» группы стран. Более выраженная склонность к внутрицивилизационному, а не к межцивилизационному, насилию обнаруживается и в мусульманском мире. Если называть, по Хантингтону, «кровавыми» внешние рубежи этого региона, то надо признать, что «кровоточат у него и границы внутренние» (4, с.41—42).

Не срабатывает и тезис Хантингтона о конфликтном противостоянии Запада всему остальному миру. «Столкновение между Западом и исламом на самом деле — пресловутый арабо-израильский конфликт. В случаях других западных стран какой-либо (статистический. — Реф.) эффект отсутствует». Что же касается конфликта Запада с «православной» и «китайской» группами стран, то целесообразнее интерпретировать его как свидетельство «холодной войны». Ни «железный занавес» в Европе, ни «бамбуковый» в Азии не объясняются цивилизационными различиями (4, с.44—45).

Неверно, что после окончания «холодной войны» цивилизационная составляющая конфликтов возрастает. Наоборот, многие межцивилизационные столкновения разрешались и ослабевали, поскольку «у сверхдержав больше не было стимулов вмешиваться в региональные конфликты» (4, с.47).

Хантингтону, заключают Онил и Рассет, надо отдать должное. Указанием на роль проблемы культурной идентичности в международных отношениях он «бросил вызов политикам и ученым, заставив их задуматься» над этим фактором. Но проблема не сводится к социальной психологии, к противостоянию «мы и они». «То, что объединяет нас с другими, не обязательно должно стать угрозой для мирных отношений с теми, кто находится за пределами конкретной группы». Поддержание мирных отношений обуславливается интересами отдельных государств и их руководства, а не верностью многовековым традициям. И для профилактики мирных отношений вовсе не требуется их искоренять. Нужно, в соответствии с кантовской парадигмой «вечного мира», «мирным путем распро-странять демократию, экономическую взаимозависимость и международные политические организации в те части света, где их пока нет» (4, с.52–53).

Но, может быть, вторжение США в Афганистан и подготовка к вторжению в Ирак¹ доказывают что «пророчество» автора концепции «столкновения цивилизаций» сбылось? Нет, «США вторглись в Афганистан не потому, что тот был исламской страной, а потому, что он поддерживал тех, кто напал на США». Мусульманский мир нельзя считать органически не способным следовать кантовской парадигме. «Несмотря на серьезные культурные барьеры... возможен и исламский вариант демократии». Основа авторитаризма здесь — не культурные барьеры, а природные богатства и мощная помощь США (Египет). К тому же «многие исламские страны с авторитарными правительствами... хорошо интегрируются в глобальную экономику» (4, с.54).

Что касается Ирака, то господствовавшую в стране диктатуру нельзя отнести к фундаменталистским, не распространяла она и идеи «исламской теократии». Вторжение в Ирак не обусловлено цивилизационными мотивами, но реакция на него может сделать «столкновение цивилизаций» «самоисполняющимся пророчеством». «Подобная акция США вдали от своих границ с последующей ответной реакцией, вызванной распространением войны против терроризма на исламские государства так называемой оси зла, может стать именно тем, что надеялся спровоцировать Усама бен Ладен» (4, с.55).

Дж.Фокс (5) (Университет Бар-Илана, Израиль) приходит к аналогичному выводу: несмотря на теоретическую неточность концепции

---

¹ Эти строки были написаны до начала иракской войны. — Прим реф.

Хантингтона, «столкновение цивилизаций» может стать «самоисполняющимся пророчеством». Такая эсхатологическая логика особенно характерна для конфликтов, связанных с религией. «Когда люди ожидают конфликта между представителями различных религий, они начинают готовиться к нему и в результате провоцируют его» (5, с.108).

Фокс отмечает, что концепция Хантингтона основана на суммировании отдельных фактов и не имеет систематического обоснования. Не случайно она не подтверждается разнообразными количественными анализами. Автор решает провести проверку методом регрессионного анализа одного из аспектов концепции о связи международной конфликтности с религиозными различиями¹, отмечая, что мнение Хантингтона разделяется в некоторых других концепциях. Различные авторы расходятся в представлении о том, каким образом религиозная идентичность приводит к конфликту — сама по себе, как в традиционалистской («primordial») концепции Хантингтона, при мобилизующей активности политической группы («инструменталистская» концепция), наконец, при специальном формировании такой идентичности для политического выступления («конструктивистская» концепция), — однако обнаруживают некое согласие в подчеркивании опасной роли религиозного фактора. А это убеждение, в свою очередь, является частью общих представлений о религии, связывающих ее влияние с изоля-ционизмом, нетерпимостью, авторитаризмом и, наконец, — с фундаменталистским противодействием «модерности» в Третьем мире (5, с.94–95).

Материалом для анализа служат в основном данные международных обследований о положении меньшинств в различных странах мира (серия «Minorities at risk»), которые проводит общественная организация США «Институт мира» под руководством Теда Герра. Фокс приходит к выводу, что религиозная идентичность не является непосредственной причиной конфликтов, но может служить

---

¹ По мнению Фокса, полемика вокруг «столкновения цивилизаций» выявила полное расхождение по вопросу о том, «цивилизационная, национально-государственная или этническая идентичность становится самым значимым фактором после холодной войны» (5, с.94). Неопределенность выявляется уже у самого автора концепции: полагая в основании чреватой конфликтами цивилизационной идентичности религиозные различия, он выдерживает собственный критерий лишь в определении трех из восьми «цивилизаций» (исламская, буддистская, индуистская). — Прим. реф.

фактором их обострения. Однако здесь нет автоматической связи. Религиозная идентичность может способствовать политической мобилизации в мирных целях, религиозные постулаты могут использоваться в целях легитимации требований этнических меньшинств. Она же может стать основанием для дискриминации со стороны большинства, если оно имеет другую религиозную идентичность. Наконец, не обнаруживается статистическая тенденция к обострению межрелигиозной напряженности в мире.

Собственно фактором конфликтов религиозная идентичность оказывается лишь в двух случаях: когда она соединяется с сепаратизмом, как в Израиле, Шри-Ланке, Кашмире, или становится основанием для интернационализации конфликта, т.е. мобилизационным каналом для вмешательства единомышленников из других стран. Таким образом, решают дело не вопросы идентичности, а политические противоречия, имеющие религиозную составляющую. Хантингтон, считает Фокс, ошибся, трактуя религиозные различия как предпосылку конфликтности в мире. И вообще «базовыми причинами межэтнических конфликтов не являются различия между цивилизациями». Поэтому политические деятели, акцентирующие цивилизационные аспекты этнических конфликтов, «больше способствуют их развязыванию, чем урегулированию ситуации» (5, с.108).

А.В.Гордон

«АЛЬ-КАИДА» И ЕЕ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ (Сводный реферат)

1. STERN J. The Protean enemy // Foreign affairs. — N.Y., 2003. — Vol.82, N 4. — P.27–40.
2. HOFFMAN B. Al Qaeda, trends in terrorism and future potentialities: An assessment // Studies in conflict a. terrorism. — Wash., 2003. — Vol.26, N 6. — P.429–442.
3. JONES D., SMITH M., WEEDING M. Looking for the pattern: Al Qaeda in Southeast Asia — The genealogy of a terror network // Ibid. — P.443–457.

Джессика Стерн (1) (Гарвардская школа проблем управления имени Дж.Кеннеди, США) выносит в название статьи основную черту «Аль-Каиды» — ее изменчивость, подобие Протею. После поражения в Афганистане ее лидеры рассеялись по миру, бежали в Пакистан, Иран, Ирак, но она остается одной из самых серьезных угроз безопасности США, даже усиливает рекрутирование своих сторонников в ответ на войну в Ираке. Среди этих рекрутов стало больше молодежи, женщин, новообращенных в ислам. Способность организации изменяться серьезно осложняет войну с терроризмом.

Автор в течение пяти лет опрашивала террористов и поняла из их ответов, что первоначально провозглашенная цель — улучшить мир — сменяется жадой денег, власти, статуса; терроризм становится просто «профессией».

Можно проследить изменение целей отдельных групп, присоединившихся к «Аль-Каиде». Так, Египетский исламский джихад (ЕИД) сперва ставил задачу превращения своей страны

из светского в исламское государство, но в начале 90-х годов новый лидер Айман аль-Завахири решил заменить «ближнего» врага на «дальнего» — США, Запад, что позволило ЕИД получить щедрые финансовые вливания от Усамы бен Ладена и стать ядром руководства «Аль-Каиды». Исламское движение Узбекистана (ИДУ), провозгласившее задачу свержения президента И.Каримова, после заключения союза с движением «Талибан» восприняло антиамериканские, антизападные идеалы. Даже Усама бен Ладен менял свои цели: его первый призыв к джихаду в 1992 г. предлагал убивать американских солдат в Саудовской Аравии и в странах Африканского Рога, второй (1996) перечислял злодеяния Запада по отношению к мусульманам, третий (1998) — нацеливал его последователей скорее на гражданских лиц, чем на солдат (это привело к отходу части членов «Аль-Каиды»), борьба палестинцев просто упоминалась, и только в четвертом призыве к оружию (7 октября 2001 г. распространен через сеть «Аль-Джазира») подчеркивались израильская оккупация палестинских земель и страдания иракских детей из-за санкций ООН, что находило широкий отклик в исламском мире; тем самым «Бен Ладен стремился представить войну с терроризмом как войну между исламом и Западом» (1, с.29–30). Заявления лидеров «Аль-Каиды» о необходимости борьбы с Западом как борьбы против унижений мусульман Стерн сравнивает со словами Ф.Фанона о «насилии как «очистительной силе», которая освободит угнетенную молодежь от «комплексов неполноценности», «отчаяния», «бездействия», сделав их бесстрашными и восстановив их самоуважение» (1, с.30).

Помимо изменчивости «Аль-Каиду» укрепляет ее готовность к самым различным союзам: в созданный в 1998 г. Бен Ладеном Международный исламский фронт джихада против евреев и крестоносцев (МИФ) вошли ЕИД, «Джамиат-уль-улема-и-ислам» из Пакистана, «Джихад мувмент» из Бангладеш, затем присоединились еще четыре пакистанские организации. Кроме формального союза в рамках МИФ Бен Ладен поддерживает связи со многими группами в Ираке, Европе и Юго-Восточной Азии, финансируя и направляя их действия. «Быть может, наиболее удивительны (и тревожны) растущие свидетельства, что суннитская «Аль-Каида» теперь сотрудничает с «Хизбаллах» — шиитской группой» (1, с.32). Это сотрудничество окрепло после изгнания «Аль-Каиды» с ее баз в Афганистане, их лидеры встречаются в Ливане и Южной Америке — в треугольнике, где сходятся

границы Парагвая, Бразилии и Аргентины, отсюда террористам идут деньги, собранные в США. Администрация Буша утверждает, что «Аль-Каида» сотрудничала и со светским режимом Саддама Хусейна.

Интернет дает огромные возможности пропаганды джихада и виртуальных связей отдельных групп и террористов-одиночек, действующих независимо от известных организаций. Кроме того, МИФ вступает во взаимодействие с криминальными группировками, особенно в Индии (это включает финансирование и подготовку в тренировочных лагерях Афганистана). Саудовские благотворительные фонды пропагандируют радикальный ислам в американских тюрьмах, и новообращенные становятся легкими объектами для рекрутирования в исламские организации.

Если раньше радикалы выбирали своей идеологией анархизм, марксизм или нацизм, то теперь — экстремистский исламизм; «радикальный транснациональный ислам» находит отклик у безработной молодежи в депрессивных районах Европы и США, хотя лидерами радикальных исламских групп обычно становятся представители средних классов (1, с.37–38). С целями «Аль-Каиды» удивительным образом солидаризируются некоторые европейские экстремисты, считающие события 11 сентября «первым ударом в войне против глобализации» (1, с.38).

«Аль-Каида» в последнее время не только вступает в новые союзы, но и обновляет свою тактику: против самолетов используются ракеты «земля—воздух», делаются попытки получить химическое, ядерное или биологическое оружие (автор считает особенно тревожной возможность вербовки ученых, имеющих доступ к соответствующим программам).

В ответ правительства Запада также должны обновлять свои методы борьбы с терроризмом. Так, если США не учтут опыт неудач в Афганистане и Ираке, это пойдет на пользу поддерживающим цели «Аль-Каиды» группам, действующим в последнем и за его пределами. Чтобы лишить террористов поддержки населения, не стоит закрывать рынок США от пакистанского текстиля; вместо призывов закрыть медресе, где проповедуют радикалы, предпочтительнее финансировать светские школы, ибо нередко в первые родители посылают детей из-за неимения средств для вторых. Необходимо исключить доступ террористов к опасному оружию. «Только действенно противостоя радикальным новшествам профессиональных террористов, таких как

«Аль-Каида», и проявив сходную готовность адаптироваться, применять новые методы и новое мышление, США и их союзники обезопасят себя от непрекращающейся угрозы террористических атак (1, с.40).

Б.Хофман (2)¹ (Рэнд корпорейшн, Вашингтон) ставит задачу проследить: а) нынешнее состояние «Аль-Каиды»; б) перспективы развития терроризма в мире после иракской войны; в) как оценивать терроризм сегодня и завтра.

До сих пор (через два с лишним года после событий 11 сентября) не достигнута ясность в понимании феномена «Аль-Каиды». Является ли она монолитной международной террористической организацией с централизованным командованием и контролем или аморфным движением, в котором местные исламисты действуют независимо, хотя и во имя общей цели? Армия ли это или идеология? Межнациональное популистское движение или международное криминальное предприятие? Автор ссылается на противоречивые суждения американской печати. Например, поимка Халида шейха Мухаммада в марте 2003 г. оценивалась то как ликвидация важнейшего звена в сети «Аль-Каиды», то как поимка «маленькой рыбки», поскольку он знал многое лишь о 9 сентября, но не о планах последующих операций «Аль-Каиды», и утратил контакт с Усамой бен Ладеном.

Для последователей и сочувствующих последнему сохранили свою актуальность его фетва в августе 1996 г. «Объявление войны американцам, оккупирующим Землю двух Святых мест», а также его заявления в 2003 г. о «крестоносных военных силах» США и Великобритании, которые, пользуясь плацдармом в Саудовской Аравии, намерены утвердить «новый империализм» на Ближнем и Среднем Востоке, чтобы контролировать нефтяные богатства региона. Пропаганда Усамы бен Ладена широко распространяется через сеть СМИ, включая Интернет. «Если американское военное присутствие в Ираке продлится, а «Аль-Каида» сможет развернуть партизанскую войну против американской армии в Ираке и в регионе, подобная пропаганда весьма вероятно найдет отклик во всем исламском мире и оживит затухающие движения» (2, с.431).

---

¹ Работа была представлена на 3-й ежегодной конференции Рэнд и Женевского центра по проблемам безопасности на тему «Ближний и Средний Восток после Афганистана и Ирака» (май 2003 г., Женева).

Во всех заявлениях Бен Ладена звучит призыв к джихаду как личной обязанности каждого мусульманина, прежде всего молодежи. Этот призыв стал особенно актуален после унижения из-за почти бескровного занятия Багдада; очередное унижение мусульман Западом требует отмщенья. Призыв к мести вкупе с терро-ристическими актами может вдохнуть новую жизнь и в движение «Аль-Каиды».

Оккупация Ирака рисуется исламистскими пропагандистами еще одной возможностью прибегнуть к партизанской борьбе, принесшей победу в Сомали в 1993 г. На веб-сайте в апреле 2003 г. партизанская война прославляется как лучший метод борьбы с крестоносцами, со ссылками на исторический опыт Алжира, Палестины, американцев во Вьетнаме и советских войск в Афганистане. «Признается, что одной из целей атаки Бен Ладена 11 сентября было втягивание США в дорогостоящую наземную кампанию в Афганистане, где американские войска будут разбиты, так же как Красная армия десятилетием раньше, затем Ирак... может дать моджахедам возможность отомстить за ошеломляющее поражение “Талибан” и “Аль-Каиды” в Афганистане год назад. В этой связи то, что США, Запад рассматривают как решительную победу, Бен Ладен и его последователи (хотя и иллюзорно) – только как проигранное сражение в долгой войне» (2, с.433).

Сейчас примерно половина лидеров «Аль-Каиды» убиты или арестованы, что заметно ослабило организацию, но ее жизненно важные центры не затронуты. Даже если будет убит или схвачен Усама бен Ладен, его заменит Айман аль-Завахири из ЕИД, которого нередко называют «мозгом» организации. У Завахири есть и личный мотив для мести: его жена и единственный сын убиты во время американских бомбежек Афганистана в ноябре 2001 г. Сохранились и лидеры среднего звена организации, и несколько тысяч хорошо обученных бойцов, и финансовые поступления. Считается, сам Усама бен Ладен владеет или контролирует свыше 80 компаний по всему миру. «Только в Судане ему принадлежит весь наиболее доходный бизнес, включая строительство, обрабатывающие предприятия, торговлю, финансы» (2, с.434)¹. Ячейки «Аль-Каиды» в разных странах совершенно самодостаточны.

«Аль-Каида», несмотря на все удары последних лет, сохранила способность рекрутировать новых бойцов и вести пропаганду своих

---

¹ Berger P. Holy terror, inc.: Inside the secret world of Osama bin Laden. — N.Y., 2001. — P.47–49. — Описание по реф. источнику.

идеалов, прославлять мучеников джихада. Подобные сайты на арабском языке появляются в Интернете регулярно. Не прекращаются и террористические акты в ряде стран.

Контртеррористические меры совершенствуются, но и «Аль-Каида» постоянно к ним приспосабливается, о чем свидетельствуют, например, ее нападения на мирные объекты в Индонезии или Сингапуре, активная вербовка второго—третьего поколения мусульманской молодежи в Европе. Террористы все время остаются в зеркале СМИ. События последних двух лет в Израиле считаются шаблоном для будущих атак других террористических групп: а) все более широкое применение террористов-самоубийц; б) попытки взорвать газопроводы и газохранилища; в) ракетные атаки против самолетов; г) растущее применение ядов — например, заинтересованность некоторых палестинских групп в химической войне (2, с.438).

Таким образом, нынешняя сила «Аль-Каиды» опирается на ее успех 11 сентября. Война с терроризмом вступила (после победы в Ираке) в третью стадию, в которой все чаще выступают одиночки, не связанные формальными узами с организацией, но вдохновляемые ее идеями. «Усама бен Ладен и “Аль-Каида” оказали сейсмическое воздействие на США и весь мир... Битва продолжается» (там же).

В качестве одного из региональных примеров (3) Д.Джонс и М.Видинг (оба из университета Тасмании, г.Хобарт, Австралия), М.Смит (Лондонский университет) пытаются проследить, как «Аль-Каида» кооптировала в свою сеть исламистские террористические организации Юго-Восточной Азии (ЮВА). До взрыва на острове Бали в октябре 2002 г. правительства стран региона отрицали их существование, ссылаясь на мнение АСЕАН о гармонии и стабильности, царящих в странах — членах Ассоциации. Угроза исламизма, в том числе связи между наиболее воинственной группировкой в ЮВА «Джамаа исламийа» (ДИ) и «Аль-Каидой», игнорировалась.

На самом деле идеология исламистов с 80-х годов была транснациональной. «Нередко забывают, что задолго до окончания советской оккупации Афганистана, где обычно находят первое проявление “исламистского интернационала”, исламисты разрабатывали планы на длительную перспективу и рассматривали свое сопротивление как единую глобальную борьбу, не ограниченную местными, государственными и региональными интересами» (3, с.444).

Корни ДИ можно проследить в этнорелигиозных конфликтах на Филиппинах и в Индонезии. На Филиппинах это было сепаратистское движение мусульман-моро; в 70-е годы появились «Моро национальный фронт освобождения» (МНФО), а также «Моро исламский фронт освобождения» (МИФО). Последний получил финансовую помощь от Усамы бен Ладена уже в 1988 г. На острове Минданао был создан лагерь Абубакар, где члены МИФО, алжирцы, палестинцы обучались афганскими ветеранами. Лагерь был ликвидирован правительственной армией только в 2001 г. По данным филиппинской полиции, исламистские группировки в ЮВА устано-вили связи не только с «Аль-Каидой», но и с «Хизбаллах» (3, с.447)¹. В литературе данные о деятельности последней в ЮВА не считаются вполне доказанными, но, по словам авторов, Усама бен Ладен «более чем готов не придавать значения своему суннитскому происхождению, чтобы сотрудничать с шиитским Ираном во имя дела глобального джихада» (3, с.448).

В Индонезии ДИ ведет происхождение от полувоенной организации «Командо джихад», а также «Кумпулан моджахидин Малайзия» и ячеек в Сингапуре. Связи между ними облегчило падение светского режима Сухарто. В декабре 2000 г. были органи-зованы нападения на христианские церкви. В руинах штаб-квартиры «Аль-Каиды» в Кабуле американцы нашли на видео планы ДИ напасть в Сингапуре на западные посольства и гражданский аэропорт, что позволило провести предварительные аресты в январе 2002 г.; в феврале 2003 г. Департамент общественной безопасности Сингапура получил свидетельства о существовавшей с 1999 г. переписке между местной организацией ДИ и Бен Ладеном; последний выделил 150 тыс. долл. на проведение взрыва на Бали (3, с.451).

Авторы выражают удивление беспечностью органов безо-пасности и полиции стран ЮВА относительно связей ДИ с «Аль-Каидой». Судя по австралийской прессе, соответствующие органы страны даже после взрыва на Бали все еще сомневались в причастности к нему «Аль-Каиды». Подобная беспечность отражала недооценку правительствами угрозы исламского экстремизма в регионе. Правда, после взрыва на Бали началось некоторое сотрудничество служб безопасности в рамках АСЕАН, хотя не все страны участвуют в нем в равной мере. «Например, власти Индонезии продолжают игнорировать явные связи регионального

---

¹ Авторы ссылаются на статью Дж.Стерн (см. выше).

исламизма с “Аль-Каидой”, несмотря на растущие свидетельства противного» (3, с.451).

Авторы призывают понять изменчивый характер «Аль-Каиды», что позволяет ей связывать отдельные исламистские радикальные группы в Индонезии, Малайзии, Сингапуре и на Филиппинах, «финансируя их и подчиняя своим стратегическим целям». Необходимо продолжить первые совместные усилия по борьбе с этой угрозой (3, с.452).

С.И.Кузнецова

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА:
ПОСЛЕВОЕННАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ**
**Economie mondiale: les inconnues de l'après-guerre (Entretien
avec J.Wolfensohn) // Politique intern. – P., 2003. –
N 99. – P.7–18.**

Журнал «Политик интернациональ» публикует интервью 2000 г. журналиста газеты «Трибюн» К.Хэрела с президентом (с 1995 г.) Всемирного банка (ВБ), Дж.Вулфенсоном.

Глава Всемирного банка отмечает, что война в Ираке будет иметь серьезные экономические последствия для всего ближне-восточного региона. Начало военных действий незамедлительно сказалось на экономике Иордании. Потребность этой страны в энергоносителях полностью покрывается за счет импорта иракской нефти, которую она до сих пор получала по сниженным ценам. Импорт нефти по международным ценам потребует от Иордании дополнительно 500 млн. долл. США в год. Кроме этого, Королевство Иордания экспортировало в Ирак ежегодно товаров на сумму, равную 400 млн. долл., еще 150 млн. долл. бюджету страны приносил туризм. В результате начавшейся войны Иордания при ВВП, равном 9 млрд. долл., потеряет 1 млрд. долл. бюджетных денег. В схожей ситуации находится Сирия, хотя экономические позиции этой страны более устойчивы. Для Египта снижение доходов от туризма и навигации в зоне Суэцкого канала приведет к потере 3 млрд. долл. в год.

Достаточно сложными, считает Вулфенсон, будут последствия войны для Турции. Изменение цен на нефть, снижение доходов от туризма, рост числа мигрантов из зоны конфликта, которых, возможно, придется принять этой стране, – вот лишь немногие факторы, которые

определят состояние экономики страны в ближайшем будущем. Ситуация осложняется тем, что Турция недавно пережила тяжелый финансовый кризис и в настоящее время находится в стадии структурной перестройки финансовой системы. В рамках этой перестройки страна является получателем международных кредитов. Но уже сегодня (интервью было опубликовано в весеннем номере журнала) отказ Турции разместить на своей территории американский военный контингент привел к приостановке США программы финансовой помощи этой стране. В перспективе это может негативно сказаться на развитии турецкой экономики, замедлить приток иностранных инвестиций и развитие туризма. Было бы преждевременно утверждать, что Турция находится накануне нового кризиса. Но очевидно, что ситуация, сложившаяся в 2003 г., сложнее той, что была в 2001 г., когда Всемирный банк совместно с турецким правительством определил программу структурных преобразований.

Анализируя возможные последствия войны для мировой экономики, президент ВБ называет такие факторы, как нестабильность цен на нефть, неустойчивость финансовых рынков и снижение доверия инвесторов, которые уже в 2003 г. приведут к снижению темпов роста мировой экономики на полпроцента. «Доверие, – говорит Вулфенсон, – является основным элементом экономического роста. Все предприниматели, с которыми я встречался в последнее время в США и Европе, замораживают свои инвестиционные программы. Это естественная человеческая реакция на непредсказуемую ситуацию» (с.10). Для США фактор доверия имеет особое значение. ВВП этой страны составляет 3000 млрд. долл. в год, в США производится более одной пятой мирового национального продукта. При сохранении экономического роста в США на нижней отметке, это будет иметь негативные последствия для всего мира.

Отвечая на вопрос, не является ли иракский кризис «дымовой завесой», которая скрывает подлинные масштабы экономического кризиса, Вулфенсон выделяет три аспекта кризиса, или три «шока», которые в последнее время нанесли наибольший ущерб мировой экономике. Первый «шок» был вызван экономическим кризисом, который пережила Япония, на протяжении многих лет являвшаяся «главным мотором» экономического роста в Азии. Вторым «шоком» стал финансовый кризис в США. Прежде американские финансовые круги, как считает Вулфенсон, не испытывали подобных потрясений. Отток

капиталов с биржи составил тысячи миллиардов долларов. Сегодня американские предприятия с большим трудом пополняют свои капиталы, несмотря на то, что особую силу американской экономики всегда составляла способность оказывать поддержку своим, особенно технологически передовым предприятиям. Третий «шок» спровоцирован крупномасштабными корпоративными скандалами, которые потрясли целый ряд влиятельнейших американских корпораций («Энрон», «Уордком»). Произошедшие скандалы со всей остротой поставили целый ряд вопросов, в том числе относительно счетов предприятий, их отчетности, предпринимательской этики, самих принципов функционирования крупного бизнеса. Конечно, подчеркивает президент Всемирного банка, нарушение предпринимательской этики самыми крупными американскими корпорациями не имеет прямого отношения к войне в Ираке. Но происшедшее отразилось на состоянии американского делового мира, который на протяжении трех последних лет неуклонно пытался исправить допущенные в недавнем прошлом ошибки.

Очерчивая проблемы мировой экономики, Вулфенсон вместе с тем обращает внимание на особенности нынешнего этапа экономического развития. Главная из них состоит в том, что экономика США, несмотря на кризис, сохранила свою мощь. На протяжении последних пяти лет на американских предприятиях росла производительность труда, получили распространение наиболее передовые технологии. Одновременно с этим нынешний кризис существенно отличается от кризиса начала 90-х годов. Сегодня, полагает глава ВБ, США расплачиваются за «злоупотребления предыдущих десятилетий», когда Америка полностью утратила связь с реальным миром, а огромные состояния делались в неоправданно короткие сроки. Отвечая на вопрос журналиста, какую роль Всемирный банк будет играть в реконструкции Ирака по окончании военной операции, Вулфенсон напоминает, что во всех странах, которые переживали национальные трагедии (Босния, Косово, Афганистан, Уганда) и где работал Всемирный банк, его деятельность определялась ООН. Преимущество ВБ состоит в том, что он способен быстро оценить потребности страны и выделить приоритеты в области инвестиций. Одна из проблем, с которой столкнется Всемирный банк в Ираке, по мнению Вулфенсона, — это неопределенность источников финансирования. До американского вторжения в Ирак некоторые страны заявляли, что в случае, если США решат свергнуть режим С.Хусейна без одобрения ООН, они не будут отвечать за то, что произойдет в этой стране. Но

Дж.Буш заинтересован в том, чтобы международное сообщество приняло участие в послевоенном восстановлении Ирака. Кроме этого, американцы рассчитывают на источники доходов, связанные с продажей иракской нефти. В этом вопросе многое будет зависеть от того, как скоро в этой стране удастся восстановить нефтедобычу. В последние десятилетия Ирак расходовал от 25 до 30% своего бюджета на военные цели. После окончания войны, полагает президент Всемирного банка, предстоит, в первую очередь, начать осуществлять программы в области образования и здравоохранения.

Говорить о перспективах развития Ирака, считает Вулфенсон, крайне сложно, поскольку нет никакой ясности в отношении состояния иракской экономики. Известно, что за последние десятилетия ВВП страны в расчете на душу населения сократился в три раза — с 3600 до 1180 долл. Кроме этого, ухудшились показатели качества жизни: от 40 до 80% населения страны живут ниже уровня бедности. При таких показателях, чтобы восстановить уровень здравоохранения и образования, достигнутый в Ираке к началу 90-х годов, от международного сообщества потребуется 2–3 млрд. долл. в год. Вместе с тем, задачу восстановления Ирака в послевоенный период Вулфенсон считает достаточно легко разрешимой. На первом этапе послевоенного восстановления предстоит разработать социальные программы в области здравоохранения и образования. Потребуется также программы, направленные на предоставление микро-кредитов, которые позволят динамизировать экономику. В нынешнем состоянии экономика Ирака полностью зависит от добычи нефти, которая составляет 95% ее экспорта. Необходимо, на взгляд президента Всемирного банка, диверсифицировать иракскую экономику. Решение этой задачи потребует 5–7 лет и будет зависеть от развития инфраструктуры и создания сети малых и средних предприятий, которые сегодня слабо представлены в экономике стран Малой Азии. Хорошим примером для Ирака могут стать Марокко и Иордания, не обладающие запасами нефти, но которые предпринимают серьезные усилия в области развития образования.

В перспективе экономический рост в Ираке может составить 7–10% в год. Положительным фактором, который будет работать на развитие Ирака, является наличие в стране менеджеров высокого класса, которые способны вывести экономику страны из кризиса.

Рассуждая о судьбах Ирака, Вулфенсон ссылается на доклад ООН, посвященный арабскому миру. В этом документе, написанном специалистами — выходцами из арабских стран, рассматриваются культурные, образовательные, интеллектуальные и политические факторы, тормозящие развитие стран Малой Азии. Авторы приходят к выводу, что излишняя зависимость национальной экономики от нефтедолларов является основным препятствием экономического развития. Ряду стран, тем не менее, удалось избежать этой зависимости. Среди них Дубай, Катар и Бахрейн, которые диверсифицировали свою экономику, а Дубай к тому же за несколько лет сумел превратиться в крупнейший на Ближнем Востоке центр международной торговли.

Отвечая на вопрос, существует ли связь между бедностью и развитием терроризма в мире, Вулфенсон подчеркивает, что прямой связи между этими явлениями, на его взгляд, нет. В качестве примера президент Всемирного банка приводит террористический акт 11 сентября, организаторами и исполнителями которого были образованные и состоятельные граждане Египта и Саудовской Аравии. «Бедные люди — это мирные люди. Но не вызывает сомнений, что мир во всем мире останется несбыточной мечтой, если серьезно не бороться с бедностью». В современном мире 20% населения являются собственниками 85% мировых богатств. Из 6 млрд. жителей планеты только 1 млрд. живет в развитом мире, а 3 млрд. человек живут ниже уровня бедности. «В мире, где существует относительная свобода и открыт доступ к информации, такое положение, — считает Вулфенсон, — недопустимо» (с.16). Есть еще один факт, на который президент Всемирного банка обращает внимание: в течение ближайших двух десятилетий население земного шара увеличится с 6 до 8 млрд. человек, и эти дополнительные 2 млрд. сконцентрированы в развивающихся странах. Если у этих людей не будет надежды повысить свой уровень жизни, они могут быть использованы радикалами. В качестве примера Вулфенсон приводит Палестину, население которой живет в тяжелых условиях. Этим пользуются экстремисты, объясняющие людям, что у них нет перспектив на этом свете и что спасение их ждет в мире ином. Но бедность, возвращаясь Вулфенсон к заявленному выше тезису, не обязательно приводит к терроризму. В странах Латинской Америки, к примеру, главной проблемой является не терроризм, а преступность, и это тоже одно из следствий бедности.

В ответе на вопрос, не следует ли установить контроль за движением капиталов в связи с участвовавшими в 90-е годы финансовыми кризисами, президент Всемирного банка подчеркивает, что финансовые кризисы имеют разную природу. Так, финансовый кризис в Мексике (1994) не имел ничего общего с азиатским финансовым кризисом (1997–1998), который в свою очередь отличался от аргентинского кризиса. Тем не менее, финансовый кризис, разразившийся в Аргентине, удалось «удержать» и не дать ему выйти за пределы страны. Сегодня министры финансов и руководители центральных банков регулярно встречаются, пытаясь предупредить кризисный сценарий развития событий. Однако к идее установления контроля за движением капитала Вулфенсон относится негативно. Исключение, на его взгляд, могут составить страны, экономика которых особенно подвержена внешнему воздействию. Правительство Австралии на протяжении длительного времени сохраняло контроль за финансовым рынком до тех пор, пока ее экономика не окрепла настолько, чтобы нормально реагировать на резкие колебания курса национальной валюты. Президент Всемирного банка критически относится к введению фиксированного курса валюты и восстановлению любого подобия золотого эквивалента. Он полагает, что финансовое здоровье страны зависит от проводимой правительством экономической политики. Отказ от любых мер финансового регулирования Вулфенсон объясняет своей верой в либеральную экономику и способность рыночных механизмов к саморегулированию.

Н.Ю.Лапина

ДЕБА А.
ПОЛЕТ НАД ГНЕЗДОМ ЯСТРЕБА
DEBAT A.

Vol au-dessus d'un nid de faucons // Politique intern. — P.,
2003. — N 99. — P.19—52.

Автор статьи — профессор университета Мидлбери (штат Вермонт, США), автор книг: «Секретная история ЦРУ» (готовится к выпуску французским издательством «Фламмарион»); «От эпохи Интеллидгент к эпохе Прозрачности» (выходит в издательстве «Асгейт»).

Иракский кризис сфокусировал внимание на узкой, но очень влиятельной группе американских интеллектуалов, представляющих Республиканскую партию. Их часто называют «ястребами», хотя это название явно устарело. «Ястребы» — приверженцы радикальной неоконсервативной идеологии. В области внешней политики они следуют принципу превосходства национального суверенитета над нормами международного права и выступают в поддержку американской гегемонии, которая позволит распространить «американский порядок» на те страны, которым до сих пор «не была знакома демократия» (с.19).

«После более чем десяти лет стратегических и идеологических поисков постсоветская, постиндустриальная, постядерная Америка, по мнению представителей этой группировки, кажется, определила свою крупномасштабную стратегию», а также идеологию, «открывающую перспективы национального возрождения», — пишет Деба (с.18). Идеологическое своеобразие не мешает существованию внутри этого направления мысли различных идейных течений. Достаточно сложно, полагает автор, выявить политическую суть этой группы, в которую

входят: яркие политические деятели, пришедшие в мир политики в середине 70-х годов (вице-президент Р.Чейни, министр обороны Д.Рамсфелд); сторонники идеи «суверенитета» (заместители Д.Рамсфелда по Пентагону — П.Вулфовиц, Д.Фейт, Р.Перл); видные представители консервативного и религиозного крыла Республиканской партии (сенатор от штата Миссури Т.Лотт, спикер палаты представителей Т. Де Лей); «традиционалисты», объединенные вокруг таких институтов, как «Хэритедж Фаундейшн» (Heritage Foundation) и «Хадсон Институт» (Hudson Institute), а также журналисты, представляющие информационные каналы «Фокс Ньюс» (Fox News), «Вашингтон Таймс» и газеты, издаваемые группами Мердока и Херста.

Интеллектуалы составили ядро неоконсервативной «машины войны». Это не было случайностью: произошедший в годы правления Б.Клинтона сдвиг Демократической партии вправо спровоцировал еще большее поправление Республиканской партии. В этих условиях неоконсервативная идеология смогла завоевать монопольные позиции на правом идейном фланге. По мнению Деба, интеллектуальный и политический «переворот» был облегчен тем, что новая идеология отражала накопившиеся в массовом сознании США страхи и разочарования. Ее пуританская суть и философия, смысл которой сводится к поиску «природной добродетели», отвечали ожиданиям Америки, дезориентированной концом «холодной войны» и событиями 11 сентября 2001 г.

Анализируя неоконсервативную идеологию, автор выделяет три принципа, на которых она основывается:

- американская исключительность;
- поиск абсолютной безопасности;
- односторонний характер политики США.

Американская исключительность. Неоконсервативное движение, превозносящее «цивилизаторскую миссию» США, является наследником идеалистической традиции, «объединившей в себе политику и поэзию» и способствовавшей на ранних этапах истории США становлению национальной идентичности. В соответствии с этой идеологией, пишет Деба, поселенцы, в XVII — XVIII вв. заселявшие бескрайние просторы Нового Света, явились новым «избранным народом», который был послан Богом на «землю обетованную». Миссия «избранного народа» состояла в том, чтобы, опираясь на «строгость морали» и «чистоту демократических принципов», воплотить на Земле

замысел божий. В Европе, отмечает автор, плохо представляют себе, какую роль мессианство сыграло в формировании американской политической мысли и в какой степени оно определяет нынешний внешнеполитический курс США (с.21). В соответствии с мессианской идеей неоконсерваторы считают, что США принадлежат «естественное право» в решении иракского вопроса. На протяжении истории США мессианскую идеологию использовали представители разных политических течений. О мессианском предназначении США писали и говорили такие известные деятели Демократической партии, как Ф.Рузвельт, Дж.Кеннеди, Б.Клинтон. Но именно правое крыло Республиканской партии наиболее полно восприняло это «наполовину политическое, наполовину религиозное наследие». В недавнем прошлом мессианская аргументация чаще всего использовалась в ходе дебатов о создании в США системы противоракетной обороны, а в самое последнее время — при обсуждении иракского вопроса. Не случайно президент Дж.Буш постоянно говорит о «великой миссии» и «избранном народе», которому предстоит начать «крестовый поход против тирании и насилия». Неоконсерваторы убеждены, что военное и экономическое господство Америки является прямым отражением ее морального авторитета в мире и дает ей право играть «глобальную роль» в международной политике.

Второй принцип неоконсервативной идеологии — абсолютная безопасность. Начиная с XVIII в., американские политики внушали молодой американской нации мысль о существовании внешней угрозы. Ощущение опасности определило отношение США к внешнему миру: на протяжении всей истории американское правительство постоянно наращивало военный бюджет в пропорции, явно не соответствовавшей реальным потребностям страны. Поиск абсолютной безопасности не допускал переговоров и компромиссов, предпочитая военное решение спорных вопросов дипломатическим переговорам. Следствием этого выбора стал отказ США подчиняться международным правовым нормам. Сторонники этой позиции постоянно подчеркивают фундаментальное отличие Европы, представляющей «монархию дипломатов», от США, являющихся «республикой солдат». Неоконсерваторы широко использовали принцип абсолютной безопасности в своей пропаганде. Сегодня эта идея модифицировалась, а в сентябре 2002 г. Дж.Буш сформулировал доктрину «преимущества права», которая предполагает «расширение границ

американской безопасности до улиц Багдада, Эр-Рияда и сектора Газа» (с.24).

Третий принцип неоконсервативной идеологии предполагает односторонний характер политики, проводимой США. Этот принцип, отмечает Деба, был впервые сформулирован Дж.Вашингтоном в конце XVIII в. Он сводится к тому, что США в своем историческом развитии следуют своему «особому пути» и не должны подчинять свои интересы другим странам. Этот принцип определяет отношение США к международным союзам и коалициям. «Нужно, чтобы задачи определяли коалицию, а не коалиция — задачи», — говорит министр обороны США Д.Рамсфелд. Принцип односторонней политики лежит в основе идеологического и политического проекта, сформулированного нынешней администрацией США. В «Национальной стратегии безопасности», официальном документе, опубликованном Белым домом (сентябрь 2002 г.), содержатся такие обещания, как универсализация в масштабах планеты принципа снижения налогов и проведение во всем мире экономической политики, направленной на стимулирование экономического роста. По сути, подчеркивает Деба, в этом документе речь идет об особой роли США в мире и их стремлении навязать другим странам определенный тип социально-политического развития (с.25).

Неоконсервативный проект охватывает все сферы общественной жизни: в нем выражена привязанность к ценностям семьи и религии; провозглашается свобода предпринимательской деятельности; заявлено о праве индивида на ношение огнестрельного оружия. По сути это течение ставит под вопрос идеологию 60-х годов, которая способствовала формированию современной Америки. Начиная с 90-х годов XX столетия в США, как считает Деба, развернулась подлинная война между двумя концепциями «американского пути развития»: одна провозглашает идею традиционной Америки, другая поддерживает дух толерантности и выступает против религиозных и социальных ограничений прошлого. В ряде официальных документов нынешней администрации США высказывается мысль, что трагические события 11 сентября 2001 г. явились своеобразным «испытанием американского характера», а борьба с враждебными силами позволяет покончить с космополитизмом, «моральным кризисом» нации и утвердить ценности смелости, жертвенности и веры в Бога.

Самостоятельный раздел статьи посвящен истории неоконсервативной идеологии. С середины XIX столетия, пишет автор,

в недрах Республиканской партии сложилось два течения. «Индустриальное крыло» партии представляло промышленно развитый северо-восток страны со свойственными ему светскими, интернационалистскими и прагматическими ценностями. Ему противостояло течение, отстаивавшее интересы в социальном отношении неоднородного конгломерата сил, куда входили протестанты-евангелисты и фермеры из центральных и западных штатов. В XIX — начале XX в. консервативно-традиционалистское течение по силе и влиятельности значительно уступало «индустриальному». С появлением на международной арене СССР влияние традиционалистов начало расти. В то время, как «индустриальное» течение сосредоточилось на прагматически-рациональной критике коммунизма, консервативное крыло Республиканской партии основное внимание уделяло вопросам морали. Его представители рассматривали коммунизм как угрозу, которая подрывает традиционные ценности и «засоряет умы» (с.27). В 30-е годы основным объектом критики консерваторов стала политика «Нового курса» Ф.Рузвельта, которую эти идеологи нарекли «социалистической». В 60-е годы консерватизм пережил глубокий кризис и позже трансформировался в группу влияния. Именно в эти годы возник Американский консервативный союз (American Conservative Union, 1964) и основан журнал «Хьюмен Ивент» («Humen Event»). В годы войны во Вьетнаме в консервативное движение пришли известные политики, ныне составляющие костяк окружения Дж.Буша. Опыт войны воспитал в них непреодолимую ненависть к левым силам, пацифизму и прогрессивно мыслящей интеллигенции.

В 90-е годы Республиканская партия, утратившая своего основного противника — СССР и лишившаяся своего лидера Р.Рейгана, которому на протяжении многих лет удавалось объединять различные течения внутри партии, как считает автор, вошла в полосу «экзистенциального кризиса». Ситуацией воспользовались консерваторы. На рубеже веков неоконсерваторы — именно тогда стал использоваться этот термин — присвоили себе лавры «победы США над СССР» (с.29). Перемещение центра «идеологической гравитации» вправо принесло Республиканской партии политический успех. В ноябре 1994 г. обе палаты парламента США перешли под контроль республиканцев. Победа неоконсервативного течения способствовала появлению на политической сцене новых фигур. В Техасе за губернаторский пост начал борьбу Дж.Буш. Сразу после победы он

окружил себя неоконсервативными идеологами и политиками, которые сформировали тот политический проект, который сегодня осуществляется в масштабах всей страны. В основе этого проекта лежат следующие принципы: восстановление социальной общности через возврат к традиционным ценностям; снижение налогов; разоблачение «моральной и духовной преступности»; доминирование евангельского учения над материализмом; защита свободы; ядерная безопасность; отказ от соблюдения норм международного права (с.30). Авторы этого политического проекта придерживаются апокалиптического видения окружающего мира. В этом мире, считают они, преобладает хаос: наряду со странами, находящимися в состоянии «стратегического соревнования» (Китай, Россия), наличествуют «государства-изгои», несущие в себе огромный разрушительный потенциал (Ирак, Иран, Северная Корея), и действует множество террористических и мафиозных группировок. В этом неустойчивом и опасном окружении безопасность Соединенных Штатов может быть гарантирована лишь полной политической автономией и наличием военных сил, значительно превосходящих силы противника. Политический неоконсервативный проект — это проект «побеждающей и господствующей Америки», которая могла бы применить свою «добродетельную силу» с тем, чтобы утвердить свои интересы и ценности во всем мире (с.31).

Накануне президентских выборов 2000 г. все обозреватели полагали, что в случае победы Дж.Буш-младший станет ориентироваться на реалистически мыслящее крыло Республиканской партии. Однако состав правительства свидетельствовал об обратном. Отдельные представители умеренного прагматического крыла Республиканской партии (К.Райс, К.Пауэлл) вошли в правительство, но внутри него сразу же были оттеснены сторонниками «неоконсервативной революции». В сложившейся ситуации им осталось лишь проявить «идеологическую гибкость» и признать полную победу неоконсерваторов, что позволило им сохранить позиции во власти. Ныне внутри президентской администрации сохраняются, как полагает автор, два течения: «сторонники наступательных действий-реалисты» и «сторонники наступательных действий-империалисты», составляющие ядро неоконсервативного движения.

«Сторонники наступательных действий-реалисты» немногочисленны. Они в меньшей степени зарекомендовали себя как идеологи, зато имеют огромное политическое влияние и управленческий опыт.

Наиболее видными представителями этого течения являются Р.Чейни и Д.Рамсфелд. Жизненные траектории этих политиков схожи. Оба являются выпускниками известных университетов (Р.Чейни окончил Йельский университет, Д.Рамсфелд — университет Чикаго), оба в 60-е годы начали свою политическую деятельность в рядах Демократической партии, но в годы войны во Вьетнаме порвали с демократами. Именно этим двум политикам Республиканская партия обязана сближением США с Израилем. Выбор союзника не был случайным. В тактическом плане он обеспечивал электоральную поддержку в таких штатах, как Флорида, Нью-Йорк и Калифорния, а в идейном — был близок религиозно настроенным деятелям Республиканской партии. Консерваторы, представляющие это течение, видели в Израиле «осажденную нацию», подобие того, чем были США в XVIII в., своего рода «форпост демократии в регионе, в котором господствует тирания» (с.35).

Интеллектуальными бастионами «реалистов» являются Еврейский институт по делам национальной безопасности (Jewish Institute for National Security Affairs) и Центр политики безопасности (Center For Security Policy). Созданный в 1976 г. Еврейский институт за 25 лет своего существования превратился в «подлинную машину войны» с ежегодным бюджетом в 1,5 млн. долл. Эта организация занимается политическим лоббированием и ведет активную работу с общественностью. До января 2001 г. членами административного совета Института являлись Р.Чейни, Дж.Болтон, Р.Перл. Эта организация насчитывает в своих рядах более 200 высших чинов армии США — бывших офицеров. К задачам Института относится «убеждение американской общественности в необходимости создания в США эффективной системы обороны», а также развитие особых отношений с Израилем, которому, по мысли неоконсерваторов, принадлежит центральное место в пропаганде демократических ценностей на Ближнем Востоке (с.36). Наряду с активной лоббистской деятельностью Институт регулярно публикует статьи и доклады на темы, близкие американским и израильским неоконсерваторам. В его стенах в середине 90-х годов были разработаны основные элементы доктрины «Ось зла», которую взял на вооружение Дж.Буш.

За стратегическими установками неоконсерваторов скрываются конкретные экономические интересы. Военная помощь Израилю со стороны США регулярно увеличивается, а следовательно, создаются

стимулы для развития оборонной промышленности. Между руководством Еврейского института по делам национальной безопасности и крупнейшими американскими производителями вооружений существуют тесные связи. Еще одной площадкой сотрудничества неоконсерваторов и представителей корпораций оборонного комплекса является Центр политики безопасности. Тесные контакты представителей влиятельных экономических кругов с неоконсервативными политиками во многом объясняют, почему неоконсерваторы так настойчиво требуют развития оборонной политики США, а в случае возникновения международных конфликтов предпочитают военное противостояние мирным переговорам.

Особое место среди политиков и идеологов неоконсервативного толка принадлежит Р.Перлу. До недавнего времени он являлся президентом Совета по оборонной политике (Defense Policy Board), консультативного органа Министерства обороны США, но в конце марта 2003 г. вынужден был подать в отставку. Р.Перл обладает огромным влиянием в президентской администрации, поскольку ему удалось продвинуть на влиятельные посты многих из своих ближайших сторонников. В ходе избирательной кампании Дж.Буша (2000) он сыграл важную роль и полностью оправдал закрепившееся за ним прозвище «принца тени». Р.Перл неоднократно отказывался от официальных постов, предпочитая оставаться «серым кардиналом». В идейном отношении Перл принадлежит к «империалистическому» течению Республиканской партии. Этого политика принято называть «сверхъястребом» из-за привязанности к традиционным американским ценностям. Он рассматривает США как «революционную державу, выполняющую миссионерскую роль и отстаивающую свободу во всем мире» (с.39).

Перл близок другому влиятельному политику из президентской администрации — заместителю министра обороны П.Вулфовицу. Вулфовиц — это «ястреб», возглавляющий неоконсервативное течение внутри правительства. Никто из нынешних американских политиков, на взгляд Деба, не располагает такой харизмой и такими связями, как руководящий бюрократическим аппаратом Министерства обороны «мэр Пентагона». Подобно другим консерваторам, П.Вулфовиц начинал свою политическую деятельность в рядах Демократической партии. В университете произошел его поворот в сторону консерватизма. Его подход к истории и политике укладывается в концепцию «естественной

добродетели», а конфликт между Западом и Востоком он интерпретирует как «борьбу между Добром и Злом» (с.40). Противник политики разоружения, он с 80-х годов отстаивал мысль о необходимости свержения радикальных режимов в Ираке и Ливии.

Назначенный на высокий пост в Министерстве обороны, Вулфовиц был призван повысить политический вес и аналитический потенциал Пентагона. Для выполнения поставленных задач у этого политика, по мнению Деба, имелись все необходимые качества. Он прекрасно ориентируется в американской внешней политике и обладает уникальными аналитическими способностями. Именно ему принадлежала идея «цены бездействия», которая, начиная с осени 2002 г., активно эксплуатировалась Белым домом. События 11 сентября 2001 г. «погрузили» американцев в «безумный и разрушительный мир», который до сих пор они лишь наблюдали со стороны. «Нанеся тяжелый удар в самое сердце Америки, — пишет Деба, — исламские террористы самым драматическим образом подтвердили страхи, которые подпитывают неоконсервативное восприятие мира» (с.43). В этих событиях апокалиптические образы неоконсервативной мысли стали реальностью. Первая война XXI столетия предоставила неоконсервативным идеологам и политикам уникальный политический шанс. Изменилась и тактика президента США: от необходимости бороться с международным терроризмом он перешел к идее ликвидации режимов, поддерживающих террористов.

С точки зрения неоконсерваторов, события 11 сентября еще раз подтвердили своевременность идеи «абсолютной безопасности». США, утверждают эти идеологи, стали жертвой террористического акта, поскольку сузили до минимума сферу своих национальных интересов. Чтобы ликвидировать исламский терроризм, надо уничтожить тиранические и репрессивные режимы в арабском мире. Такая постановка вопроса позволила Дж.Бушу сформулировать новую внешнеполитическую доктрину — «Ось зла». Новая доктрина оказывает всестороннее влияние на политику США: внутри страны она спровоцировала свертывание демократии, а во внешнеполитическом плане существенно дестабилизировала сложившийся мировой порядок. Наступательная внешняя политика крайне выгодна президентской администрации, поскольку позволяет отвлечь общественность от обсуждения серьезных экономических проблем и финансовых скандалов и способствует мобилизации электората. Война в Ираке является

производным от этой доктрины. Но она спровоцирована еще целым рядом обстоятельств.

Во-первых, «стратегической одержимостью», восходящей у некоторых представителей консервативной идеологии к 70-м годам, которая усиливается сознанием того, что в 1991 г. американские войска не вошли в Багдад.

Во-вторых, новым соотношением сил, которое сложилось внутри Республиканской партии между утасяющим центристским и находящимся на подъеме неоконсервативным течением.

В-третьих, наличием ясного политического проекта, который после 11 сентября находит поддержку у населения Америки.

С началом войны в Ираке, как полагает автор, Дж.Буш начал осуществлять политику, в которой принцип американской исключительности сочетается с принципом абсолютной безопасности. Новый политический проект президентской администрации призван обеспечить безопасность США путем «принуждения другой страны к свободе» (с.46). Для президента США и его ближайшего окружения битва за Багдад имеет такое же значение, как и высадка войск США в Европе в 1944 г, а американские солдаты, сражавшиеся и погибшие в Ираке, являются новым «великим поколением» американцев, которые принесут демократию и благополучие на Ближний Восток.

Действуя подобным образом, администрация США и неоконсерваторы, считает Деба, явно рискуют. Заявляя о праве вмешательства в судьбы стран, которыми, на их взгляд, руководят тираны, они втягивают свою страну в конфликты, выход из которых представляется проблематичным. Кроме этого, тесно увязывая собственное будущее с перспективами построения демократии в Ираке и, в целом, на Ближнем Востоке, они ставят под удар свою партию. От того, как будут развиваться события в этом регионе земного шара, завершает статью Деба, будет зависеть судьба Республиканской партии.

Н.Ю.Лапина

**КАПЧАН Ч.
ЕВРОПА – США: БОЛЬШОЙ РАСКОЛ
KURCHAN CH.
Europe/Etats-Unis: le grand écart // Politique intern. – P.,
2003. – N 99. – P.161–170.**

Ч.Капчан — специалист в области международных отношений, профессор Джорджтаунского университета, в 1994–1995 гг. отвечал за европейскую политику в Национальном совете по безопасности при Белом доме. Автор книги: «Конец американской эры» (Нью-Йорк: Изд-во А.Кнопфа, 2002).

По мнению Ч.Капчана, Франция в полной мере осознала смысл иракского кризиса. Президент и министр иностранных дел Франции точно сформулировали свою позицию, которая сводилась к следующему: в Ираке решается не только судьба этой страны, но устанавливаются правила разрешения международных конфликтов, которые будут действовать в ближайшие 20–30 лет. Развернувшаяся дискуссия выявила различие позиций между Европой и США. Происходит, как считает Капчан, дезинтеграция сложившегося после Второй мировой войны мирового порядка и союза между Европой и США, который являлся краеугольным камнем послевоенной системы безопасности. «Речь идет об идеологическом и стратегическом расхождении между союзниками, которые отстаивают схожие демократические ценности, но демонстрируют разное понимание принципов, призванных регулировать применение силы в между-народном масштабе» (с.162). Европа стремится самостоятельно обеспечивать свою безопасность, считает Капчан. В свою очередь, США проявляют все меньшую заинтересованность в том, чтобы защищать Старый континент. Впервые

эта тенденция проявилась с окончанием «холодной войны», когда перестал существовать Советский Союз. Кульминацией стала военная операция в Косово, когда руководство НАТО впервые осознало, что означает вести войну, в которой на одной стороне принимают участие сразу

19 стран. Нынешние события, как считает Капчан, демонстрируют внутреннюю слабость Атлантического союза, по сути дела — его крах. По мере ухудшения отношений с США Франция и Германия впервые открыто заговорили о том, что будет собой представлять мир «после НАТО».

Европа в состоянии создать противовес Северной Америке. Она имеет для этого необходимый запас прочности. Аккумули-рованный ВВП стран — членов ЕС составляет 8000 млрд. долл. (для сравнения ВВП США равен 10 000 млрд. долл.). Сегодня мировым лидером авиастроения является не «Боинг», а «Аэробус» (Airbus). Схожая ситуация складывается в сфере телекоммуникаций, где лидирует европейская «Нokia» (Nokia). Кроме этого, односторонний характер политики Дж.Буша заставляет Европу дистанцироваться от Вашингтона. С появлением новых противоречий в умах европейцев все больше утверждается мысль Де Голля о том, что европейское строительство должно стать противовесом растущему влиянию США. В будущем, по мнению Капчана, основную опасность для Соединенных Штатов, будет представлять не международный терроризм или Северная Корея, а восстановление традиционного геополитического соперничества между тремя блоками: Северной Америкой, Европой и Северо-Восточной Азией.

Европа, как считает Капчан, обладает необходимым потенциалом для продолжения процесса европейского строительства. Большой опыт накоплен Европейской комиссией и Европейским парламентом, и эти институты способны углубить интеграционные процессы. «Приход к власти администрации Буша, — как полагает Капчан, — большая удача для Европы». Франция и Германия уже в полной мере осознали это, а Великобритания в перспективе присоединится к ним. Администрация Буша спровоцировала кризис внутри Европейского Союза. В консервативных кругах говорят о том, что это хороший способ «наказать» Европу и ослабить ее. Кризис, спровоцированный американским руководством, полагает исследователь, усилит раскол между США и их европейскими союзниками.

Будущие члены ЕС, Польша и Румыния, ошибались, заняв проамериканскую позицию. Как и американские консерваторы, они исходят из мысли, что будут и впредь участвовать в решении европейских проблем и обеспечивать европейскую безопасность. В реальности происходит обратный процесс — США «покинули» европейский континент.

Россия, по мнению ученого, демонстрирует наиболее «удивительный» тип поведения. Президентом Путиным было многое сделано для улучшения российско-американских отношений. Но в тот момент, когда Россия должна была выбрать между США и Европой, она предпочла Европу. Расширяющееся экономическое сотрудничество России и Европы «придаст этому объединению серьезный геополитический вес» (с.164).

Вопреки мнению, распространенному среди экспертов консервативного толка, Капчан не думает, что у Китая есть силы и желание противостоять США. В 2001 г. ВВП Китая был в восемь раз меньше, чем ВВП США, а военный бюджет составлял 5% от военного бюджета Соединенных Штатов. При нормальном развитии событий Китай к середине XXI столетия станет устойчивой «державой среднего уровня» (с.165). К тому же, подчеркивает исследователь, Китай не проявляет завышенных амбиций во внешнеполитической сфере, а США являются его основным экономическим партнером.

Мировой порядок, как полагает Капчан, в перспективе будет определяться отношениями между тремя «региональными объединениями»: Северной Америкой, Европой и Северо-Восточной Азией. Каждый из этих центров станет «сплавом влияния» экономических, политических, военных сил, которые будут представлены национальными государствами и неправительственными организациями. Государства-нации, таким образом, составят «основу влияния этих региональных объединений» (с.165).

В 90-е годы с распадом СССР и концентрацией внимания американского руководства на вопросах экономического развития интерес к международной проблематике отошел на задний план. Этому способствовали относительное спокойствие в международной обстановке и экономический бум. В этих условиях, как считает Капчан, внешнеполитические запросы американцев «снизились». События 11 сентября 2001 г. актуализировали интерес СМИ к событиям международной жизни. Но этот ситуативный интерес не смог поколебать

«безразличие американского общественного мнения к проблемам планеты» (с.167).

Это связано, как считает ученый, с политической и экономической ситуацией в Америке. Уходит поколение, которое пережило Вторую мировую войну и «холодную войну». Это поколение было «привязано» к идее Атлантического союза. Поколение «бэби-бума» в значительно меньшей степени настроено интернационалистически, чем их предшественники. Еще в меньшей степени интернационалисты те, кто придет им на смену. Для американцев, «политическое сознание» которых сформировано событиями 11 сентября, идея американского военного присутствия в Европе ничего не значит. Для этих людей Европа – это музей, который они посещают, достигнув определенного возраста. Такой «новый подход» не может способствовать укреплению транс-атлантического союза (с.167). Демографические и этнические сдвиги, происходящие в США, лишь усиливают указанные тенденции. В последние годы в составе населения США выросла доля выходцев из Латинской Америки. Эти люди консервативны и не питают никакого интереса к вопросам внешней политики. В политическом плане сегодня США разделены больше, чем когда-либо прежде. Лобби, представляющее различные группы интересов, обладает огромным влиянием. В отличие от классических политических партий лоббистские организации могут в короткие сроки мобилизовать значительную часть населения, как это делают консервативные организации, выступающие против ООН.

Происходит ослабление демократической опоры американской внешней политики. Эта тенденция, как считает Капчан, представляет большую опасность, поскольку изоляционизм и односторонний характер внешней политики США не встречают никакого политического препятствия в обществе. «Буш и его сторонники свободны принимать решения, которые они хотят, включая нарушение норм традиционной дипломатии» (с.168). Чрезвычайно важно, что в послевоенный период произойдет в Ираке, поскольку от этого будет зависеть будущее американской внешней политики.

Через год, как предполагает Капчан, на территории Ирака сохранится американский военный контингент в 200 тыс. солдат. Антиамериканские настроения в мире, включая традиционных союзников США, усилятся. С особой силой это проявится в странах арабского мира. Антиамериканские проявления окажут негативное

влияние на общественное мнение. Значительная часть населения США, как и во времена войны во Вьетнаме, будет поддерживать идею вывода американских войск из стран Ближнего Востока.

Правительство должно, по мнению ученого, найти адекватное решение этой проблемы с учетом снижения собственных амбиций. Это не означает, что США полностью самоустранились от мировой политики. Но, возможно, они будут более тщательно продумывать, в каких проектах им стоит участвовать. Среди наиболее серьезных изменений, которые произойдут в системе международных отношений в ближайшее десятилетие, Капчан называет «кончину НАТО» как влиятельной военной организации и кризис союза между Европой и США.

Сегодня, по мнению Капчана, крайне сложно иметь глобальное видение мирового порядка. Устоявшийся мировой порядок рухнул, а на его развалинах возникло такое множество проблем, что ни одна теория не в состоянии дать на них адекватный ответ. Но при этом каждое государство, считает аналитик, должно иметь свой «атлас мира» и набор принципов, на которых строится его международная деятельность. В этом отношении администрация Буша выполнила стоявшую перед ней задачу и сформулировала следующий принцип: «В однополюсном мире, в котором США принадлежит место единственной сверхдержавы, Америка должна без комплексов реализовать свое лидерство с тем, чтобы страны, разделяющие те же ценности, следовали по обозначенному ею пути» (с.169).

Большинство населения США полагает, что ситуация была бы иной, если бы в 2000 г. на президентский пост был избран Гор. Однако сам Капчан не склонен разделять эту точку зрения. В случае победы демократов противоречия между США и Европой были бы менее заметны, но все равно сохранялись бы. Раскол между США и Европой неизбежен, так же как неизбежно дальнейшее продвижение США в сторону односторонней изоляционистской политики.

Н.Ю.Лапина

ВЭЙС Ж.
НОВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА США
VAISSE J.
La nouvelle politique étrangère américaine // Politique intern. —
Р., 2003. — N 99. — Р.69–82.

Д.Вэйс — историк, исследователь Центра исследований США и Франции в Брукингском институте. Автор книги «Вашингтон и мир. Дилемма сверхдержавы» (в соавторстве с П. Аснэром, 2002).

После начала войны в Ираке многие аналитики задают себе вопрос: «Куда идут США?» Если верить утверждениям вашинг-тонских «ястребов», пишет Вэйс, Афганистан и Ирак являются лишь первыми в списке стран, входящих в «ось зла», с которыми Соединенные Штаты намерены вести длительную войну. Для сторонников этой линии действия «Аль-Каиды» усилили позиции неоимпериалистов в американском истеблишменте и оправдывают новую экспансионистскую политику США. Однако внимательный анализ политики Дж.Буша, считает автор, убеждает в том, что новая имперская линия во внешнеполитическом курсе США не будет долговечной. В скором времени на смену «активной политике» в Афганистане и Ираке придет попытка стабилизировать ситуацию на Ближнем Востоке, которая будет сопровождаться скрытой, но интенсивной антитеррористической деятельностью. Политические и экспертные оценки нынешней ситуации различаются. Демократы подчеркивают, что в годы правления Б.Клинтона США переживали экономический подъем, финансовое положение страны улучшилось, сохранялся мир. При Дж.Буше положение резко изменилось: подъем в экономике сменился стагнацией, бюджетный дефицит возрос, началась война. С мнением демократов

совпадают оценки многих европейских наблюдателей. Изменение ситуации связано, как они полагают, с односторонним характером политики США и «ненужными провокациями», которые привели к тому, что «мирный пейзаж 90-х годов к 2003 г. сменился картиной войны» (с.70).

Анализируя сложившуюся ситуацию, демократы обращают внимание на те изменения, которые произошли в последние годы на международной арене. Руководство Северной Кореи, начавшее переговоры с США (в 2000 г. Пхеньян посетила госсекретарь США М.Олбрайт), было «дезориентировано» враждебной позицией новой американской администрации, которая прервала переговоры с Северной Кореей и включила эту страну в «ось зла». В этих условиях северокорейский режим сделал адекватный вывод: чтобы не повторить судьбу Ирака, активизировал поиск средств ядерного устрашения. Аналогичным образом, как полагают демократы, развивалась ситуация в Иране. После встречи президента Ирана М.Хатами с Б.Клинтоном в сентябре 2000 г. сложилось впечатление, что диалог между двумя странами налаживается. Но с избранием в США нового президента иранское руководство серьезно обеспокоено созданием собственного ядерного арсенала, чтобы обезопасить себя от превентивной войны. В свою очередь консервативные аналитики главное внимание уделяют тому факту, что сегодня США вынуждены «платить по счетам» 90-х годов. Б.Клинтон, утверждают они, отказался от принятия серьезных политических решений как в иракском вопросе (в 90-е годы в отсутствие международных инспекторов режим С.Хусейна окреп), так и в области борьбы с терроризмом (в 1993 г. произошла первая попытка террористического акта в Международном торговом центре; в 1998 г. — целая серия террористических актов против посольств США в Африке). Консервативные наблюдатели полагают, что бездействие Клинтона привело к тому, что США стали восприниматься в мире как «уязвимая сверхдержава». Главный тезис консерваторов: бывший американский президент оставил в наследство Дж.Бушу «ослаб-ленную Америку и подверженный мир» (с.71).

Ни одна из вышеприведенных позиций, считает автор, не может быть принята в качестве основной. Сторонники первой точки зрения недооценивают факторы, угрожающие сложившемуся мировому порядку, тогда как сторонники второй минимизируют последствия нерациональных поступков Дж.Буша и завышают ответственность

Б.Клинтона. «Истина находится посередине, — считает Дж.Вэйс. — Существует постоянное взаимодействие между концепцией правящей команды и меняющейся внешнеполитической ситуацией» (с.71).

Северная Корея начала ядерные разработки еще до избрания Дж.Буша президентом США. В нарушение достигнутых в 1994 г. договоренностей она в 1995 г. заключила секретный пакт с Пакистаном с целью проведения совместных разработок по обогащению урана. Но основные шаги — отказ допустить на энергетические объекты инспекторов МАГАТЭ и возобновление лабораторных работ с плутонием — были предприняты Пхеньяном в ответ на инициативы Дж.Буша, которые были расценены Северной Кореей как «провокационные» (с.72). При этом, подчеркивает автор, нет никакой уверенности в том, что в более благоприятной обстановке руководство Северной Кореи не воспользовалось бы международной помощью для производства оружия массового поражения. Пример Кореи со всей отчетливостью свидетельствует об опасности, которую мог бы представлять ядерный Ирак, учитывая стремление С.Хусейна к восстановлению военного потенциала страны и созданию оружия массового поражения. В случае с Ираком, полагает Вэйс, ответственность за начатую войну взяла на себя нынешняя президентская администрация. Но неверно было бы обвинять ее в обострении обстановки в Израиле или вокруг Ирана, стремящегося создать оружие массового поражения. В этом смысле, полагает Вэйс, обострение международной ситуации, произошедшее в 2003 г., подготавливалось и зрело в течение длительного времени и должно было выплеснуться независимо от того, кто пришел к власти в США.

В настоящее время политика Вашингтона характеризуется следующими чертами. Первое. Нынешняя администрация полностью отрицает политику, проводившуюся ее предшественниками. Этот подход, как считает автор, хотя и с разной степенью интенсивности, распространяется на все направления внешней политики, включая отказ от многостороннего принятия внешнеполитических решений (неподписание Киотского протокола, отзыв положительного решения Б.Клинтона по вопросу о создании Международного уголовного суда¹ и критика Международного валютного фонда за поддержку, оказанную государствам, переживающим финансовый кризис). Негативное

---

¹ Международный уголовный суд (МУС) учрежден на основе Римского статута, принятого в 1998 г. и вступившего в силу 1 июля 2002 г. — Прим. реф.

позиционирование по отношению к политике предшественников порой приводит, как считает Вэйс, к «абсурду». Так, в Афганистане и Ираке американская администрация была вынуждена вернуться к принципу «национального строительства», провозглашенному Б.Клинтоном. В случае с Северной Кореей линия поведения нынешней американской администрации привела к усилению напряженности в отношениях с Южной Кореей, руководство которой проводит «политику открытости» по отношению к северному соседу (с.73).

Второе. Политика США характеризуется «минимальным интернационализмом». Эта позиция могла бы привести к полному изоляционизму Соединенных Штатов на внешнеполитической арене, если бы не убежденность нынешнего руководства страны в том, что «гегемония США в мире необходима и всем приносит пользу» (с.74). Наилучшей иллюстрацией этой политики является программа создания США собственной системы противоракетной обороны, которая начнет реализовываться в 2004 г., невзирая на сохраняющуюся техническую недоработанность. «Эта позиция, — пишет автор, — должна примирить ностальгический образ Америки, которую защищают океаны и собственные технологии, с реальностью той Америки, которая, не колеблясь, готова использовать военную силу, чтобы восстановить порядок там, где это потребуется (Ближний Восток, Восточная Азия)» (с.74).

Третье. Отличительной чертой нынешней администрации является отсутствие в ней единства. «Государственный департамент, возглавляемый К.Пауэллом, заинтересован в поддержании хороших отношений с другими странами мира; его деятельность находится вне сферы идеологии и характеризуется осторожностью и реализмом. На другом полюсе — в Пентагоне — полагают, что США должны быть сильной державой. В свою очередь советник президента по вопросам безопасности К.Райс постоянно балансирует между двумя крайними позициями. Противоречия внутри правящей команды не приводят к открытому разрыву, но отражаются на колебаниях во внешнеполитическом курсе.

Четвертое. Политика правящей команды США одновременно прагматична и идеологизирована. Идеология наложила свой отпечаток на целый ряд влиятельных американских политиков. Так, Дж.Болтон, отвечающий за контроль над вооружениями, выступает против всех существующих в этой области договоров. Администрация Буша ведет

борьбу с международными соглашениями в области вооружений, идет ли речь об огнестрельном, бактериологическом или химическом оружии. Систематически, пишет Вэйс, эта линия проявляется в авторитарном тоне и стремлении американского руководства навязать собственные принципы всем участникам переговорного процесса. «Но при этом, — продолжает автор, — американская администрация часто недооценивает значимость человеческого фактора, идет ли речь о внутренних или внешних партнерах» (с.75). В качестве примера автор приводит казус с сенатором-республиканцем Джеффордом, который в 2001 г. примкнул к демократам, чем серьезно навредил правящей партии. Другой пример — негативная позиция Совета Безопасности ООН в отношении США в начале 2003 г., которая также явилась реакцией на односторонний характер американской политики. Невзирая на высокомерный тон по отношению к своим партнерам (Франция, Германия) и международным организациям, администрация Дж.Буша умеет быть прагматичной. Об этом свидетельствует урегулирование кризиса, спровоцированного полетом китайского самолета-шпиона в апреле 2001 г., и подписание с Москвой в мае 2002 г. договора о стратегических вооружениях.

Анализ современной внешней политики США, как считает Вэйс, неизбежно ставит вопрос о том, насколько она спровоцирована событиями 11 сентября. По убеждению автора, президент Буш лично плохо пережил трагические события 2001 г. Но кроме этого есть и объективные обстоятельства, накладывающие отпечаток на политику США. В глобальном мире доступ к средствам массового уничтожения облегчился. «В новой стратегической обстановке, которая сложилась после 11 сентября, Дж.Бушу, — пишет Вэйс, — стало гораздо сложнее выполнять главную задачу, которая стоит перед президентом США, — защищать безопасность американского населения» (с.77).

Новая стратегия национальной безопасности, обнародованная в США в сентябре 2001 г., явилась ответом на вызовы времени. В разделе документа, посвященном преимущественному праву, объясняется, что эта старая юридическая концепция применима сегодня, поскольку «следующее 11 сентября» наступит, как и предыдущее, без всяких предупреждений. Можно, считает автор, сколько угодно критиковать этот подход, ссылаясь на то, что он был призван оправдать военную интервенцию в Ираке. Но при этом следует признать, пишет он, что новый подход «учитывает серьезное изменение стратегического контекста» (с.77). Следствием избранной стратегии становится

стремление отвратить угрозу еще до того, как она стала реальностью, и максимально удалить ее от границ США. Отсюда возникает стремление США контролировать «несостоятельные государства» и «государства-изгои», где нашли приют террористы, где производится и продается оружие массового поражения. Таким образом, борьба с терроризмом спровоцировала американское вмешательство в политику третьих стран. «Запрос на империю», полагает Вэйс, существенно видоизменил первоначальные установки президентской администрации, еще более усилил гегемонистские устремления определенных ее представителей. Но главное состояло в том, что события 11 сентября обеспечили поддержку населением наступательной внешней политики США, сопряженной со значительным ростом военного бюджета. Обращаясь к этому вопросу, автор подчеркивает, что большая часть этих средств пойдет не непосредственно на борьбу с терроризмом, а на разработку и производство новых вооружений. Опасность такой стратегии, пишет Вэйс, очевидна. В стремлении обеспечить свою безопасность США могут сделать ставку на военное вторжение в ущерб другим способам урегулирования конфликтов. Кроме этого, периодическое «оживление» кризисов, за которым следует применение силы, может быть использовано в качестве эффективной электоральной стратегии. Эта стратегия, как полагает автор, содержит высокий риск, так как ее применение усилит антиамериканские настроения во всем мире и приведет к росту «асимметричной угрозы», в том числе к терроризму (с.77–78).

Однако этот сценарий, по убеждению Вэйса, является далеко не самым вероятным. Урегулирование в послевоенном Ираке потребует военного присутствия США в этой стране и ограничит использование американского воинского контингента в других регионах и странах мира. К тому же, после решения «иракского вопроса» и в случае, если не возникнет осложнений в Афганистане и Иране, американская дипломатия скорее всего сконцентрируется на урегулировании арабо-палестинского конфликта. И с этой точки зрения, идея применения глобальной стратегии по ликвидации «опасных режимов» представляется автору маловероятной.

У этой глобальной стратегии существуют и реальные экономические ограничения. Расширение закупок вооружений, расходы на создание противоракетной обороны, проведение военных операций в других странах означают высокую нагрузку на бюджет. Экономическая

составляющая имеет особое значение, учитывая проводимую американской администрацией политику снижения налогов и общие неясные перспективы экономического роста. Кроме этого, будет действовать и ограничение психологического характера. По мере того, как события 11 сентября превращаются в историю, меняется американское общественное мнение. В момент проведения военной операции в Афганистане американцы были едины. Однако с началом военной операции в Ираке общественное мнение стало расслаиваться. Многие американцы были не готовы принять имперскую программу, предложенную неоконсервативной правящей верхушкой. Началась мобилизация в рядах Демократической партии. Ее руководство понимает: чтобы одержать победу на следующих выборах они должны предложить электорату собственное видение внешней политики.

Подводя итог, Вэйс подчеркивает, что все эти факторы дают основание предполагать, что в перспективе внешнеполитический курс будет в меньшей степени нацелен на «интервенцию» и в большей степени — на «управление конфликтами». А это, в свою очередь, станет подтверждением «циклического характера» американской внешней политики, когда на смену активной фазе приходит фаза обдумывания совершенного (с.80).

Н.Ю.Лапина

**ЭНСЕЛЬ ФР., ГЕЗ О.
ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ВАШИНГТОНОМ И
МОСКВОЙ И ИРАКСКИЙ КРИЗИС
ENCEL F., GUEZ O.**

**Le couple Washington-Moscou et la crise irakienne // Politique
intern. – P., 2003. – N 99. – P.171–184.**

Фр.Энсель – профессор, автор книг: «Средний Восток между войной и миром» (Париж: Фламмарион, 2001); «Геополитика Апокалипса» (Париж: Фламмарион, 2002); «Великий союз» (в соавторстве с О.Гезом) (Париж: Фламмарион, 2003).

О.Гез – журналист газеты «Трибюн».

В статье анализируются отношения между Россией и США в начале нового столетия. С момента прихода к власти В.Путин заявил о своем намерении присоединить Россию к «богатым» и «процветающим» странам мира. Трагические события 11 сентября способствовали беспрецедентному сближению России и США. Российский президент был одним из первых, кто позвонил Дж.Бушу сразу после трагедии и со всей определенностью заявил, что Россия сделает все возможное, чтобы виновники трагедии были наказаны. Сразу после этого сотрудничество между двумя странами стало активно развиваться. Оно проявилось в контактах между спецслужбами двух стран; встречах специалистов по вопросам терроризма; обмене телефонными звонками первых лиц двух государств. Одним из «геостратегических проявлений» сближения, как считают авторы статьи, стала высадка на военной базе в Фергане (Узбекистан) тысячи американских солдат. Беспрецедентным был и тот факт, что Москва открыла свое воздушное пространство для военных самолетов США. В начале сентября 2002 г., впервые после окончания

Второй мировой войны, были проведены совместные военные учения двух стран. Сотрудничество США и России становилось все более многогранным. Перечисляя темы, по которым у руководства США и России имеются схожие позиции, госсекретарь США К.Пауэлл в октябре 2002 г. называл следующие: новый Совет по стратегическому сотрудничеству НАТО — Россия; меры, направленные на нераспространение ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения; сокращение ядерных вооружений; освоение космоса; развитие экономического сотрудничества; оказание России помощи с целью развития демократии. «Холодная война, — утверждал Пауэлл, — завершилась. Теперь наступило время сотрудничества наших двух стран, в прошлом остались соперничество и соревнование» (с.174). Сближение США и России, как полагают авторы, определялось и другими факторами. Во-первых, Россия и США в равной степени испытывали опасения в связи с растущим влиянием Китая. Во-вторых, они были заинтересованы в сотрудничестве в нефтяной отрасли: США хотели бы диверсифицировать рынок поставщиков нефти, а СССР — начать осваивать новые нефтяные месторождения и прокладывать новые нефтепроводы. Площадкой российско-американского сотрудничества стала НАТО, которую американский президент попытался превратить в «широкий антитеррористический клуб». Идя навстречу России, США отказались от политики массированного привлечения в Атлантический союз бывших республик СССР. В 2002 г. Москва получила особый статус наблюдателя в НАТО с правом вето по всем вопросам, касающимся стран, входивших в состав СССР. Это решение авторы статьи определили как «подлинную победу прозападнической политики российского президента» (с.174). Но самый большой успех, как считают Энсель и Гез, был достигнут российским лидером по чеченскому вопросу. Умному и прагматичному В.Путину удалось убедить Запад принять российское видение чеченского конфликта. Отныне чеченская война стала рассматриваться на Западе в рамках борьбы с международным терроризмом, а сами чеченские сепаратисты — как пособники исламистов и «Аль-Каиды».

У США, как полагают авторы статьи, были веские основания для сближения с Москвой. К началу нового столетия Россией были накоплены большой опыт антитеррористической борьбы и обширная информационная база о деятельности исламистов в Средней Азии. В марте 2001 г., как сообщают внушающие доверие источники, российская

разведывательная служба передала в ООН доклад, в котором определялось местонахождение баз «Аль-Каиды» в Афганистане; раскрывались особенности деятельности исламистских террористических групп; были названы имена высокопоставленных пакистанских офицеров, которые оказывают поддержку исламистам. В то время этот документ не был достойным образом встречен американской администрацией. После сентябрьских событий 2001 г. российский президент мог сказать Дж.Бушу, что Россия начала борьбу с терроризмом задолго до нью-йоркской трагедии.

Однако партнерство между двумя странами не означало полного единства взглядов, что и проявилось с началом войны в Ираке. Отказ Москвы одобрить военную операцию авторы статьи объясняют тремя факторами. Первое. Это связано с тем, что Москва отстаивает мировой порядок, сложившийся после Второй мировой войны. Статус постоянного члена Совета Безопасности ООН позволяет России В.Путина «сохранять иллюзию мощи». Стремление американской администрации в иракском вопросе обойти ООН и руководствоваться лишь собственными национальными интересами наносило удар по международному престижу России. «Если Совет Безопасности утратит роль в решении вопросов мировой политики, – пишут Энсель и Гез, – Россия будет сведена до уровня державы среднего уровня, обладающей внушительным, но устаревшим ядерным потенциалом» (с.179).

Второе. В своей внутренней политике, считают исследователи, В.Путин вынужден был учитывать мнения представителей своей «старой гвардии» – военных, дипломатов, националистов и прочих «неокоммунистов», для которых Соединенные Штаты «остаются врагом, с которым надо бороться» (с.179). Накануне парламентских выборов российский президент не мог позволить, чтобы у избирателей сложилось мнение, что Россия «подчиняется диктату Вашингтона». Решение президента поддержать США 11 сентября 2001 г. было его личным решением. Ближайшее окружение Путина советовало ему занять более нейтральную позицию в этом вопросе. Впоследствии, как пишут авторы, российский президент выработал очень тонкую линию поведения: не подчиняясь требованиям Белого дома, он, тем не менее, ни в чем не препятствовал американской администрации, а в глазах своих избирателей сохранил образ непримиримого, отстаивающего национальные интересы лидера.

Третье. Россия не разделяет американскую концепцию о существовании «государств-изгоев». Более того, со многими из них она поддерживает экономические отношения. Для президента Путина, полагают авторы, борьба с терроризмом является безусловным приоритетом, однако в своих отношениях с Ираком, Ираном и Северной Кореей Россия проявляет больший прагматизм, чем Соединенные Штаты. Сохраняя отношения с этими государствами, Москва отстаивает интересы мощного российского атомного лобби (Минатом) и других субъектов экономической деятельности, заинтересованных в этом сотрудничестве. Особое место в этом списке принадлежит российским нефтяным компаниям. Обращаясь к этому аспекту проблемы, авторы статьи отмечают, что в 90-е годы Россия столкнулась с угрозой утраты своего влияния на Ближнем Востоке. Исключение составил Ирак: в 2001 г. товарооборот между двумя странами был равен 4 млрд. долл. В рамках программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие» России удалось заключить целый ряд выгодных контрактов. В 2002 г. российские нефтяные компании осуществляли от 35 до 40% экспорта иракской нефти, которая в основном поступала на рынок США.

Экономические связи между Ираком и Россией не ограничивались нефтяной отраслью. Российские энергетики реконструировали старые и строили новые электростанции. Российские автомобилестроители и машиностроители экспортировали в Ирак свою продукцию. По оценкам Вашингтонского центра стратегических и международных исследований, долг Ирака Москве в 2002 г. составил 52 млрд. долл., не считая 7–9 млрд. долл., которые Ирак оставался должен СССР. В этих условиях, как считают исследователи, понятны опасения российских предприятий, которые в случае смены режима в Багдаде теряли свои привилегированные позиции на иракском рынке.

Осенью 2002 г. активизировалась лоббистская деятельность российских нефтяных компаний. ЛУКОЙЛ и ЮКОС усилили давление на правительство России, чтобы инициировать защиту российской нефтяной отрасли по дипломатическим каналам. Одновременно они вступили в переговоры с иракской политической оппозицией с тем, чтобы заручиться ее поддержкой в случае смены режима. Активность России в этом вопросе объяснима. Энерго-носители составляют более 40% российского экспорта. Россия заинтересована как в сохранении объема своих поставок на мировой рынок, так и в поддержании высоких

цен на нефть. После окончания военной операции, завершают статью Энсель и Гез, Соединенным Штатам понадобится поддержка международного сообщества в целях восстановления Ирака. Россия сможет сыграть роль в этом процессе, а американская администрация будет вынуждена считаться с российскими интересами. Если этот сценарий осуществится, это будет означать, что у российско-американского сближения имеются твердые прагматические основы и перспективы.

Н.Ю.Лапина

ЭЙСБУР Ф.
ОПАСНОСТЬ ВСЕМОГУЩЕСТВА
Les risques de la toute-puissance (Entretien avec F.Heusbourg) //
Politique intern. — P., 2003. — N 99. — P.53–68.

Ф.Эйсбур — директор Фонда стратегических исследований, президент Совета Международного института стратегических исследований (Лондон) и Центра политики безопасности (Женева). Автор книг: «Добровольцы 2000 года» (Издательство «Баллан», 1995); «Создание европейской обороны» (2000); «Гипертерроризм: Новая война» (Издательство «О.Жакоб», 2001). Интервью осуществлено журналистом газеты «Либерасьон» Т.Хофнунгом.

Вопрос: Год назад, говоря о террористическом акте 11 сентября 2001 г., вы отмечали, что пока неясно, каковы будут последствия этого события для США: станет ли в результате случившегося американская политика изоляционистской или многосторонней. Как бы вы ответили на этот вопрос сегодня?

Ответ: Можно сказать, что, стремясь установить свое господство в мире, руководители США используют инструменты многосторонней политики. Они одержали победу, когда осенью 2002 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1441, и позже, когда НАТО согласилась защищать Турцию в случае начала войны в Ираке¹. Но если США и стремятся использовать международные организации, они делают это вовсе не ради установления сбалансированного мирового порядка. Цель американской политики —

---

¹ Первоначально Франция, Германия и Бельгия наложили вето на соответствующую резолюцию, подготовленную американской стороной.

превратить США в «единственный центр гравитации» на планете. И в этом смысле мы безусловно приблизились к однополюсному миру.

Но сложившаяся ситуация не является неизменной. Закономерно встают вопросы: будет ли стремление США к гегемонии прогрессировать? Является ли война в Ираке предвестником других аналогичных событий? Или же Вашингтон, убедившись в том, что последствия войны негативно сказались на его отношениях с союзниками по ООН, НАТО и Европейскому Союзу, отступит в своих притязаниях? Пока рано говорить о том, как будут развиваться события.

Вопрос: Не является ли иллюзорным образ «однополюсного мира», учитывая вес, который в ближайшем будущем приобретет динамично развивающийся Китай?

Ответ: Китай не имеет глобального проекта развития, а его амбиции в основном ограничиваются региональными интересами. Роль Китая непрерывно возрастает, но ареал его влияния — это страны, входящие в его ближайшее окружение. Китайский фактор не следует переоценивать. Китайская экономика может соперничать с японской, но не американской. Любые протекционистские меры, принятые США, будут иметь катастрофические последствия для китайской экономики. В военном отношении Китай остается и еще долгое время будет оставаться «карликом».

Вопрос: США, стремясь устранить террористическую угрозу, активно присутствуют в международной политике и делают это без согласования со своими традиционными союзниками. Не идет ли речь об освобождении Америки от ее партнеров?

Ответ: Мы сегодня наблюдаем конец эпохи постоянных союзов. Когда Д.Рамсфелд и П.Вулфовиц заявили, что «задачи определяют коалицию», они по сути определили существующее состояние дел. Заявление руководства Пентагона было сделано накануне начала военной операции в Афганистане (октябрь 2001 г.). Со временем эта установка приобрела стратегическое и политическое звучание. В начале 2002 г. США приняли решение о военной операции в Ираке, не побоявшись расколоть Европу и усложнить внутривосточную ситуацию в Турции. Это свидетельствовало о том, что США придерживаются отныне нового принципа: во внешней политике не существует «вечных партнеров», а есть лишь временные коалиции. Таким образом, можно утверждать, что система международных отношений, выстроенная в конце 40-х — начале 50-х годов и

основывавшаяся на триаде ООН–НАТО–европейское строительство, близится к своему концу.

В вопросе войны в Ираке Совет Безопасности ООН был поставлен перед выбором: либо отстаивать свои позиции и быть выведенным из политической игры, либо признать свою сугубо инструментальную функцию. Серьезные противоречия возникли в НАТО¹. Что же касается объединенной Европы, то идея «Европы-сверхдержавы» сегодня, как никогда прежде, становится «полной химерой». Ущерб, нанесенный этим трем международным институтам, огромен. Конечно, Европейский Союз останется «уникальным пространством», в рамках которого господствуют мир и право. Сохранится военно-политический Североатлантический союз. Но что касается Совета Безопасности ООН, то эта организация рискует утратить роль высшего арбитра, санкционирующего применение в международном сообществе военной силы в том случае, когда речь не идет о легитимной самообороне.

Вопрос: Чем вы объясняете непреклонную позицию США?

Ответ: Шоком, который вызвали события 11 сентября, а также исчезновением СССР. Институты, созданные по окончании Второй мировой войны, утратили свою значимость для ведущей мировой державы. Сегодня США находятся в активной фазе своего развития, и сложно сказать, как долго продлится этот период. Обратят ли США после Ирака свое внимание к Северной Корее? У союзников Америки остается один выбор: стать вассалами или перестать быть союзниками.

Вопрос: Были ли вы удивлены радикализацией умонастроений за океаном?

Ответ: Я не предполагал, что она пойдет столь далеко. В 2003 г. Д.Рамсфелд сравнил ФРГ с Кубой и Ливией. Тем самым руководитель Пентагона выразил мысль, что для него любая страна, которая не поддержала США, относится к «странам-изгоям».

Вопрос: А нельзя ли сравнить подобную реакцию с поведением раненого животного?

Ответ: Очевидно, что во Франции мы явно недооценили шок от событий 11 сентября. Мы не думали о том, что после этих трагических

---

¹ 30 января 2003 восемь стран, включая Великобританию, Испанию, Италию, Данию, Португалию, а также будущих членов Североатлантического союза — Польшу, Чехию и Венгрию, опубликовали заявление о поддержке политики США.

событий стратегия США может кардинально измениться. Лично я не ожидал, что это приведет к нагнетанию антифранцузских настроений.

Вопрос: Не считаете ли вы, что пропасть, образовавшаяся по обе стороны океана и в самом центре европейского континента, является победой Усамы бен Ладена?

Ответ: В этом и состоит суть драмы. Угроза гипертерроризма не вызывает сомнений. Но международное сообщество мобилизует свои силы не против реальной, а против гипотетической опасности. Саддам Хусейн нарушил требования Совета Безопасности ООН, на территории Ирака могло производиться оружие массового уничтожения. Но следует быть откровенным: в тот момент, когда война началась, иракский режим не представлял реальной угрозы для развитого мира. Если бы Дж.Буш, выдвинув ультиматум, определил срок действия — 6 месяцев, ему удалось бы создать коалицию союзников вместо того, чтобы расколоть западный мир на «вассалов США» и их противников (с.57).

Вопрос: США могут обойтись без союзников в ходе войны, но могут ли они себе это позволить, когда речь идет о борьбе с терроризмом?

Ответ: Эффективность этой борьбы зависит от степени взаимодействия государств, которым угрожает терроризм. В условиях обострившейся в США «антиевропейской горячки», я с трудом представляю, что Вашингтону удастся поддерживать необходимый уровень доверия и развивать сотрудничество с разведывательными службами западных стран. А это, в свою очередь, будет ослаблять позиции самих США. Администрация Дж.Буша оправдывает начало военной операции в Ираке связями, которые, по ее убеждению, существуют между Саддамом Хусейном и «Аль-Каидой». Однако американскому руководству так и не удалось предоставить Совету Безопасности ООН убедительных доказательств о наличии подобных связей. На самом деле, объектом «особых действий» США должен был бы стать Пакистан, поскольку исламисты в этой стране получили доступ к национальной ядерной программе. Однако этого не произошло, поскольку Пакистан является союзником США по антитеррористической коалиции.

Вопрос: Справедливо ли предположение, что подлинной целью США является не столько Ирак, сколько Саудовская Аравия, которая, по утверждению некоторых политических кругов в Вашингтоне, поддерживает связи с «Аль-Каидой»?

Ответ: Этой точки зрения придерживаются влиятельные неоконсервативные политики. Но в ближайшем президентском окружении единства мнений на этот счет нет. Президентская администрация была едина, когда речь шла о свержении режима Хусейна, но в отношении других стран и режимов этого региона единство мнений отсутствует. В американском политическом классе существуют два различных течения мысли: неоконсервативное и реалистическое. Неоконсерваторы — это своеобразные революционеры. Неоконсерваторы одержимы идеей распространения во всем мире «американских ценностей». Однако они вынуждены сотрудничать с прагматиками: в то время как они сами хотели бы смены режима в Саудовской Аравии, прагматики, к которым относится вице-президент США Р.Чейни, отстаивают сохранение стабильности в регионе (с.58).

Вопрос: Как Вы относитесь к американским «бонапартистам»?

Ответ: Я не знаю: радоваться или сожалеть о том, что в Вашингтоне они составляют меньшинство. С одной стороны, если США были бы готовы взвалить на себя все проблемы, связанные с решением ближневосточных проблем, почему бы не помочь им? После крушения Османской империи в этом регионе возникли экономически и политически отсталые режимы, в которых нарушаются права человека. И в этом смысле внешнее вмешательство в решение ближневосточной проблемы представляет большой соблазн. Но любая попытка изменить ситуацию на Ближнем Востоке приведет к нарастанию терроризма. В этих условиях «бонапартистская политика» будет означать длительное экономическое, военное и политическое присутствие США в этом регионе. Однако у меня нет уверенности, что американское общественное мнение готово к осуществлению этого проекта. Американские неоконсерваторы, в отличие от европейских интеллектуалов, имели смелость задуматься об изменении ситуации на Ближнем Востоке. Закономерно встает вопрос: что до сих пор европейцы могли предложить народам, проживающим на Ближнем Востоке? Ответ очевиден: политический статус-кво. Двусторонние отношения стран Западной Европы с большинством других государств Дальнего Востока, Латинской Америки, Центральной Африки развиваются с учетом такого фактора, как положение в этих странах в области прав человека. Однако этот принцип никогда не распространялся на режимы, возникшие на Ближнем Востоке.

Вопрос: Отражается ли наличие в президентской администрации различных течений на отношение к израильско-палестинскому конфликту?

Ответ: Президентское окружение в целом положительно относится к Израилю, но по разным причинам существует просионистское течение, представленное евангелистами из христианской коалиции. Это течение сугубо идеологическое, а его сторонники еще больше сионисты, чем настоящие сионисты. Идейно к ним примыкают такие политики, как Р.Перл и П.Вулфовиц, занимающие просионистские позиции из дружбы к Государству Израиль. Есть в президентском окружении и представители «нефтяников». Среди них Р.Чейни, Фр.Карлуччи, собственно семья Бушей. Эти политики поддерживают израильское руководство, поскольку оно ведет борьбу с терроризмом. Но при этом поле маневра у президентской администрации ограничено электро-ральными соображениями и предстоящими в 2004 г. президентскими выборами.

Вопрос: Каковы были мотивы американского руководства, когда оно начало военную кампанию в Ираке?

Ответ: Вопреки широко распространенному в Западной Европе и России мнению, военная операция не была связана с нефтью. Конечно, американские компании заинтересованы в расширении экспорта иракской нефти, что станет возможным лишь при условии внешних инвестиций в нефтяную отрасль. Но не следует забывать, что и при С.Хусейне Ирак экспортировал немалую долю своих запасов в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие». В 2002 г. иракская нефть составляла 10% от нефтяного импорта США, и Соединенные Штаты являлись основным «клиентом» Багдада.

Вопрос: Некоторые аналитики обращают внимание на реваншизм Дж.Буша и его ближайшего окружения.

Ответ: Мнение, что нынешний президент руководствовался соображением о том, что следует завершить начатую «работу», широко распространено как среди республиканцев, так и среди демократов. В Вашингтоне считают, что было ошибкой не свергнуть Хусейна в 1991 г. В других западных странах, наоборот, всегда положительно оценивали «мудрое» решение, позволившее сохранить союз западных стран с частью мусульманского мира. Этого бы не произошло, если бы в 1991 г. американские войска дошли до Багдада.

Начиная с 1998 г. среди официально заявленных задач американской внешней политики значится свержение С.Хусейна. Впервые эта цель была сформулирована в годы президентства Б.Клинтона. Возвращаясь к поставленному вопросу войны в Ираке, Ф.Эйсбург отмечает, что не готов рассматривать войну в Ираке как «дикое проявление комплекса» у Дж.Буша.

Вопрос: Остался вопрос: зачем вести военную операцию любой ценой?

Ответ: Сразу же после террористического акта 11 сентября в окружении президента стала настойчиво высказываться мысль, что благоприятный момент для свержения Хусейна наступил. Патриотический подъем и ощущение угрозы сформировали в обществе позитивное отношение к войне. В Вашингтоне было принято решение, что на какое-то время приоритетным направлением станет война в Афганистане. Но с конца 2001 г. началось планирование военной операции в Ираке.

Вопрос: Считаете ли Вы, что американцы достаточно продумали вопрос о послевоенном устройстве Ирака?

Ответ: Они достаточно много размышляли на этот счет. Насколько адекватны предложенные ими решения, судить пока рано. По крайней мере, они попытались объединить различные силы, представлявшие политическую оппозицию режиму С.Хусейна, включая действующие в Ираке гигантские организации. Они осуществляли военную и гражданскую подготовку представителей иракской диаспоры в США, а эти люди составляют 10% населения Ирака. Европейцы в этом вопросе вовсе не преуспели, они даже не пытались наладить контакты с политической оппозицией.

Вопрос: Возможно, США продумали вопрос о послевоенном устройстве Ирака. Но не следовало ли проявить в этом вопросе большую осторожность, учитывая сложности, возникшие в Афганистане и Боснии?

Ответ: Ирак всегда был «настоящим» государством, даже если его национальное единство было проблематичным. В перспективе в Ираке возникнут подлинное гражданское общество со своим средним классом, слой менеджеров, своя интеллигенция. Иракцы способны руководить своим национальным государством. Правительство, которое будет сформировано в Ираке, не сможет быть управляемо из США. А следовательно, руководители страны будут вынуждены искать других

партнеров с тем, чтобы расширить собственное пространство политического маневра. Где в этот момент окажутся европейцы? Где те связи, которые должны были бы существовать между иракскими и европейским политиками и интеллектуалами?

Вопрос: Какой режим следует со временем установить в Ираке?

Ответ: На первых порах страна будет нуждаться в военном американском руководстве, присутствие которого позволит избежать столкновений между курдами и турками, а также восстаний шиитов на юге страны. Но это решение может быть только временным, американцы совершили бы грубую ошибку, если бы решили установить в Ираке военный режим на длительную перспективу. В Ираке этот сценарий неосуществим.

Вопрос: Нет ли ощущения, что американцы «ввязались» в авантюру, которая может продлиться еще 20–30 лет?

Ответ: Следует сопоставлять сопоставимое. Боснийской нации прежде не существовало. Афганистан был не национальным государством, но союзом племен, которые объединились вокруг короля. Ирак — это национальное государство: он не нуждается в «конструировании наций», ему нужна инфраструктура. Соединенные Штаты должны решить: остаются ли они в Ираке после устранения Хусейна, чтобы помочь иракцам восстановить и защитить свою страну. Закономерно встает вопрос: готовы ли американцы предпринять подобные усилия? Помогут ли они иракцам избежать создания оружия массового поражения? Будут ли они готовы на длительную перспективу обеспечить безопасность Ирака? (с.64).

Вопрос: Начиная военную операцию в Ираке, США мотивировали это решение угрозой, что «Аль-Каида» может получить доступ к иракским разработкам оружия массового поражения. Не допустима ли эта аргументация и в случае Северной Кореи?

Ответ: Хусейн был не способен поделиться хотя бы частью своего могущества. В этом отношении Северная Корея — в большей степени постмодернистская страна: она готова продавать кому угодно, что угодно. Пхеньян продал Ирану, Ливии, Пакистану, Египту технологию баллистических ракет. «Для этой страны оружие массового поражения является не только средством, обеспечивающим ее выживание, но и обменным ресурсом» (с.64). К сожалению, международное сообщество до сих пор не сделало того, что обязано сделать: признать нелегальными коммерческие сделки с Северной Кореей в области высоких технологий.

Совет Безопасности ООН должен был бы признать, что северокорейские разработки представляют угрозу для мира и международной безопасности.

Вопрос: Чем Вы объясняете американское сверхтерпение в этом вопросе?

Ответ: Тем, что внимание США было сосредоточено на Ираке.

Вопрос: Как Вы оцениваете позицию, занятую французскими властями в иракском кризисе?

Ответ: Кризис нанес удар по престижу Западного мира. Для Франции последствия иракского кризиса особенно ощутимы. Франция — по масштабам средняя страна, заинтересованная в многостороннем сотрудничестве, а не в статусе сверхдержавы. Франция — постоянный член Совета Безопасности ООН, и мы много бы потеряли, лишившись этого статуса.

Европейский Союз сегодня оказался без концепции внешней политики и без политики в области безопасности. В нынешнем состоянии ЕС не может выступать в качестве влиятельной силы на международной арене. Какой проект в этих условиях для себя выберет Франция? Великобритания со времен Суэцкого кризиса заключила военный союз с США. Франция в своей внешней политике сделала ставку на европейское строительство. И в случае, если этот проект прекратит свое существование, Франция лишится политического влияния (с.66)

Вопрос: Сможет ли Франция выступить в роли участника переговоров по вопросу о послевоенном устройстве Ирака?

Ответ: Как можно оказывать влияние на положение дел в мире, если Франция более не располагает таким оружием, как Европейский Союз? В ходе иракского кризиса выбор у Франции был ограничен. Она могла поддержать США или остаться в стороне. Более всего меня беспокоит отсутствие у французской дипломатии альтернативной политики, поскольку отказ поддержать США еще не является самостоятельной политикой.

Вопрос: Является ли однополярный мир более опасным, чем эпоха «холодной войны»?

Ответ: Новый мировой порядок характеризуется отсутствием равновесия. Кроме этого, существует опасность терроризма. Вместо того, чтобы сплотить свои силы перед лицом международного терроризма, западный мир погряз в противоречиях. Основную

ответственность за сложившееся положения несут Соединенные Штаты, но и Франция внесла свою лепту. Достаточно вспомнить, в какой тональности руководство Франции ведет диалог с новыми членами ЕС – странами Центральной и Восточной Европы. Если Франция хочет создать многополярный мир, ей необходимо обзавестись хорошими друзьями. А кроме того, настал момент, когда Франция должна серьезно задуматься о необходимости перемен на Ближнем Востоке.

Н.Ю.Лапина

КЮШ П.
ИРАК: А ВДРУГ ФРАНЦИЯ ОШИБЛАСЬ?
CUCHE P.
Irak: et si la France s'était trompée? // Politique étrangère. —
P., 2003. — № 2. — P.409–422.

В статье Паскаля Кюша, французского адвоката, проводится анализ возможных последствий для Франции, связанных с ее позицией по Ираку.

Французское общественное мнение не просто не поддержало войну в Ираке. Результаты опросов превзошли, по мнению автора, все ожидания. По этим результатам, каждый третий француз желал победы Ираку. 34% французов ответили, что они скорее на стороне США и Великобритании. Паскаль Кюш напоминает, что Франция является страной, где традиционно были сильны демократические традиции. А выражение солидарности с Ираком он рассматривает как поддержку тирании. Если США в течение продолжительного времени воспринимались как «носители идеалов свободы и демократии в мире, то теперь они воспринимаются... как антимodelь...» (с.410). Доброжелательное и сочувственное отношение к США в мире, вызванное событиями 11 сентября, быстро сменилось на противоположное в связи с войной в Ираке.

В глазах общественного мнения так называемая «ось зла» (Ирак, Иран, Северная Корея) не более, чем бедные страны, жертвы американской гегемонии. А американская агрессия против Ирака, по мнению Э.Тодда, изложенному в книге «После Империи», показала миру США как «страну, находящуюся на пути демократического регресса, пытающуюся утвердить свое могущество с помощью непрерывной войны

против слабых...» (с.410). Усилению в обществе антиамериканских настроений способствовала и жесткая позиция Франции по проблеме Ирака.

По мнению автора, во время иракского кризиса Франция уклонилась от принципа реальности. Занятая ею позиция фронтального противостояния США не соответствовала статусу ее как средней державы и не была подкреплена реальной мощью. Жесткая, лишенная гибкости позиция Франции не оставляла ей никаких путей для отступления и подразумевала единственный победный вариант: подчинение США воле ООН. Таким образом «Франция сама поставила себя в ситуацию дипломатического провала с трудно предсказуемыми последствиями» (с.412).

Проигрыш Франции способствовал отходу от многосторонности в решении общегосударственных проблем, ослаблению межатлантических связей, расколу внутри Европейского Союза между «атлантистами» и сторонниками независимой Европы.

Иракский кризис стал проявлением глубокого разногласия между США и Европой в вопросе выбора способов решения международных конфликтов. С падением Советского Союза исчезла «империя зла», в борьбе с которой формировалась самоидентичность стран Запада. Лишившись врагов, Соединенные Штаты попытаются найти новых, что будет способствовать укреплению Североатлантического блока. «Ось зла» является наследницей «империи зла». Автор приводит мнение С.Хантингтона, согласно которому, неизбежно столкновение цивилизаций, ислама и Запада. Восстановлению западной самоидентичности под влиянием США будет способствовать сплочение против исламизма, терроризма и «государств-изгоев», поддерживающих терроризм или угрожающих равновесию на планете в вопросах политики распространения вооружений.

Однако по данной проблеме существуют и другие мнения. Так, Э.Тодд полагает, что Соединенные Штаты настойчиво ищут врагов с тем, чтобы поддержать «иллюзию нестабильной, опасной планеты, нуждающейся в них для своей защиты» (с.413). Тогда как в действительности всеобщий терроризм не более, чем миф.

Прибегнув к силе в Ираке без согласия европейских партнеров (за исключением Великобритании и Испании), США тем самым продемонстрировали роль силы в международных отношениях, и это еще раз наглядно показало разрыв между ними и Европой, отдающей

предпочтение дипломатии как инструменту регулирования. Однако положение, высказанное Р.Каганом в его работе «Сила и слабость», о том, что Европа отошла от применения силы, войдя в новую эру, «постисторический рай», где повсюду — мир и процветание, возможно, по мнению автора статьи, лишь постольку, поскольку Соединенные Штаты «остались» в истории, продолжая использовать свою мощь при решении спорных вопросов. Предпочтение, отдаваемое европейскими странами правовым путям, переговорам и сотрудничеству между народами, не может служить оправданием инертности демократических обществ в отношении тиранических режимов, считает автор. По мнению Р.Кагана, «Европа смотрит на мир глазами слабого» (с.414). Тогда как Америка при нынешней республиканской администрации в отличие от предыдущей отдает предпочтение грубой силе («hard power») как инструменту внешнеполитического регулирования. Иракский кризис, по мнению автора, показал различия в определении ценностей: Соединенные Штаты — в постоянном поиске нового, Европа — застыла в своих убеждениях, лишена инициативы и способности действовать. В связи с этим возникает ассоциация с Мюнхенским синдромом 1938 г., когда либерально-демократические силы оказались неспособными выступить против фашистских режимов. Основным определяющим фактором мощности державы является ее военная сила. «Страна может излучать на весь мир притягательность своей культуры, оставаясь при этом политическим карликом» (с.416). По результатам недавнего опроса, 91% французов хотели бы видеть Европу сверхдержавой, однако автор питает сомнения, что общественность готова к тому, чтобы в национальных бюджетах произошло значительное перераспределение средств в пользу военных расходов и чтобы в случае необходимости были использованы силовые методы решения международных конфликтов. И в этом он видит противоречие.

Рассуждая о независимости США в принятии решений в отношении Ирака, автор отмечает два момента. Во-первых, она является проявлением сверхмощи, способности обходиться своими силами. Во-вторых, односторонний характер американской внешней политики подразумевает слабость тех, кто ее оспаривает, в данном случае стран «Старой Европы». «Соединенные Штаты знают, что могут полагаться только на себя, обеспечивая собственную безопасность и безопасность всего свободного мира» (с.417).

Автор оправдывает, таким образом, отказ США от многосторонности тем, что они учитывают реальную ситуацию: если первоначально ООН была задумана как механизм коллективной безопасности, для разрешения конфликтов общими усилиями, обеспечения стабильности в мире и избежания новых гражданских войн в Европе, то ныне США видят в коллективности действий препятствие для их политики обеспечения безопасности. Одно-сторонний подход в принятии решений «представляет ныне для них единственный возможный путь для восстановления стабильности в мире и, в частности, собственной безопасности» (с.417).

Автор видит за борьбой США с терроризмом и иную цель: желание способствовать развитию демократии на Ближнем Востоке и, для начала, в Ираке. Аргументируя американскую позицию в отношении Ирака, Дж.Буш заявлял: «...Мы не создаем новую проблему, мы беремся за уже существующую проблему. И мы поведем за собой государства для ее урегулирования» (с.419). Взятие на себя функции наведения порядка в мире и применение силы с этой целью показывают имперское сознание США, сознание своей мессианской роли. Подобная позиция и риторика были, впрочем, свойственны им и раньше, как при президенте В.Вильсоне в начале XX в., так и при У.Черчилле во время Второй мировой войны.

Рассматривая последствия позиции Франции в иракском вопросе для нее самой, автор отмечает, что эта позиция невольно спровоцировала подъем антиамериканских настроений внутри собственной страны. Это касается как негативного отношения к личности нынешнего американского президента, так и содержания его политики.

Автор приходит к следующим выводам. Во-первых, отход от принципа коллективности в решении иракского вопроса может осложнить послевоенное урегулирование в Ираке. Во-вторых, эти события вносят неопределенность в отношении будущего Североатлантического альянса. Встает вопрос, в чем будет состоять отныне его значение. Тем не менее, он полагает, что разница между общественными мнениями по обе стороны Атлантического океана меньше, чем между позициями политиков. Так, опрос, проведенный Немецким фондом Маршалла (German Marshall Fund) и Чикагским Советом по международным отношениям (Chicago Council on Foreign Relations), показал, что большинство американцев поддерживали войну в

Ираке при том условии, что она будет вестись с одобрения ООН и при поддержке союзников.

Подводя итоги, автор задается вопросом, стоит ли французской внешней политике стоять на столь ярко выраженной проарабской позиции, если только она не хочет заниматься систематическим противостоянием Соединенным Штатам. Еще одно заключение – о политической и стратегической слабости Европы. По мнению автора, это – реальность сегодняшнего дня, и, чтобы изменить ее и соперничать с США, Европе предстоит пройти долгий путь. И наконец, иракский кризис сделал очевидным основополагающий принцип регулирования международных отношений на много-сторонней основе. В случае глубоких разногласий между сверхдержавой и другими государствами в рамках международной организации, в ситуации, когда эта сверхдержава имеет явный перевес в силе, лишь наличие противовеса этой сверхдержаве может удержать ее от игнорирования мнения большинства и действий в одностороннем порядке.

Итак, автор приходит к выводу, что последствия позиции Франции были негативными как для самой Франции, так и для Европы, а также для отношений между ними и Соединенными Штатами.

Е.Л. Ушкова

Раздел 3

ИРАК ПОСЛЕ ВОЙНЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ СТРОИТЕЛЬСТВА НОВОГО ОБЩЕСТВА

**БАЙМЕН Л.Л.
СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОГО ИРАКА:
РОЛЬ СИЛ КОАЛИЦИИ
BYMAN L.L.**

**Building the new Iraq: the role of intervening forces // Survival. – L.,
2003. – Vol. 45, N 2. – P.57–71.**

Л.Л.Баймен (Джорджтаунский университет и Брукингский институт, США) утверждает, что для британских и американских вооруженных сил оккупация Ирака окажется более трудной, чем предполагалось. Сейчас, когда Саддама уже нет, солдаты-интервенты должны помочь беженцам и перемещенным лицам реорганизовать разваленную иракскую инфраструктуру и восстановить разрушенное войной, помочь новому Ираку стать демократическим и трансформировать его вооруженные силы. Новые лидеры Ирака должны отказаться от производства оружия массового поражения (ОМП) и восстановить мирные отношения с соседними странами. Эти амбициозные цели встречают много препятствий. Убедить новых лидеров Ирака отказаться от ОМП будет непросто. Демократия будет строиться с трудом. В Ираке слаба традиция разделения властей. Турция, Иран и Сирия часто вмешивались в дела Ирака и могут это повторить, если здесь образуется вакуум власти. Хотя многие из этих проблем политические и дипломатические, главный удар при любой неудаче будут испытывать вооруженные силы интервентов.

Считается, что в течение первого года необходим 100-тысячный контингент, а цена перестройки и оккупации превысит 100 млрд. долл., военное присутствие продлится десять или более лет. Коалиционные силы уязвимы для террористов. Поддержка ООН или НАТО может быть

ограничена из-за разногласий в обеих организациях по поводу военной акции США. Преодоление этих препятствий потребует осторожного применения силы и дипломатии. «Поддержка ООН и участие войск НАТО укрепит легитимность интервенции и сократит бремя США и Великобритании» (с.56). Политические лидеры стран-интервентов должны сообщить своим народам, что оккупация займет много лет, будет чрезвычайно дорогостоящей и может привести к потерям в живой силе. Особенно важно, чтобы иракцы добровольно поступали на государственную службу и занимали не последние посты в управлении, чтобы создать впечатление «минимизации надзора со стороны империализма».

Силы коалиции обнародовали свои цели: установить в Ираке порядок, покончить с программами ОМП, помочь Ираку создать систему разделения властей, реформировать его вооруженные силы и перестроить региональную систему безопасности. Все эти пять задач комплексны и проблемны. Если в Ираке наступит хаос, это будет означать, что сама война проиграна.

Коалиционные силы вынуждены останавливать грабежи и противостоять враждебным толпам. Даже если сейчас напряжение спало, а Саддам свержен, бандиты и мстители вряд ли будут поддерживать установление порядка. В Ираке множество горячих точек: враждующие племена, этнические группы и религиозные общности с трудом взаимодействуют друг с другом. К тому же иракские солдаты могут превратиться в бандитов. До войны иракские вооруженные силы насчитывали приблизительно 350 тыс. военнослужащих и более 300 тыс. резервистов. Если они останутся значимой военной силой, это создаст опасность для нарождающейся демократии: высвобождение нескольких сотен тысяч молодых мужчин может стать ресурсом для пополнения радикальных группировок, если они не найдут работу или не смогут другим способом определиться в обществе. Широкомасштабные убийства в отдаленных территориях в свою очередь могут создать общую панику и привести к запугиванию людей, что заставит их обратиться к племенным или этническим группам в поисках защиты. Это обострит обстановку в Ираке.

Коалиционные войска должны предотвратить выступления курдских сил. Из множества иракских сообществ курды – приблизительно 20% общего населения страны – больше всех пострадали при режиме Саддама. Багдад уничтожил и депортировал

сотни тысяч курдов, поощрял жесткую арабизацию курдских земель, включая богатый нефтью Киркук и его окрестности. В настоящее время курды являются хорошо вооруженной и организованной силой в Ираке, у них десятки тысяч бойцов, которые легко могут захватить Киркук и всю северную часть страны с историческим большинством курдского населения. До сих пор курдские лидеры проявляли сдержанность, но любой захват какой-то территории может стать основанием для будущего конфликта между курдами и новым центральным правительством в Багдаде.

Поскольку одной из первых целей свержения режима Саддама названо уничтожение ОМП, необходимо, чтобы будущее правительство Ирака было его убежденным противником и использовало своих инженеров и ученых для быстрой перестройки существующих программ, в частности, биологической. Тот факт, что исторический враг Ирака Иран и потенциальный враг – Израиль владеют ОМП, а также слабость страны по сравнению с Турцией будут вызывать желание обладать ОМП для уравнивания сил. Кроме того, химическое оружие широко использовалось Ираком в ходе войны с Ираном. Поэтому нажим на Ирак с целью остановить программы ОМП будет непопулярным даже после падения режима Саддама.

Еще труднее, чем проблема обеспечения безопасности, задача политической реконструкции. Администрация Буша намерена помочь Ираку построить демократическое общество. Однако, по мнению А.Романовской, американского чиновника, специализирующегося по Ближнему Востоку, «Ирак представляется мало-обещающей почвой для демократии» (с.59); этот взгляд разделяют многие эксперты. Даже если все пойдет хорошо, потребуется время для появления новых лидеров, поскольку иракское гражданское общество разрушено, а его этнические и конфессиональные сообщества не имели демократической практики.

Иракские вооруженные силы также должны быть реформированы. Они в основе своей недемократичны: их главной задачей было увековечивание жестокой диктатуры; большая часть интеллектуальных военных сил объединялась в Республиканскую гвардию, а преторианские силы – в Специальную Республиканскую гвардию. Эти части следует ликвидировать, но ограниченной чистки недостаточно, требуется серьезное сокращение регулярных армейских сил и ограничение их роли в системе безопасности страны в ближайшем будущем. Иракские регулярные войска были менее лояльны режиму

Баас, чем гвардия, но наибольшая часть старших офицеров была политизирована. В результате «уровень баасизации (или, точнее, саддамизации) глубок» (с.60). Кроме того, многие офицеры находились под сильным влиянием националистических сил.

Особенность иракских вооруженных сил — господство в руководстве суннитов и особенно племен, близких к Саддаму. Высшее офицерство состоит преимущественно из арабов-суннитов из нескольких избранных племен. Поэтому в армии сохранится преимущество только одного из иракских сообществ. Иракская оппозиция считает, что старшие офицеры «скомпрометированы» и армия «не может и не должна пользоваться доверием в национальной политике» (с.60).

Безопасность в стране не может быть установлена без помощи коалиционных сил. Без них соседние страны смогут вмешаться в иракские дела. Турция и Иран уже посылали свои войска в Ирак и могут повторить это теперь, когда Саддам пал. Турция может вмешаться в гражданскую войну против курдов, а Иран — использовать иракских беженцев, которых он вооружил и подготовил. Вдобавок, Тегеран опасается, что Ирак будет сотрудничать с Вашингтоном против Ирана. Поэтому актуален вопрос, как добиться стабильности в регионе, которая позволит вывести коалиционные силы.

Вышеназванные пять задач требуют содержания крупных военных контингентов, особенно в первые два года. Коалиционные силы должны позаботиться о том, чтобы ОМП не попало в руки воюющих группировок, иностранных правительств или террористических групп. Необходимо быстро подавлять дестабилизирующие провокации; гарантировать, легитимность выборов, обеспечить безопасность демократическим официальным лицам, поддержку кандидатам.

После первого года (а возможно, и полугода, если все пойдет хорошо) численность войск может быть сокращена до 20 тыс. Но при неблагоприятном течении событий силы интервентов должны быть готовы увеличить свой контингент. Это необходимо в случае: массового терроризма; прямой иранской или турецкой интервенции или поддержки ими повстанцев; сопротивления местных руководителей, которые препятствуют распределению гуманитарной помощи или подготовке выборов. Создание новых правоохранительных структур и новой иракской армии потребует более широкого и длительного присутствия интервентов, чем предполагалось изначально. Неудача реформы вооруженных сил может негативно сказаться на нарождающейся

демократии Ирака. Иракские вооруженные силы должны контролировать все гражданские процессы по урегулированию положения в стране. Это может быть достигнуто в процессе обучения новых рекрутов и офицерского состава. Однако это потребует и реорганизации в структурах власти, для которой необходимо присутствие многочисленных коалиционных сил. При формировании новой армии следует отменить воинскую повинность и значительную часть сил держать в резерве. Пока не будет отстранено старое суннитское офицерство, трудно ускорить создание новой профессиональной армии. Даже если в армию брать арабов-не-суннитов, понадобятся десятилетия для их профессиональной подготовки. Включение малоквалифицированных не-суннитов в руководство армии сделает ее менее эффективной, хотя и более репрезентативной и неопасной. Высшие офицеры должны быть уволены на пенсию из-за их связи с саддамовским режимом, офицеров второго уровня, в значительной степени лояльных режиму, следует поощрять к отставке.

Коалиционные силы должны развернуться по всей стране. Помня опыт Афганистана, они должны заменить расформированную полицию и гражданских служащих. В политически важных (например, Багдад) или потенциально опасных (например, Тикрит – родина Саддама) территориях присутствие войск должно предотвращать возможные выступления противников демократических преобразований и предотвратить военную интервенцию со стороны Ирана и Турции; оно позволит регулировать потоки помощи, пресекать контрабанду, передвижения террористов. Полностью закрыть границы нереально, но если турецкую границу американские силы могут патрулировать, не возбуждая опасения Анкары, то подобный патруль близ иранской границы вызовет у Тегерана подозрительное отношение к новому режиму в Багдаде, поэтому патрулирование здесь лучше проводить силами западных стран.

В идеальной перспективе, Ирак может стать частью широкой региональной системы безопасности, включающей государства Персидского залива и, возможно, Иорданию и Египет. Создание такой системы займет много лет. Соответственно, США должны подготовиться к своему долгому военному присутствию в Ираке. Изначально американцы несли основную тяжесть войны и были лидерами принудительной смены суверенного правительства Ирака.

Поэтому чтобы ослабить политическую враждебность к США, они должны ограничить свою роль публичного лидера.

Некоторые союзники США предпринимают значительные усилия в сфере гуманитарной интервенции, например, канадская бригада и итальянские carabinieri. Иордания, Марокко и Египет могут предложить небольшое число обученных солдат, но политически важно иметь в Ираке войска стран региона.

Со временем сами иракцы должны играть большую роль в управлении страной. В течение первого года иракские вооруженные силы должны сосредоточиться на двух задачах: 1) связь с коалиционными силами и снабжение их необходимой информацией; 2) восстановление своего общественного лица. США и НАТО должны формировать смешанные образования с участием иракцев, особенно это касается полиции. Это гарантирует уменьшение напряженности в отношении западных вооруженных сил.

Риск удара в спину – наибольшая опасность для коалиции. Хотя большинство иракцев приветствовали интервенцию США в мае 2003 г., эта благосклонность может со временем уменьшиться (опыт Сомали в 1992–1993 гг.). Члены антисаддамовской оппозиции, особенно шииты, связанные с Ираном, уже критиковали США; Дж.Талабани, лидер Патриотического союза Курдистана, заявил: «Если мы в главном не соглашаемся с иракцами, как мы в главном согласимся с американцами?» (с.65). Даже те иракские лидеры, которые не находятся в личной или идеологической оппозиции к США, станут рассматривать силы интервенции как угрозу своей власти. Имевшие власть при режиме Баас могут разжечь антиамериканские чувства, чтобы вернуть свою власть. Через короткое время риск удара в спину возможно будет преодолен, тем более, что военачальники в Ираке слабее, чем в Афганистане, Сомали или на Балканах. Долгосрочный сценарий предположить трудно, ошибочные шаги коалиционных сил или невыполнение обещаний относительно выборов или общественных прав могут разжечь национальные чувства.

Коалиционные силы должны: 1) быстро найти средства преодоления бедности иракского народа, гарантировать обеспечение гуманитарной помощи; 2) по возможности действовать через ООН, чтобы легитимизировать оккупацию; 3) стремиться уменьшить ощущение оккупации; 4) по возможности быстрее дать понять, что иракцы принимают участие в решении главных проблем страны, а иностранные

силы действуют вместе с ними и для них, а не в собственных интересах; 5) обеспечить прозрачность своих действий, что обеспечит информацию о планах иностранных сил и об условиях их ухода из страны. Симпатии местного населения – ключ к успешному противодействию негативным настроениям и возможным конфликтам. Но даже при наилучших обстоятельствах западные силы будут нести потери. Множество опасностей для американских сил создает «Аль-Каида», которая рассматривает оккупацию как еще один эпизод американского империализма на Ближнем Востоке. Размещение коалиционных войск в отдаленных частях Ирака для обеспечения местной безопасности сделает их еще более уязвимыми.

В ходе оккупации важна и дипломатическая деятельность. Франция и Германия серьезно осуждали США перед войной. Россия твердо возражала против войны в Ираке, а Европа разделилась. В любом случае для успеха интервенции жизненно необходим мандат ООН. Ее авторитет будет компенсировать обвинения в империализме и колониализме, но многие мусульмане всегда рассматривают ООН как порождение Вашингтона, и одобрение ею оккупации только усилит такое восприятие.

Наиболее крупные неопределенности у администрации Буша будут не в Ираке, а в США, особенно в связи с потерями ранеными и убитыми в результате террористических актов. Война потребует и значительных финансовых жертв. Оценки расходов на оккупацию имеют большой разброс: Бюджетное управление конгресса оценивает их от 1 млрд. до 4 млрд. долл. в месяц; некоторые общие оценки превышают 100 млрд. долл. Налогоплательщики столкнутся с сокращением социальных программ и ростом налогов.

«Бремя оккупации тяжело, но неудача в построении мирного и демократического Ирака была бы бедствием» (с.68). Хаос в Ираке или возврат к тирании станут благодатной почвой для терроризма и могут вызвать поиски ОМП и дестабилизацию в регионе. Необходимо восстановить трансатлантическое согласие между Францией, Германией, Великобританией и США по поводу войны, подготовить своих избирателей к длительным финансовым расходам и послевоенной гибели солдат, гражданских служащих и персонала агентств помощи (эти потери возрастут сейчас, когда война закончилась). Наконец, повторяет автор, следует постоянно вовлекать иракцев в управление страной, это защитит войска от терроризма и укрепит популярность

иракского руководства. Поскольку война воспринимается арабским миром как версия колониализма XXI в., «наилучший способ для коалиции преодолеть это представление – посредством разумной политической рекон-струкции продемонстрировать, что иракцы сами желают нового режима, могут его совершенствовать и будут процветать при нем» (с.69).

С.М.Макарова

**ВИММЕР А.
ДЕМОКРАТИЯ И ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЙ
КОНФЛИКТ В ИРАКЕ
WIMMER A.**

**Democracy and ethnoreligious conflict in Iraq // Survival. — L.,
2003—04. — Vol. 45, № 4. — P.111—133.**

По мнению профессора социологии Калифорнийского университета (Лос-Анджелес, США) А.Виммера, война в Ираке, представляемая то как «освобождение от тирании», то как «завоевание с целью покорения арабской нации», должна скорее рассматриваться как «еще один пример взрывного крушения государственности (state implosion), сравнимого с [ситуацией в] Сомали, Сьерра-Леоне, Колумбии или Заире, где центральные политические институты обрушились в результате войны, завоевания, революции или комбинации трех перечисленных факторов» (с.111). Для стабилизации ситуации необходимо преодоление ряда фундаментальных препятствий. Длинный список включает такие «технические проблемы, как восстановление инфраструктуры, открытие заново больниц и школ, ...воссоздание государственной монополии на насилие, политическая задача создания надежного временного правительства, и, наконец, трудность выбора верных институтов, которые обеспечат функционирование демократии в Ираке» (там же).

«Успешная демократизация особенно важна с позиций американской внешней политики, так как главное обоснование войны сместилось от уничтожения опасного оружия к смене режима. Простая передача власти группе экс-генералов и чиновников баасистской партии была вне обсуждения. Баасисты в настоящее время опять вступили в

ряды новых полицейских сил, администрации и армии, однако реконструкция их однопартийного режима не рассматривается. Президент Дж.У.Буш заявил о своей приверженности идее сделать Ирак демократически управляемой и «свободной» страной. «Демократия может столкнуться с трудностями. Ввиду достаточно неблагоприятных обстоятельств администрация попала в ловушку собственных обязательств» (с.111–112). Особенно сложным представляется: во-первых, отсутствие у определенной части политических сил Ирака стремления к демократии в западном стиле, поскольку доминантные на данный момент силы (например, в шиитском лагере) исторически не склонны к секуляризованной политической системе с четким разделением властей; во-вторых, политические противоречия, вызванные демократизацией, превышают возможности разрешения конфликта. Демократия чревата опасностью, так как требования курдов, шиитских и суннитских лидеров могут спровоцировать центробежные силы, которые не сможет сдержать слабый центр.

«Общая проблема “нелиберальной демократии” рождает вопросы времени и внешней поддержки: когда должны быть проведены выборы и какие действующие лица лучше всего подойдут для поддержки извне демократической передачи власти? Два этих вопроса связаны между собой, так как различные действующие лица могут быть ограничены временными периодами для легитимного действия в Ираке» (с.125).

Среди экспертов по демократизации существует всеобщее согласие, что прежде чем проводить выборы, необходимо установить государственную монополию в разрешении проблем, связанных с насилием, утвердить верховенство закона, разделение властей и легитимность функционирующей партийной системы. Потребуется время, чтобы начали адекватно функционировать некоррумпированные силы правопорядка, независимые ветви власти (дееспособная судебная и профессиональная законодательная), политические партии. Гражданам в свою очередь необходимо время для приспособления их поведения к новым обстоятельствам, преодоления всех последствий неопределенности, типичных для тоталитарных режимов и развития собственного видения политического будущего. Созыв парламента и выборы правительства могут последовать позже и в действительности представлять собой последний, а не первый шаг в процессе демократизации.

В случае с Ираком поспешная демократизация может вызвать негативные последствия в политической системе, опирающейся на подавление инакомыслия и репрессии. Достаточное количество времени должно быть предоставлено для формирования партий и организаций гражданского общества, не ассоциирующихся с существующими этнорелигиозными программами.

Следует поощрить Коммунистическую партию, чье руководство вернулось из изгнания в Сирии, к воссозданию надэтнического властного базиса. Баасистам необходимо разрешить перегруппироваться под новым руководством и трансформироваться в современную консервативную партию с панарабизмом в качестве основополагающей доктрины. Другим организациям, таким как бизнес-группы, профсоюзы, и прочим действующим лицам гражданского общества, необходимо предоставить возможность создать собственную организационную инфраструктуру. Для этого необходима поддержка самых профессиональных в этой сфере институтов.

Но даже при интенсивном внешнем финансировании и материально-техническом обеспечении у надэтнических партий могут быть огромные трудности в собирании голосов, пока общество все еще борется с последствиями этнической войны. Поддержка таких партий и организаций — мероприятие со среднесрочной перспективой. Но она вполне стоит усилий, так как в случае успеха обеспечит политическое единство, которого столь отчаянно не хватает этнически разделенным государствам.

Альтернативой такому глубокому процессу демократизации снизу вверх является подход администрации Буша. Продолжающаяся американская оккупация Ирака создает еще более серьезные проблемы, чем сама война. Суверенитет — это «святая святых» в миропорядке государств-наций, где колониализм уже не является легитимным политическим выбором.

Для проведения быстрой передачи власти США демократически избранному иракскому правительству в первые месяцы оккупации все силы, враждебные США и демократии, были исключены из нарождающегося политического центра. Проамериканские представители были размещены во властных структурах в надежде, что они добьются доверия населения и впоследствии получают достаточно голосов, чтобы иметь перевес над антиамериканскими силами. Этот подход связан с большим риском контрудара и возможностью активно

использовать военные силы, чтобы придать легитимность проамериканским структурам.

Подход автора предполагает внешнее вмешательство со стороны ООН, а не США. Формирование организаций гражданского общества и надэтнических партий также должно поощряться извне. Международные организации и органы пользуются большей легитимностью в глазах иракцев для контролирования демократических процессов, нежели оккупационная армия и поддерживаемое ею гражданское управление. «Чем больше полномочий в процессе политической трансформации будет передано этим действующим лицам и институтам, тем больше шансов у демократии в Ираке. Вполне возможно, что администрация США не сумеет синхронно демократизировать и контролировать Ирак, и ей придется решить, что же ей в действительности нужно» (с.127).

Т.К. Кореев

**ХАЛСМЭН Дж., ФИЛИПС Дж.
ПОСЛЕВОЕННОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ
УРЕГУЛИРОВАНИЕ В ИРАКЕ**

HULSMAN J.C., PHILIPS J.

**Post-war political settlement in Iraq // J. of South Asian a.
Middle Eastern studies. — Villanova, 2003. — Vol. 26,
№2. — P.4–21.**

«Одним из основных косвенных последствий кампании во имя избавления мира от серьезной опасности, представляемой иракским арсеналом оружия массового поражения, будет конец режима Саддама Хусейна» (с.4), — пишут Дж.Халсмэн и Дж.Филипс (Институт международных исследований Кэтрин и Шэлби Каллом Дэвис, США). По их мнению, «после этой кампании Соединенные Штаты должны помочь иракскому народу установить новую федеральную систему управления, которая обеспечила бы представительство всему народу Ирака и не стала бы угрозой национальным интересам Америки, ее союзников или стабильности в нефтеносном регионе Персидского залива» (там же).

Ни в коем случае США не должны поддерживать экспериментов по высокоцентрализованному национальному строительству по вертикали, безуспешно опробованных администрацией Клинтона в Гаити, Сомали, Косово и Боснии. Новое правительство не может быть утверждено и мандатом ООН, так как региональные лидеры Ирака не будут заинтересованы в его успехе. «Соединенные Штаты не могут позволить себе провести и выиграть еще одну войну с Ираком только для того, чтобы увидеть эту победу пущенной на ветер» (с.4).

В целях эффективности послевоенное правительство Ирака должно быть плюралистическим. Администрации следует уже сейчас начать убеждать арабов-суннитов, арабов-шиитов и курдов в том, что децентрализованная федеральная политическая система — наилучшее средство обезопасить местную автономию, защитить от возвращения тирании центра, обеспечить достойное участие в политическом урегулировании и справедливое распределение нефтяных и нало-говых поступлений Ирака. Под такие гарантии постсаддамовские лидеры скорее присоединятся к политической системе.

Политическая система на основе децентрализации значительно укрепит и региональную стабильность. Такое постсаддамовское правительство будет достаточно слаженно и легитимно, чтобы гарантировать территориальную целостность Ирака и ограничить возможности финансирования военного строительства.

Следуя приведенной авторами конституционной модели, народ Ирака сразу после свержения режима С.Хусейна должен установить федеральную систему управления, дающую представительство суннитам, шиитам и курдам. Лишь она, обеспечив их лидерам местную автономию и долю ресурсов страны, предоставит им серьезные политические преимущества. Иракский народ должен разработать собственную версию американского «Великого компро-мисса», заключенного во время Конституционного соглашения 1787 г.: представители избираются в нижнюю палату по численности населения, а от каждого штата два сенатора делегируются для равного представительства в верхней палате, чтобы обеспечить меньшим штатам эффективный контроль над более многочисленными соседями.

Такое решение вполне соответствует иракской ситуации. В мощной верхней палате законодательного собрания государства полномочия будут равномерно распределены между тремя регионами при равном выделении субнациональными группами представителей, в то время как члены нижней палаты будут избираться, исходя из численности общего населения страны. Справедливо организованная и влиятельная верхняя палата ограничит центральную власть и защитит одну группу от влияния другой. В результате страна, способная контролировать политическую ситуацию и не представляющая угрозу соседним государствам, станет решающим фактором достижения стабильности.

С.Хусейн стремился легитимировать свое правление, выступая в роли поборника арабского мира против Запада, Израиля и Ирана. И хотя кровавая война с Ираном (1980–1988) усилила иракский национализм, фаворитизм по отношению к суннитам, желание ввести в стратегию «разделяй и властвуй» межплеменные отношения за последние годы ослабили это национальное единство.

США предстоит разработать для постсаддамовского Ирака четкую политическую стратегию, в которой должны быть определены специфические детали политического урегулирования. Иракское правительство не должно представлять опасность для соседних государств; ему необходимо сотрудничать в деле ликвидации оружия массового поражения и ракет дальнего действия согласно резолюциям ООН и создать широкую правящую коалицию, отражающую интересы всех этнических и религиозных групп страны.

«Многострадальные оппозиционные движения Ирака, которыми Вашингтон пренебрегал при двух предыдущих администрациях, могли бы не только сыграть полезную роль в устранении С.Хусейна от власти, но также в формировании основы для стабильного постсаддамовского правительства» (с.13). С исчезновением саддамовского режима они приложат все усилия к «искоренению его сторонников и предотвращению их будущего возвращения во власть» (там же). Эти соперничающие группировки с ограниченным и расколотым политически, этнически и идеологически военным потенциалом должны, объединившись в рамках временного правительства, призвать вооруженные силы Ирака к массовому дезертирству, «заверяя их, что они не будут поголовно перебиты в отместку за военные преступления Саддама против своего народа» (с.14). В случае организованного дезертирства достаточного количества регулярных войск, они смогут помочь армии США в борьбе с республиканской гвардией и тайной полицией.

Долгосрочной угрозой для постсаддамовского правительства останутся сторонники Хусейна в спецслужбах, гвардии, правительственной бюрократии и партия Баас. Несмотря на то, что они, скорее всего, непопулярны и дискредитированы уже третьей (с 1980 г.) войной, не исключено их возвращение во власть (в частности, в арабосуннитском Центральном Ираке), если послевоенному правительству не удастся предотвратить провозглашение независимости курдами или же оно будет восприниматься как марионеточное. Баас будет искать

возможности подорвать и насильственно свергнуть любое сотрудничающее с США правительство.

Когда возникнет защищающее и представляющее всех своих граждан новое государство, которое обеспечит доступ к нефтяным ресурсам страны и не станет угрожать интересам США или региональной стабильности, политические элиты Ирака возьмут на себя ответственность за создание системы политических институтов. Они обязаны будут признать эти конституционные обязательства, а не уходить от них, прикрываясь лозунгами об американском или международном диктате, как это часто случалось при распылчатой политике «национального строительства» администрации Клинтона.

Авторы статьи фактически рекомендуют подход, «резко отличающийся от того вертикального (с вектором сверху вниз)... подхода, который известен как “национальное строительство”» (с.21), крупнейшим изъяном которого, наряду с прочими моральными и практическими недостатками, по их мнению, является игнорирование уникальных политических реалий конкретной страны. «Мир очень разнообразен, и локальные политические, экономические, этнические, религиозные и культурные условия могут варьировать столь серьезно, что упрощенческий диктат Запада или мандат ООН, игнорирующие эти реалии, обречены на неуспех» (там же).

В Ираке это значит, что США должны подтолкнуть к формированию децентрализованного федерального правительства, которое максимально использует шанс обеспечить безопасность и долгосрочный мир. В конечном счете, детали этого политического урегулирования должны разработать сами иракцы. США же должны обеспечить мирное протекание процесса, предложить программу действий и поощрить политическую и региональную элиты к достижению консенсуса. Это необходимо, чтобы построить политическую систему, которая даст различным этническим и религиозным группам реальные возможности развиваться.

Т.К.Кореев

**НАКАШ И.
ШИИТЫ И БУДУЩЕЕ ИРАКА
NAKASH Y.**

**The shi'ites and the future of Iraq. — Foreign affairs — N.Y.,
2003. — Vol.82, N 4. — P.17–26.**

И.Накаш (Университет Брэндис, штат Массачусетс, США) полагает, что послевоенное устройство Ирака во многом будет зависеть от поведения шиитского большинства: будут ли шииты бороться за создание исламского правительства по иранскому образцу или согласятся делить власть с другими общинами, и удастся ли Соединенным Штатам заручиться их доверием?

Несмотря на то, что главные события истории шиизма происходили именно в Ираке, шииты там стали доминирующей религиозной общиной только в XIX в. Различия между ними и суннитами носят больше политический, чем этнический или культурный характер. Обе группировки оспаривают право на власть и по-разному трактуют понятие «национализм». Суннитская элита во главу угла ставит принадлежность к арабской общности (в широком смысле). Шииты — приверженцы иракского национализма — считают себя хранителями духовных ценностей и особого исторического наследия Ирака.

Обе общины объединяет заинтересованность в сохранении территориальной целостности страны. Для суннитского меньшинства (17% населения) — это вопрос выживания. Для шиитского большинства (60% населения) — это в значительной степени проблема восстановления исторической справедливости. С начала XX в. шииты не расстанутся с мечтой контролировать большое процветающее государство.

После того, как в 1920 г. англичане подавили шиитский мятеж, у власти в стране оказалось суннитское меньшинство. Ситуация не изменилась и даже усугубилась с установлением режима партии Баас. Новая власть создала армию, способную подавить любое выступление шиитской оппозиции. Заручившись поддержкой шейхов племен и подавив влияние духовных лидеров, иракское руководство добилось раскола в верхушке шиитов. Чтобы исключить возможность появления влиятельного и сплоченного религиозного истеблишмента, способного играть самостоятельную роль во внутренней политике, баасисты казнили нескольких представителей наиболее уважаемых в шиитском мире семей (Садр и Хаким). «У иракских шиитов все еще очень сильно ощущение, что их отстранили от власти, и этим объясняется их несогласие с любыми переменами во власти, так как последние могут привести к их очередному вытеснению на обочину иракской политической жизни» (с.19).

События в Иране 1978–1979 гг. спровоцировали иракских шиитов на открытую конфронтацию с режимом Баас, однако к исламской революции Ирак не был готов. Социально-экономическая и политическая ситуация в стране коренным образом отличалась от иранской, к тому же не только у подавляющего большинства общины, но даже у ее руководства не нашла поддержки концепция исламского государства, разработанная аятоллой Хомейни.

Различия между шиизмом Ирака и Ирана отчетливо проявились в период войны 1980–1988 гг. и во время восстания на юге Ирака в 1991 г. На войне шииты, составлявшие большинство в пехотных подразделениях иракской армии, доказали, что они, прежде всего, патриоты своей страны и что недовольство баасистским режимом и близость религиозных взглядов не оправдывают измены. Восстание 1991 г. возникло спонтанно, не было как следует подготовлено и не имело религиозного вождя, который был бы одновременно и идеологом, и руководителем. Лишь после установления контроля восставших над значительной частью Южного Ирака, известный шиитский лидер Абуль-Касим аль-Хойи (скончался в Неджефе в 1992 г.) осторожно высказался в пользу создания шиитского административного совета в Ираке. Его нежелание быть вовлеченным в мирские дела — отражение извечного соперничества двух направлений внутри шиизма: «квиетизма» и «активизма». С падением баасистского режима этот исторический спор не только возобновился, но усилился «вследствие соперничества внутри

иракской шиитской религиозной иерархии, попыток Ирана оказывать влияние на это соперничество, а также присутствия подразделений США в священных для шиитов городах Неджефе и Кербеле» (с.20).

Высший религиозный лидер Али Систани (сторонник «квиетизма») был против личного участия и вовлечения верхушки шиитского духовенства в политическую смуту. Тем временем некоторые менее значительные шиитские лидеры, поощряемые из Кума Казимом аль-Хусейни аль-Хайри, высказывались за установление в Ираке исламской формы правления. Они попытались распространить свое влияние на некоторые южные города и на район багдадских трущоб, известный до войны под названием Саддам-сити. Жестокая борьба, развернувшаяся в шиитских религиозных сферах, привела к трагическим событиям. 10 апреля 2003 г. в Неджефе был убит Абд-аль-Меджид аль-Хойи (сын Абу-аль-Касима). «Убийство Абд-аль-Меджида, человека, олицетворявшего здоровое и умеренное направление иракского шиизма, показало, как велика роль насилия в иракской политике и как труден в послевоенном Ираке путь к согласию в процессе дележа власти» (с.21).

Вследствие падения режима Саддама в шиитских кругах возобновились дебаты о смысле «справедливого управления». Часть клерикалов выступили сторонниками прихода к власти исламского руководства. Однако подавляющее большинство иракских шиитов не желали повторения иранского варианта, так как на практике это привело бы к переходу от одной разновидности тоталитаризма к другой: от светской тоталитарной системы к теократической.

Автор полагает, что иракские шииты и их соотечественники должны прийти к такому пониманию национальной идентичности, которое бы способствовало объединению страны. Важным шагом на пути построения нового Ирака может стать данная арабским большинством гарантия соблюдения социальных, политических и культурных прав курдов. Необходимо также сформировать правительство переходного периода, в составе которого были бы представители каждой общины, как духовные, так и светские лица.

Отношение иракских шиитов к США имеет двойственный характер. Их решение не выступать во время последней войны против Саддама Хусейна объясняется как верностью идее иракского национализма, так и мстью за предательство, совершенное американцами в 1991 г., когда президент Буш отказался поддержать

восстание шиитов, дав, таким образом, возможность верным Саддаму подразделениям разгромить восставших.

События 1991 г. оставили глубокий след в сознании шиитов. Память о прошлом, усиление националистических и религиозных настроений подпитывали недоверие к вторгшимся в страну иностранцам-христианам. Желая крушения баасистского режима, шииты в то же время заботились и о своем имидже в арабском — преимущественно суннитском — мире. Они старались избежать обвинений в предательстве и коллаборационизме, которые уже выдвигались против них в 1991 г. Они не доверяли долгосрочной программе США и как убежденные националисты не испытывали восторга от перспективы длительной оккупации страны и овладения ее нефтяными запасами, а также от формирования иракского правительства, удобного США.

Существует огромная пропасть между представлениями администрации Буша о том, каким должен быть новый Ирак, и надеждами, которые возлагают на постсаддамовскую эру шииты. Они отдают предпочтение независимому государству, форма власти в котором определяется культурными и историческими традициями, выступают против превращения Ирака в базу вооруженных сил США в районе Персидского залива. Расхождение во взглядах усугубляется наступившей после войны разрухой и затянувшимся периодом восстановления. США и Ираку будет непросто выстраивать двусторонние отношения, и «этот процесс потребует компромиссов с обеих сторон» (с.25).

Автор полагает, что в настоящее время главная задача США — предотвратить превращение гражданских беспорядков на юге страны и в Багдаде в широкомасштабное антиамериканское движение или даже в восстание (как в 1920 г. во время британской оккупации). Для этого администрации Буша следует апеллировать непосредственно к шиитам, признав ошибочным принятое в 1991 г. решение не поддерживать мятеж. Извинения перед шиитами, подкрепленные некоторыми конкретными действиями, помогут восстановить доверие к Соединенным Штатам и в Ираке, и у шиитов всего арабского мира. В ходе восстановления Ирака официальным лицам следует сотрудничать с умеренными шиитскими духовными лидерами и вождями племен, стараясь изолировать радикально настроенных религиозных деятелей, и приложить усилия к возрождению среднего класса, где шииты составляют большинство. Возрождение среднего класса помогло бы сдерживать влияние

религиозных группировок, поднявшихся в период безвластия. Вашингтон не сможет привлечь на свою сторону всех иракских шиитов, но он в состоянии постепенно завоевать симпатии молчаливого большинства.

Если отношения между Соединенным Штатами и иракскими шиитами будут строиться на доверии, заключает автор, это не только улучшит существующее положение, но, возможно, приведет к диалогу между Америкой и Ираном. «После 11 сентября угроза интересам США в районе Персидского залива исходит не от потерявшей былой накал шиитской революции в Иране, а от растущего радикального ислама суннитов, вдохновляемого вахха-битской школой Саудовской Аравии. Ненависть ваххабитов к Америке сопоставима только с их ненавистью к шиизму. Чтобы сдерживать распространение влияния ваххабитов, США должны будут искать пути сближения с шиитами арабского мира и Ирана. От того, как администрация Буша сможет поладить с иракскими шиитами, будет зависеть не только будущее Ирака, но и будущее всего региона» (с.26).

Н.Б.Шувалова

ШАИН Й., АХРАМ А.И.
ГРАНИЦЫ ЛОЯЛЬНОСТИ:
ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ОНИ ИЗМЕНЯЮТСЯ?
SHAIN Y., AHRAM A.I.
The frontiers of loyalty: Do they really change? // Orbis. —
Philadelphia, 2003. — Vol.47, N 4. — P.661–673.

Профессор Йосси Шаин — (Джорджтаунский и Тель-Авивский университеты) и Ариэль И.Ахрам (Джорджтаунский университет, США) рассматривают возможности иракских политэмигрантов — противников режима Саддама Хусейна участвовать в процессе политического переустройства страны.

Будучи за границей, иракские изгнанники призывали свергнуть тирана. США и Англия оказывали им поддержку. Но, оказавшись на родине, бывшие изгнанники стоят перед дилеммой: с одной стороны, они должны демонстрировать свою лояльность и полезность американским патронам в рамках управляемой США временной администрации, с другой — им необходимо одновременно показать известную независимость от сил, которые поставили их, чтобы развеять подозрения в непатриотичности и несамостоятельности.

Однако могут ли иракские изгнанники типа Ахмада Чалаби, главы поддержанного американцами Иракского национального конгресса (ИрНК), быть проводниками новых политических ориентаций, способными спасти свой народ и государство?

Многие из тех, кто объявил контроль над территорией и преданность одной родине устаревшими понятиями, стали относиться к диаспорам как к воплощению «транснационализма» и «множественной самоидентификации и гражданства», как к представителям новой эры

«детерриторизации». Страны, до недавнего времени запрещавшие двойное гражданство (например, Турция и Мексика), теперь разрешили его и даже распространили избирательное право на находящиеся за границей семьи таких людей, в надежде на завоевание их лояльности и использование финансовой и политической поддержки со стороны организованных диаспор. Кроме того, установление границ на основе этнических или географических критериев часто произвольно и абсолютно неэффективно, потому что суверенитет — «отнюдь не имманентное свойство государства, но нечто, даруемое международным сообществом, и он основан..., по крайней мере частично, на том, как лидеры страны надеются управлять ею» (с.663)

Вопрос суверенитета стал историческим испытанием для Ирака, поскольку он был «сделан» британцами не из единой территории или народа, а из желания Лондона иметь хашемитского союзника, гарантирующего обеспечение британских интересов. Этническое государство все еще остается предпочтительной формой выражения стремлений людей, рассматривающих себя... в качестве отдельного сообщества, которое должно управляться в пределах «родной земли» (с.664). Эта реальность дает возможность всем государствам (включая многих, кто только стремится стать нацией) прибегнуть к риторике о «национальной лояльности» как к последнему средству для того, чтобы повести свой народ на жертвы ради защиты родной земли.

Опыт Ирака показывает, что в XXI в., несмотря на прогресс глобализации и демократии, тоталитарные государства все еще способны изолироваться от внешнего мира при продвижении националистической идеи, которая уравнивает лояльность к режиму или руководителю с лояльностью к нации. Такие режимы устанавливают полную монополию в рамках своих обществ, манипулируя информацией и прибегая к зверствам, чтобы подорвать любую несанкционированную связь с внешним миром.

Когда в 1979 г. Саддам установил свое диктаторское правление, он создал именно такую действительность, единственная стойкая оппозиция которой могла действовать только из-за границы.

Сейчас многие из политических изгнанников могут испытывать трудность в приобретении «мандата жертвы», который от них требуют те, кто оставался в стране (с.665). Более того: их могут воспринимать как представителей тех иностранцев, кто причинил боль не только режиму, но и народу. В то же самое время ясно, что местные

претенденты на власть сами являются подозреваемыми в сотрудничестве с прежним режимом и поэтому не могут иметь весомых притязаний на власть, хотя в течение многих лет преданность диктатору была вопросом жизни и смерти для иракцев. Многих в ряды «верноподданных» Саддама привели страх и целесообразность, а неправомерное отождествление национальной лояльности с лояльностью тирану разрушилось только с американской победой.

Группы иракской оппозиции в изгнании, претендующие на власть у себя на родине, все еще несут клеймо «нелояльности», проставленное баасистским режимом на своих противниках. К несчастью долгие годы жизни за границей сделали многих из них чужими в своем отечестве. В то же время политические изгнанники в США и Англии играли важную роль в дискредитации Саддама на международной арене. Их заявления о том, что Ирак обладает оружием массового поражения (ОМП) и связан с международным терроризмом, свидетельства о саддамовских злодеяниях сильно споспешествовали американской затее войти в Ирак. Они смогли организовать оппозиционные институты за границей, дав всем понять, что как только Саддам будет свержен, у Ирака появляется альтернатива. На самом же деле, роль, которая достанется изгнанникам после возвращения, зависит от того, как сильно будут разрушены институты павшего режима. А поскольку США пытаются устанавливать контроль над Ираком под эгидой санкционированного ООН Коалиционного временного правительства, то совсем не ясно, какой будет роль изгнанников в постсаддамовском будущем.

США планировали использовать их на ключевых постах в новой иракской администрации. Однако как только беззаконие выплеснулось на улицы Багдада и других городов вслед за крахом баасистов, многие усомнились относительно эффективности изгнанников в деле установления связей с оставшимися местными властями, в их способности разбить остатки просаддамовского сопротивления и блокировать распространение фундаментализма.

Коалиция нуждается в иракцах, которые могут пробраться в города и помочь организовать людей, в тех, кто знает, как наладить связь с обманутыми соотечественниками, и может объяснить им, почему с режимом Хусейна действительно покончено, кто способен разоблачить его близких друзей, когда те попробуют просочиться в гражданское население. Нельзя освободить людей, просто дав им демократию, ее должны осуществить сами иракцы. Чем больше участие самих иракцев,

тем меньше солдат коалиции будут должны участвовать в уличной борьбе в городах (с.667).

Изгнанникам очень трудно сформулировать убедительную альтернативу саддамовской версии национального единства. Шииты находились под подозрением в том, что они — иранские агенты. На курдов нападали как на отступников и неарабскую этническую группу. Культ личности Саддама и вербовка лично преданных ему людей практически во всех этносектантских группах Ирака имели успех и подорвали местную базу изгнанников. После жестокого подавления мартовского (1991) восстания, ИрНК принял концепцию объединенного демократического Ирака, который обеспечил бы существенную автономию курдам и шиитам. Будет ли данный пакт твердо поддерживаться другими постсаддамовскими деятелями, определит иракскую судьбу в последующие годы.

Особенно важным авторам представляется поведение возвращающихся из иранского изгнания шиитов. Эти изгнанники в принципе менее восприимчивы к обвинениям в национальной нелояльности, потому что они делают упор на религиозные (а не национальные) связи. Однако воззрения некоторых вернувшихся из Ирана, где они образовывали союзы с тегеранскими теократами и выступали за образование исламской республики в Ираке, могут быть неприемлемыми для секуляристски настроенных иракцев и не-шиитов, что в конечном счете может подорвать создание объединенного демократического общества.

Политические изгнанники, нашедшие убежище в либеральных демократических государствах, где они познакомились со свободным обществом, могут стать большим подспорьем в деле восстановления своей родины. Широкая поддержка со стороны диаспоры также жизненно необходима для процесса восстановления, особенно когда члены диаспоры готовы сделать экономический и интеллектуальный вклад в дело возрождения родины.

Иракский случай показывает, что большие страны, приютившие иракских эмигрантов, могут воздействовать на формирование оппозиции в изгнании. Как написал Роберт Дж.Рэбил об иракских изгнанниках: «Удаление режима Саддама Хусейна не было целью внешней политики [Сирии и Ирана]. Что они действительно хотели, так это слабого, но территориально единого Ирака, лишённого возможности быть региональной угрозой или разжечь кризис. Это было в пределах

поддержки, которую региональные страны предложили иракской оппозиции. Следовательно, лагерь оппозиции стал заложником для национального вопроса в этих странах» (цит. по: с.669)¹. Связь со странами, враждебными внутреннему режиму, может клеймить политических изгнанников за национальную нелояльность и принести серьезную опасность их родным и близким. У аятоллы Мухаммада Бакир аль-Хакима, высокопоставленного духовного лица, основавшего поддержанный иранцами Высший совет исламской революции в Ираке (ВСИРИ), 80 членов семьи были арестованы и несколько казнены. Однако его команда — Бригада Бадр — милиция, в которую, среди прочих, были завербованы 100 тыс. иракских шиитских беженцев, отстранена от участия в политической жизни из-за «персидского наследия», они вряд ли могут рассчитывать на места в будущем иракском руководстве.

Бригада Бадр чем-то напоминает власовцев (с.669). Независимо от причины, по которой граждане страны вступают в союз с другими этническими государствами и выступают на их стороне в войне против собственной страны, подозрения в нелояльности сохраняются. Политический изгнанник может стать инструментом в руках той страны, которая приютила его, в деле низвержения режима на родине изгнанника, но такой политической фигуре вовсе не гарантирована поддержка спонсора в будущем.

В Ираке США промедлили с выполнением плана учредить широкие консультативные собрания и законодательные комитеты, которые, как надеялись изгнанники, станут их рупором, свободным голосом иракского народа. Чем продолжительнее оккупация, тем выше шансы того, что США обойдут изгнанников и уступят власть вновь избранному местному руководству.

Авторы считают, что для современного полиэтнического Ирака нужен лидер, аналогичный Т.Масарику в Чехословакии после Первой мировой войны. Самую близкую аналогию они усматривают в Чалаби. Он — выходец из видного шиитского семейства, покинул Ирак в конце 50-х как студент, не был активистом, организатором тайной сети подпольных оперативных работников на родине. Используя американский интерес в устранении Саддама, Чалаби был первым, кто

---

¹ Rabil R.G. The Iraqi opposition evolution: From conflict to unity? // Middle East rev. of intern. affairs. — 2002. Dec. — P.13.

обеспечил голос значительному сообществу изгнанников на Западе, ненавидевших Саддама, но слишком робких, чтобы выступить против тирана или организовать за границей антисадамовское лобби. К нему сочувственно прислушивались американские власти, поскольку он представлял себя и свое движение как светское, демократическое и ориентированное на западные ценности, подчеркивая свои шиитские корни, западное образование и либеральную идеологию как доказательство того, что у иракских шиитов секуляристская ориентация, что они, в отличие от иранцев, не фундаменталисты. Он доказывал, что, в отличие от Афганистана, Ирак всегда характеризовался традицией полиэтнической парламентской демократии, берущей начало с монархического периода. Видение Чалаби федеральной структуры, объединяющей шиитов, курдов и суннитов в Ираке, пока фрагментарно; не объясняется, будет ли федерация основана на географических или конфессиональных границах, как меньшинства типа айсоров и туркмен будут представлены на провинциальном и национальном уровнях.

Чалаби должен убедить оккупационные власти Ирака, что страна не распадется по этническому признаку без железной власти Саддама.

Между тем, исполнение предложения Чалаби и ИрНК о федерализме отдалило бы Ирак от арабского мира и усилило идентификацию иракцев по этническим группам.

Если пример масариковской Чехословакии может чему-то научить, заключает автор, то можно сказать, что способность иракских изгнанников завоевать доверие как иракцев, так и американцев в качестве возможных руководителей будущей страны зависит от их «способности облечь ценности и методы, изученные на Западе, в формы, созвучные с историческим опытом тех, кто оставался на родине» (с.673).

Ю.В. Чайников

**ОТ ПОБЕДЫ К УСПЕХУ.
ПОСЛЕВОЕННАЯ ПОЛИТИКА В ИРАКЕ**
(Специальный доклад Фонда Карнеги)
From victory to success – afterwar policy in Iraq //
Foreign policy & Carnegie endowment special report. –
**[http://www.foreignpolicy.com/
story/cms.phn?story_id=2487](http://www.foreignpolicy.com/story/cms.phn?story_id=2487). – 75 p.**

Представленный Доклад состоит из преамбулы и статей корреспондентов «Карнеги Ньюз» и посвящен вопросам послевоенного строительства в Ираке.

Последствия войны в Ираке многогранны: политические, экономические, экологические, сказались они и на внутривнутриполитической и экономической ситуации в Ираке и в мире. В докладе Фонда Карнеги отмечается, что проблемы, с которыми столкнулась американская администрация в Ираке, «растут подобно сорнякам возле дворца Саддама Хусейна». Характеризуя сложившуюся ситуацию, авторы доклада подчеркивают: «Хотя туман войны и ушел из Ирака, однако на смену ему пришла послевоенная неопределенность» (с.49).

Чему способствовала война – ограничению, сужению базы терроризма или же, напротив, его разрастанию? Что означает падение режима Саддама Хусейна для других диктаторов? Какими должны быть путь восстановления Ирака и меры, принимаемые для этого? Каким образом и насколько смогут США восстановить законность своих действий в глазах международного сообщества? Ответы на эти вопросы, по мнению авторов Доклада, помогли бы определить историческое значение данной войны: насколько эта война была оправдана, и была ли проявлением политической мудрости (как пытались представить

участники антииракской коалиции войну с Ираком) военная кампания 2003 г. или это прямое вмешательство во внутренние дела суверенной страны. Интерес также представляет будущее Ирака и мира.

Особый акцент делается на послевоенной политике в Ираке, на том, как превратить победу военную в успех послевоенного строительства, на формах и методах практической политики.

В течение многих месяцев новости об Ираке имели важнейшее значение, пишет Джессика Т.Матъез. Почему? Видимо потому, что блестяще проведенная военная кампания была первой и более легкой фазой так называемого иракского конфликта (с.51). Сейчас настал период послевоенного обустройства страны, к которому США подготовлены хуже: их практика в мирном обустройстве оккупированной страны не всегда однозначна и в целом менее разработана теоретически, отмечает автор. Однако послевоенные действия США в Ираке имеют большое значение: от этого периода будет зависеть, признают ли мировое сообщество и американская общественность успешной кампанию 2003 г. (с.51).

Опыт Ирака, так же как и Афганистана, доказывает, что США хронически недооценивают сложности послевоенных задач. Планирование военной кампании в Ираке отличалось тщательностью и длительной подготовкой (более года), однако послевоенные планы были недостаточно разработаны и характеризовались неопределенностью задач и методов их исполнения. Игнорировались не только детали, но множество аспектов внутренней ситуации в Ираке, не были приняты в расчет и уроки других иностранных интервенций. Особенно, как полагает автор, не учитывались национальные особенности и проблемы страны, при том что остро стояла необходимость восстановления эффективной конструктивной политической власти. Предполагался простейший вариант: иракское правительство восстанавливается с минимальными затратами, а войска коалиции встречаются «с распростертыми объятьями» (с.51). В этой связи, отмечает автор, предположения самого наилучшего исхода всегда оказываются нереальными на практике. Разница в планировании военной кампании и непродуманности последующих действий в оккупированной стране сказалась с самого начала — в бюджетном планировании. Разрыв между бюджетом Пентагона и бюджетами гуманитарных организаций составляет (даже в условиях мирного времени) 16:1. Это различие особенно увеличилось в последнюю четверть века. При таком подходе в

самой основе антитеррористической операции была заложена возможность неудачи по реконструкции социально-политической системы Ирака. В связи с этим далее автор пишет, что послевоенная ситуация в Ираке должна быть подвергнута тщательному анализу с тем, чтобы дать ответ на вопрос, разумно ли ввязываться в войну, подобно афганской или иракской (с.51). По сути, войны такого рода несут в себе колоссальные материальные затраты и одновременно весьма дорогостоящий политический провал.

Ставки на войну в Ираке были высоки, по замыслам ее исполнителей. Победа в Ираке и демократическое послевоенное урегулирование означали бы изменение отношений со всем мусульманским миром, странами Латинской Америки, Карибского бассейна. К тому же американские войска были бы первыми в регионе. Итак, военные планы рисовались вполне определенно, в отличие от послевоенной ситуации, тщательно не проанализированной, а потому послевоенный период оказался длительным, неясным, с точки зрения задач, и сложным, с точки зрения их возможного исполнения.

Военные действия были спланированы успешно, но после-военная фаза оказалась много трудней, подводит итог автор статьи (с.52).

Минксин Пей анализирует уроки прошлого американской внешней политики. Статья так и называется: «Уроки прошлого».

Автор считает, и справедливо, с нашей точки зрения, что прошлый опыт подобных кампаний бесценен.

Для США главная задача — воссоздание нации в Ираке. Для этого США должны обратиться к опыту послевоенной политики в других странах. Такой исторический экскурс позволяет определить основу национально-административного строительства. Глубокое участие США в решении столь сложной национальной задачи требует поддержки в этом процессе дружественно настроенных государств и их влияния на политические процессы и реорганизацию институциональной составляющей в Ираке. Однако из 16 попыток подобного рода только четыре (Япония, Германия, Панама и Гренада) могут быть квалифицированы как успешные. В этих странах индекс демократии, подсчитанный по системе университета Мэриленд, составил десять лет, уже после того как ушли войска США. В других 11 странах демократия пала сразу же с уходом американских войск, и, к тому же, к власти пришли гораздо более реакционные режимы (с.53). К тому же процесс демократизации очень осложняется из-за господства мусульманской

религии. Например, попытки ввести демократический режим в Алжире привели к глубокому гражданскому конфликту вследствие подъема экстремистских исламских группировок (с.54).

Характерным примером является Афганистан. С приходом американских войск в 2001 г. особенно очевидным стал разрыв между американскими подходами к демократизации мусульманского общества и реальной ситуацией в стране. Афганистан можно представить как страну с многовариантными моделями общества, являющими собой полный контраст тем формам общественно-политической жизни, которые США намеревались внедрить в Афганистане. 18 месяцев спустя после 11 сентября 2001 г. режим «Талибана» пал, однако на юге страны этот же самый режим установился в гораздо более сложной форме. Таким образом, Афганистан остается местом для внедрения различных политических режимов. На практике оказывается, что чем более разнообразны существующие институциональные модели, тем более надежно существующее общественное устройство в целом, полагает автор (с.55).

Таким образом, насаждение американской культуры и демократии, по мнению автора, крайне затруднительно в странах со сложной спецификой политических, клановых отношений, имеющих многовековую культуру и историю.

Одновременно и стремление ООН занять место лидера при осуществлении послевоенного обустройства Ирака не однозначно, и успех действий ООН в этом направлении проблематичен. Однако США на данный момент пользуются кредитом доверия ООН, хотя и краткосрочным.

Марина С.Оттауэй в статье «Одна страна, два плана» рассматривает вопросы послевоенного строительства Ирака.

Сейчас возврат в Ираке к модели, сложившейся сразу же после войны, невозможен, отмечает журналистка, — ситуация изменилась. Возврат к Ираку как к стране, в которой проживает экономически и политически стабильная нация, требует решения комплекса задач, столь же грандиозных, как и те, которые решались в период подготовки военной операции (с.55).

Проблема — в решении двух существующих конфликтных моделей реконструкции страны, каждая из которых имеет свою логику и свои императивы. Задачи США двойного рода: 1) проведение децентрализации, демократизации; 2) контроль нового правительства,

сформированного и действующего под эгидой США. По состоянию на конец лета 2003 г., США не определились с решением послевоенных задач в Ираке. Как подчеркивает автор, действия оккупационных властей отличают путаница, беспорядок, столкновение планов и нереалистичных целей за фасадом успешной военной кампании (с.56). Если считать, что главной задачей была не замена иракского лидера, а изменение самого характера государства и создание новой социальной структуры, то ее решение растянуто на неопределенно долгий срок. По логике вещей, с военной оккупацией американские функционеры в Ираке должны были запретить функционирование существовавших прежде гражданских служб Ирака, а также исключить участие в правительстве лидеров партии Баас и помочь лояльным членам партии установить связь с новым правительством. США также должны были реорганизовать военные и политические силы Баас в новой форме, приемлемой для США.

Для этого была подготовлена программа «Видение пост-конфликтного Ирака» (с.56). В соответствии с ней граждане Ирака привлекались к работе на контрактной основе в области социальной инфраструктуры (контрактная система должна была охватить 50% населения страны в течение полугода). Далее, предполагалось введение новых образовательных программ в школах в течение года, восстановление дорог и электросети; граждане получить право участвовать в планировании будущего и контролировать гражданскую администрацию через выборные органы. В результате Ирак стал бы страной демократии.

Но такой сценарий для Ирака был основан на полном незнании реальной обстановки в стране и потому неприемлем. Как только американские и британские войска вошли в Ирак, стало очевидно, что коалиция не может установить контроль в стране, несмотря на значительное присутствие войск коалиции. Нельзя было игнорировать местные условия. Возмущение, поднявшееся в отношении оккупации еще до конца войны, не поддавалось сдерживанию, и США не могли придерживаться предусмотренных планов послевоенного мирного урегулирования. Не желая увеличивать численность военного контингента в Ираке, правительство США санкционировало разработку новой политики, суть которой состояла в быстрой передаче власти представителям Ирака. Декларировалось, что политический порядок не должен быть навязан Ираку, отмечается в статье (с.56).

Однако также разрабатывались и планы долгосрочного влияния на политическую и экономическую жизнь страны. Например, были разработаны программы развития транспорта, связи, менеджмента, маркетинга и политического анализа. Это могло означать только одно: американская администрация не оставила планов восстановления Ирака и реконструкции его общественно-политической системы.

Таким образом, как отмечается в статье, сознательно или нет, США систематически обращались к использованию двух противоположных механизмов регулирования восстановительного процесса в Ираке. Каждый в отдельности имеет свою логику и смысл, но примененные вместе, они нелогичны и бессмысленны (с.58). Там, где США имеют незначительный контроль, изменения в социально-политической жизни не могут быть успешны, так как неизбежно сталкиваются с сильными национальными и религиозными особенностями страны. Надежды на быструю социально-политическую и экономическую трансформацию Ирака оказались неоправданными.

В прошедшие со времени войны месяцы США предприняли попытку превратить Ирак в демократическую страну, дружественную в отношении США. Однако совместное (иракских граждан и оккупационных властей) участие в процессе политической реконструкции оказалось невозможным. Очевидно, США должны были подготовить план мирного урегулирования, гораздо более тонко учитывающий национальные особенности Ирака, заключает автор статьи (с.60).

В статье «Ослабление ислама должно быть более умеренным» Хьюсана Хаккани отмечают не только сложности преобразований в стране, но и понимание проблематичности, непредсказуемости отношения к войне в арабском мире. Поэтому в послевоенных планах особое значение приобретает так называемая «умеренность». Сейчас «война в Ираке определенно увеличила число радикально настроенных мусульман» (с.61), верящих в очевидность столкновения разных цивилизаций и отстаивающих необходимость защитить свою историю, свой мир, свою религию. Радикальные исламисты считают, что США не имеют позитивной идеи и все их успехи связаны только с военным преимуществом. Этот аргумент находит большое число сторонников, особенно в связи с иракской войной. Следствием коллапса иракского светского националистского режима стали процесс сотрудничества и сближения между радикальными исламистами и светскими

националистами Ближнего Востока. Традиционно светский арабский национализм подразумевает радикальный исламизм как идеологическую основу. Однако война усилила поляризацию между мусульманским «мы» и западным «они». Сближение между светским и фундаментальным исламизмом возможно при создании тех или иных связующих звеньев между теми и другими группировками. Обещания США о создании в Ираке демократического общества и начале строительства Нового Востока не могут восприниматься всерьез, учитывая политику США в отношении арабских стран, во-первых, и подавляющее большинство арабского исламизма в мире, во-вторых. Немногие в мусульманском мире любили Саддама Хусейна. И все-таки война с Ираком была политической ошибкой, так как мусульманский мир увидел в войне прежде всего попытку не освобождения, а оккупации Ирака. В тех же странах, где происходили изменения по сценарию, навязанному США, и сейчас слишком много недовольных (с.61).

Правильно или нет, но многие мусульмане понимают, что США с очевидностью манипулировали и подтасовывали факты с тем, чтобы в глазах цивилизованного мира война в Ираке была не только справедлива, но и необходима. В пользу войны было немало аргументов, и мусульманское государство представлялось как опасный преступник, если оно делало вещи, которые ему приписывали США. Что мы получили в итоге? Как подчеркивает автор, в глазах мусульман назвать Ирак своим врагом — это одно и то же, как если бы США назвали всех мусульман своими врагами (с.62). А это уже опасно, и очень.

На данный момент нет такого плана реконструкции Ирака, который устраивал бы не только Ирак, но и весь мусульманский мир. Самое важное, как показывает практика, никакая война не поможет избежать борьбы, прежде всего, с исламским фундаментализмом. Иначе говоря, самой страшной войне противопоставляется самый непредсказуемый терроризм. Единственная оптимистическая нота — антиамериканизм уже было возник и тут же упал в глазах мусульманского мира. Некоторые неоконсерваторы из США настаивают на том, в частности, что арабско-исламский мир никогда не примет западные идеалы, но должен быть уважаем как мощная сила. Далее автор отмечает, что если такие рассуждения верны, то военная победа в Ираке не имеет положительного влияния на Ирак (с.62). Однако имперское здание, построенное на силе и лишенное поддержки субъектов империи, становится уязвимым в отношении любого рода

терроризма. Американское общественное мнение традиционно демонстрирует невысокий интерес к имперским амбициям. Тем более, израильский эксперимент в секторе Газа, в Российской Чечне подтверждают наше предположение, что любая насильственная акция в мусульманском мире вызывает только рост радикального исламизма. Из этих соображений, США пытаются привести мусульманство к более умеренному виду и отстранить радикалов. Неслучайна поэтому традиция, подчеркивает автор, существующая среди мусульманских лидеров, «заглядывать» на Запад. Мустафа Кемаль Ататюрк говорил: «Ориентация на Запад означает бытие лучше человеческого» (с.63). Однако времена Ататюрка и Мухаммеда Али Жинаха прошли, и найти соответствующих лидеров непросто. Это осложняет задачу, включая завоевание демократической поддержки народа с помощью решения его насущных проблем.

Далее цели войны и внутривойсковую ситуацию в Ираке анализирует Даниель Брумберг в статье «Проблесковые огни на Востоке». Он отмечает, что, несмотря на победоносный марш американских войск по Багдаду, как представляется, в целях установления демократического и подавления репрессивного режима в стране, весьма прозаической реальностью является оккупация Ирака в интересах США для установления полного контроля над событиями в жизни Ирака (с.63). В самом деле, регион больше похож на полигон для проведения эксперимента Запада по осуществлению политической эволюции на Востоке. Суть его в установлении в стране «демократии или как минимум ее “лечения” после диктатуры» (с.63).

Основное воздействие Ирака на регион будет политическим. Создание долгодействующей демократии усилит реформистов и поможет политической либерализации. Но если демократизация вызывает конфликты между курдами, суннитами и доминирующими шиитами (60% населения Ирака) или провоцирует новый шиитский теократизм от Рабата до Тегерана, это означает лишь то, что наилучшим выходом будет избежать политических реформ в Ираке, подчеркивает автор (с.63). Возможность этнорелигиозного конфликта имеет большое психологическое, ментальное и эмоциональное значение для всего региона. Правление С.Хусейна показало, что когда противоречия этнических, религиозных и других составляющих общественно-политической жизни страны не могут быть мирно разрешены, появляется диктатор, который как минимум может их подавлять. Если бы иракский

лидер решал такие конфликты демократическим путем, это не только привело бы к более стабильным результатам в разрешении этнорелигиозных конфликтов, но пример Ирака мог бы вдохновить весь арабский мир.

Соседи Ирака в течение всего времени имели возможность наблюдать драматические события в стране, где большинство населения — шииты, с тем, чтобы решить, объединяться ли с суннитами и курдами-коммунистами, констатирует автор. Радикальные шииты, будучи организованными, могут представлять мощную силу (с.64). Сейчас центром шиитского движения является Наджаф, и если шииты окажутся динамичными, они смогут вдохновить фундаменталистов повсюду. Однако с превращением Наджафа в центр религиозного плюрализма, возрастет активность защитников более умеренного ислама.

Сейчас все, что происходит в Ираке, рассматривается как эксперимент по такому трансформированию исламизма. Еще до того, как началась иракская война, иранское духовенство считало счастьем американскую кампанию. Чтобы почувствовать послевоенный вакуум, Иран послал своих наблюдателей сразу же после падения режима С.Хусейна. Иранские реформисты надеются, что иракские умеренные станут основой национальной политики, минимизируя воздействие радикалов в Иране, а Ирак таким образом усилит политическое влияние собственных иранских умеренных. Все еще делая разделение между реформистами и политической властью, консервативным законодательством, значительная часть позитивно настроенных граждан Ирана могла бы осуществить скачкообразную либерализацию, даже при сохранении радикального движения шиитов в Ираке, отмечает автор (с.64).

В свою очередь, все арабские государства, имеющие значительное шиитское население, будут проявлять серьезный интерес к событиям в Ираке. Ирак на основе плюрализма мог бы стать основой сотрудничества между режимом и оппозицией, которая может возникнуть в ходе либерализации. В Кувейте связи между суннитами и шиитами более отлажены, в частности в Кувейте шииты — влиятельная часть (30%) парламента. С Ираком авторитет Кувейт-ского парламента мог бы возрасти. Но если шиитский радикализм вызывает внутренний конфликт в Ираке, в Кувейте наметилась тенденция к сотрудничеству между шиитами и королевской фамилией, а также между суннитами и шиитами.

В Саудовской Аравии королевская фамилия объявила программу Реформ, которая устанавливает власть неизбираемого Консультативного совета. Вдохновленные событиями в Ираке, в Саудовской Аравии шиитское меньшинство выступает за предоставление больших прав. Саудовские реформаторы могут обращаться с пожеланиями, вопросами и требованиями, но они будут крайне аккуратны, чтобы не посссориться с консервативным ваххабитским истеблишментом. Если шиитские радикалы будут господствовать в Ираке, трудно ожидать серьезных политических реформ в Саудовской Аравии. Очень важно, какой режим будет в Ираке, демократический или теократический. Другой путь — связи между ливанскими и иракскими шиитами будут сдерживаться. Административная политика Дж.Буша попытается остановить движение «Хизбаллах» в Сирии. Но умеренность исламистских движений будет зависеть от процесса арабо-израильского урегулирования. В других странах арабского мира события в Ираке будут иметь меньшее значение. В Иордании с замедлением процессов мирного урегулирования, поднимающимся исламизмом и экономическим кризисом король Абдулах отказывается от ранее проводившейся политики либерализации. Возобновление торговли с Ираком и, более того, создание режима плюрализма в Багдаде затрудняют процессы демократизации в приграничных странах (с.65), пишет автор.

Таково влияние войны в Ираке и, главное, послевоенной ситуации на арабский мир.

Жозеф Сиригсон в статье «Может ли превентивная война остановить распространение оружия» размышляет о превратностях военных действий в такой стране, как Ирак, и ее влиянии на соседние страны.

Автор констатирует, что война в Ираке была первым применением новой теории. Суть ее в том, что превентивная война может быть эффективным инструментом против распространения ядерного, биологического и химического оружия. «“Предупреждение” — скорее медицинская метафора» (с.66). Действительно, часто рассматривают оружие массового поражения в смысле его влияния на соседние страны, и такая точка зрения не лишена смысла. Далее автор рассматривает, как могли бы реагировать соседние с Ираком страны на войну. Получается такая цепочка.

Китай имеет ядерное оружие, поэтому оно есть у Индии и Пакистана. Израиль производит ядерное оружие, а соответственно Иран

и Ирак также. Кроме того, Ирак и Иран располагают химическим и биологическим оружием, а следовательно, возможно его распространение. Хотя это и не доказано, но существует как потенциальная возможность, а следовательно, всегда будет присутствовать формальный повод к войне. Далее, пишет автор, Северная Корея и ее программа развития ядерного оружия провоцируют его распространение в Японии, Северной Корее и других странах АТР. Опасность, исходившая от Ирака, представлялась Американской администрации столь значительной, что война была неизбежна. Официальный Вашингтон опасался, что Ирак мог импортировать базовые элементы для производства ядерного, химического и расширения производства биологического оружия. Президент Дж.Буш заявил, что Ирак имеет большие запасы химического, биологического оружия и необходимые средства их доставки. Все это могло бы привести к гибели сотен миллионов человек (с.67).

В ход была запущена вся мощь пропагандистской машины, сильный административный ресурс, и главным образом, политическая воля антииракской коалиции при наличии крупных бюджетных средств. В итоге США и Великобритания быстро и успешно покончили с антидемократическим режимом С.Хусейна. Режим повергнут, однако эффективность проведенной операции некоторое время еще не может быть определена достаточно точно и в полной мере. Лишь история и дальнейшее развитие событий смогут ответить на вопрос, насколько правильно было военное вмешательство США в Ираке. Вполне возможно, оружие массового поражения было в наличии в Ираке, но часть его была уничтожена перед войной, часть продана за границу, в какой-то части его не удалось обнаружить разведке. В таком случае, война — способ ограничить распространение оружия, и ее можно оправдать, полагает автор (с.67).

Вполне вероятно и то, что у Ирака программы вооружения не существовало в тех масштабах, о которых говорили в США (с.68). Через три недели после падения Багдада Советник президента по национальной политике Кондолиза Райс говорила о необходимости более серьезной инспекции наличия и запасов оружия в Ираке. Конечно, наличие оружия массового поражения должно быть очевидным и неоспоримым фактом в соответствии с резолюцией 687 Совета Безопасности ООН и предвоенной резолюцией ООН 1441, подчеркивается в статье (с.68).

Автор полагает, что в настоящее время большинство американского общества может не беспокоиться, соответствовали запасы оружия и его наличие тому, чтобы вести войну в Ираке, и тому, в чем уверял президент США. Международное мнение, однако, менее забывчиво. И если предвоенные данные, в конечном итоге, не подтвердятся, в мире, не без оснований, могут счесть, что война в Ираке, инициированная США, — просто «грязная работа» (с.68). При таких обстоятельствах сложно рассчитывать на понимание и поддержку стран, необходимых Вашингтону для борьбы с терроризмом.

Более того, чтобы стать эффективным средством против распространения оружия массового поражения, превентивная война должна быть направлена не только против так называемой прямой угрозы (в данном случае Ирака), но и против всех мировых распространителей ядерного, биологического и химического оружия. Поэтому вполне логично, если следующими странами, против которых направят удар США, станут Северная Корея и Иран. Это побудило бы Северную Корею и Иран сменить линию поведения (стратегию и тактику). Однако на деле все обстоит иначе и можно сделать противоположное заключение. Официальные лица в США отмечали в своих докладах, что Северная Корея ускоряет реализацию ядерной программы. Иран также осуществляет ядерную программу хотя и в мирных целях, но содержащую полный цикл, необходимый для производства ядерного оружия. Далее, начальник генерального штаба Индии заверяет, что лучше иметь ядерное оружие, чем не иметь, на случай конфликта с США (с.68).

Тем не менее, сейчас ясно, что предпринимать меры против какой бы то ни было страны нельзя без точных данных разведки. Так, меры против Кореи и Ирана должны основываться на объективных проверенных кондиционных данных разведки, однако разведывательным службам размещение ключевых мощностей по производству вооружения остается неизвестным. Единственное средство борьбы с ядерным, химическим, биологическим оружием — фактически использование международных санкций, направленных против стран, производящих оружие массового уничтожения. В то же время, размышляет автор, функционирование Йонгбуонского ядерного реактора осуществляется в ситуации повышенной опасности, это отмечает и президент Северной Кореи (с.68).

Автор анализирует особенности и практические результаты, которые несет в себе превентивная война. Превентивная война, как отмечается, не чудо и не панацея ото всех бед. Она не может сразу изменить принципы тех, кто владеет оружием, а следовательно, предостеречь государства или террористические организации от хранения арсеналов вооружения. Действия по ограничению распространения оружия должны не только вписываться в рамки эффективных юридически законных инспекций. Кроме того, для государств, имеющих запасы оружия массового поражения, должна быть разработана конструктивная альтернатива, и они должны получить соответствующий статус и международное признание (с.68).

Вернемся к вопросу об Иране и Ираке, предлагает автор. Что касается этих государств, то даже при демократическом развитии событий (к власти придут демократические проамерикански настроенные силы, демократические изменения охватят Средний Восток), вполне законно желание новых демократических сил Ирана и Ирака иметь ядерное оружие, до тех пор пока Израиль его имеет и пока это оружие рассматривается как средство господства в мире. Автор особо подчеркивает, что ядерное оружие по-прежнему продолжает оставаться в качестве средства давления и власти в мире (с.68). Кстати, иранская ядерная программа была начата, как только США продали этой стране первый ядерный реактор.

В заключение автор пишет, что конец режима С.Хусейна мог быть только таким. Ирак представлял серьезную угрозу Ирану, Израилю, Кувейту, Саудовской Аравии и в целом всей между-народной системе безопасности. Задачей войны было прекратить распространение оружия массового уничтожения, хотя пока неясно, насколько она будет решена (с.69).

Отдельные государства пока еще надеются на «оздоровление» региона. Израиль, Египет и другие государства одобрили резолюции ООН о том, чтобы сделать Средний Восток зоной, свободной от оружия массового поражения. Госсекретарь США Колин Пауэлл также подтвердил эту задачу в мае, отметив, что целью США является создание необходимых предпосылок в этой части мира, где нет ни одной нации, которая имела бы необходимость в оружии массового уничтожения (с.69). Главный вопрос в том, подводит черту автор, насколько заинтересованные правительства используют поражение Ирака как основу для создания таких предпосылок (с.69).

Наконец, в докладе Фонда Карнеги поднимается очень важный вопрос — насколько война в Ираке была законна, легитимна.

Роберт Каган рассматривает войну именно под этим углом зрения в статье «Поиски законности там, где ее нет».

Автор представляет на суд читателя свою позицию относительно трансатлантических отношений. Фактически год назад, по мнению автора, политическая воля американской администрации была противопоставлена мировому сообществу в лице Совета Безопасности ООН. Строго говоря, Соединенные Штаты открыли эпоху постхолодной войны. Война в Ираке вопреки резолюциям Совета Безопасности означала выход США из системы международной легитимности. Встал вопрос: если США демонстрируют свою силу, особенно военную, нарушая все представления о границах легитимности, последует ли за ними мировое сообщество и, что более важно, либеральные демократии Запада, в частности европейские, или США отныне являются своего рода носителем суперсилы, и в качестве таковой не нуждаются в признании мировой системы?

Что такое легитимность? Автор полагает, это — неосязаемый фактор мировой политики, но подобно многому неосязаемому, она может иметь огромное практическое значение. Ни нынешняя, ни будущая американская администрация скорее всего не хотела бы, чтобы ее рассматривали как действующую вне рамок международного правопорядка. Но о какой законности можно говорить, когда шла война и затем оккупация Ирака вне рамок, установленных мировым сообществом и действовавших в течение длительного времени. Пример нелегитимного поведения может ограничить сотрудничество с другими странами, подчеркивает автор (с.70). Эта проблема — новая для американцев, и в очень значительной мере она является следствием изменений в международной системе после «холодной войны». После Второй мировой войны легитимность политики США не была серьезным вопросом для большинства населения Европы и АТР. Это было связано с тем, что существовала «советская угроза» и американская ответственность за защиту Запада от Советского Союза и международного коммунизма представлялась юридически обоснованной, даже в спорных политических вопросах. Это была широко признанная роль лидера, которую Америка играла в период «холодной войны». Сейчас встал вопрос — как совместить прежнее и нынешнее лицо поборника справедливости, демократии и законности для нынешней и

будущей администрации США. Беспрецедентное мировое доминирование Америки, вызвав коллапс Советского Союза, зародило подозрение, недоверие даже у верных сторонников США. Термин «гипервласть» был употреблен министром иностранных дел Франции (с.70). Хотя осторожная дипломатия и риторика порой могут завуалировать суть происходящего, в основе проблемы – уникальная структура реальностей настоящей между-народной системы. Сила США и разрыв в уровне жизни стран мирового сообщества приводят к тому, что те, кто имеет преимущества от американского господства, соглашаются и могут принимать доминирующую роль США, а те, кто не имеет, ее не приемлют (с.71).

Простого ответа на вопрос, что же такое международная легитимность, не существует. Многие европейцы часто выражают пожелание иметь мировой порядок без американской гегемонии. Однако в условиях глобализации ни одна страна в мире не может ныне существовать без другой.

В XIX в. баланс силы был более благоприятным, нежели нынешний, характеризующийся гегемонией США, и, в силу экономических и политических причин, возврат к многополярности не вписывается в существующие рамки. Многополярный мир не мог быть установлен принудительно. Возникли условия для его формирования. Вторым полюсом по отношению к Америке была Европа, и Европа, конечно, не хотела многополярного мира за счет подъема Китая или возврата России к статусу мировой державы.

Далее, рассуждает автор, европейское нежелание создать многополярный мир базируется на желании сохранить значимость Совета Безопасности ООН как единственного мирового арбитра, определяющего легитимность военных действий и особенно действий США. Совет Безопасности, включающий пять постоянных членов, сегодня действует как институциональное многополярное образование, по крайней мере, в теории, тем самым компенсируя недостаток естественной многополярности международной системы (с.70).

Некоторые американцы и все европейцы согласились бы с тем, чтобы Совет Безопасности и его резолюции сами стали ответом на проблему легитимности. В то же время в 1999 г. Совет Безопасности рассматривался европейскими странами как организация, чьи решения не обязательны для придания легитимности действиям в Косово. Совет Безопасности после этого в глазах многих перестал быть конечной

авторитетной инстанцией в принятии решений о легитимности тех или иных военных действий. Таким образом, обращаясь к проблеме легитимности, нужно признать, что не существует простейшего институционального обеспечения законности. Успех решает многие проблемы, скажем, такую, как реакция мирового сообщества на падение режима в Ираке (с.70).

Если США обеспечат либеральную демократию в Ираке, уничтожат опасность в регионе и дадут миру понимание того, что война велась не только в интересах США, но и в интересах других, — после этого вопрос о легитимности будет решен в пользу Америки. Если Ирак останется нестабильным и недемократическим, а обстановка в регионе не улучшится, легитимность действий и американская политика в целом в Ираке будут расшатаны (с.71), заключает автор.

Проблема легитимности, как и многие международные проблемы, никогда не может быть определенно решена. Возможно, наилучшей проверкой для американской политики в ближайшие годы будет активная дипломатия и успешные действия в общих интересах. Тогда США смогут предъявить аргумент, что их действия отвечали интересам мирового сообщества чаще, нежели вопреки им (с.71).

Т.В.Кругликова